О. Ремез

ЧЕТВЕРКА В ЧЕТВЕРТИ

О. Ремез

ЧЕТВЕРКА В ЧЕТВЕРТИ

Повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА-1971

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пенкин против шестого «В»

Пенкин не торопился на совет дружины. А совет дружины, обсудив предыдущие вопросы, вплотную подступил к Пенкину.

Уже в пионерскую комнату был приглашен староста шестого «В» Корягин, уже Оля Замошина разогнула тетрадь, в которую вписаны были тезисы о Пенкине, как вдруг выяснилось, что самого Пенкина нет.

Вопрос о Пенкине был включен в повестку дня совета дружины впервые.

До этого вопрос обсуждался в звене, на совете отряда и отрядном сборе. Вопрос поднимался все выше и выше, пока не достиг четвертого этажа, комнаты номер семнадцать, в которой по понедельникам заседал совет пионерской дружины.

Вопрос этот возник вместе с Пенкиным — в тот самый день начала учебного года, когда Пенкин переступил порог шестидесятой школы и был зачислен в шестой «В» класс.

Школа у вас так себе,— сказал Пенкин после пер-

вого урока, которым оказалась история.— У нас было не так.

— Как не так? — спросила Оля Замошина. Она любила во всем точность.

— Все как-то у вас здесь пообивалось,— пожал плечами Пенкин.— Все какое-то... мышиное.

Шестидесятая школа действительно была старая, видавшая виды школа, и стены в шестом «В», выкрашенные в серый, мышиный цвет, действительно пообсыпались. Но на это до Пенкина никто внимания не обращал.

— А историю средних веков мы уже в пятом классе прошли,— продолжал Пенкин.

— Ну это ты, положим, врешь,— осадил его Боря Ильин.

— Проверь!

— В каком году правил кардинал Ришелье?

— С тысяча шестьсот двадцать четвертого по тысяча шестьсот сорок второй,— без запинки ответил Пенкин.

— Годы правления султана Сулеймана первого! — не сдавался Ильин.

— Тысяча пятьсот десять — тысяча пятьсот шестьдесят шесть,— крыл Пенкин.

— Все равно средние века не проходят в пятых классах,— сказал порядком струхнувший Ильин.— По программе средние века проходят в шестых.

— Смотря какая программа,— загадочно улыбнулся Гена.

— А где ты учился? — спросил Корягин.— Откуда ты прибыл?

— Я приехал с Кубани,— не моргнув глазом, ответил Пенкин.

И тут все поняли, что он врет.

С Кубани приехал Корягин в прошлом году. Он учился там в станичной школе. Корягин был в классе самым сильным. Это редкость — самый сильный — и староста. Обычно старостами выбирают самых дохленьких. Родители Корягина были казаки, самые настоящие. А Пенкин был никакой не казак, а просто соврал неудачно, и Корягин его живо разоблачил, не то, что со средними веками, которые Пенкин, действительно, знал назубок.

Дальше Пенкин врал уже без остановок. Каждый день открывалось что-нибудь удивительное. То оказывалось, он знаком с настоящим космонавтом, который еще не летал, но который полетит очень скоро. Фамилии его Пенкин назвать

не мог, потому что дал слово самому начальнику звездного городка. А был он в звездном городке по вопросу о посылке его, Пенкина, на одну из ближайших планет. Дело в том, что после полетов мужчин и женщин запланировано будто полеты мальчишек и девчонок, и в списках мальчишек Пенкин числился первым кандидатом.

То выяснялось, что Пенкин лично беседовал с человеком, которому пересадили чужой мозг. Этот человек, которому пересадили мозг, был до пересадки дворником дома номер шесть по Козьему переулку, а после пересадки на следующий день стал читать лекции в Университете. Пенкин сам был на первой лекции и записал слово в слово, что тот говорил.

Пенкин рассказывал так убедительно и с такими подробностями, что некоторые даже пошли искать дом номер шесть по Козьему переулку. Но выяснилось, что дом этот на прошлой неделе снесли, а дворник перешел на другую работу. Читал ли он лекции в Университете — никто точно сказать не мог.

Пенкин распространялся и про свои шахматные успехи, но когда Кирилл Прудков, который был чемпионом школы, предложил ему сыграть, выяснилось, что Пенкин летом болел эпидемическим гриппом с осложнениями и после осложнений стал забывать, какая фигура куда ходит.

Уличить Пенкина было почти невозможно, хотя все и понимали, что он заливает. Учился Пенкин плохо. Он знал хорошо только свои средние века. Тут он мог отвечать, зажмурив глаза. Все остальное Пенкин не учил, отвечал кое-как, на уроках то и дело писал что-то в общую тетрадку в коричневом переплете.

И кривая успеваемости шестого «В» поползла вниз.

Между тем в начале второй четверти в школе было объявлено повсеместное соревнование. Совет дружины выдвинул три показателя, по которым следовало судить о состоянии класса,— учеба, дружба, активность. И если на дружбе, что признавала даже Оля Замошина, шестой «В» не дотягивал, то процент успеваемости класса был довольно высокий, и этот процент мог в крайнем случае перекрыть отставание по дружбе.

Что касается активности — мнения разделились. Кое-кто утверждал, что если активность одной Замошиной разделить на тридцать шесть (число учеников класса), то на каждого придется вполне достаточная доля.

Были в классе и еще активные девчонки, например подруга Оли — звеньевая Кудрявцева.

С мальчиками обстояло хуже. Но какие-то сдвиги и здесь намечались. В частности, Колю Сорокина, чтобы помочь ему преодолеть робость и природное заикание, выбрали командиром отряда.

Вообще в шестом «В» было много активных людей. Почти у каждого было свое увлечение. Лиля Валевская, например, ходила в хореографический кружок. Она любила танцевать. И увлекалась фигурным катанием.

Зайцев вечно чего-нибудь изобретал. Только с первого сентября он успел изобрести автолей для мытья труб, механический аквариум для рыб, автоградусник и универсальный предсказатель погоды.

Петя Ягодкин мог читать круглые сутки все, что попадалось ему на глаза.

Сеня Щукин играл на трубе в духовом оркестре районного Дома пионеров.

Кирилл Прудков имел второй разряд по шахматам.

У Бориса Ильина была одна радость — учить уроки. Он отучивал их до такой степени, что, когда отвечал, прямо пар шел у него изо рта.

Корягин занимался боксом.

Галя Кудрявцева ходила в Зоосад и там ухаживала за белыми медведями.

К концу учебного года ее обещали допустить к настоящему волку.

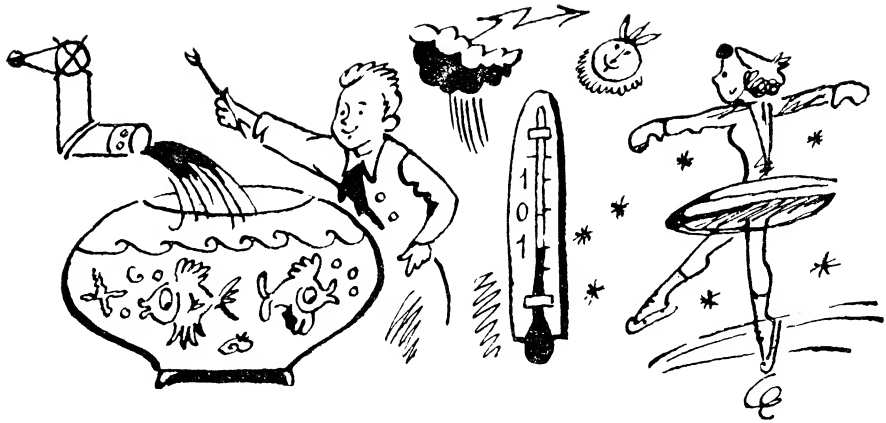
Но все эти полезные дела превращались в одни отговорки, как только речь заходила об общем деле.

— А у меня сегодня духовой,— отговаривался толстощекий Щукин.

— Иду к медведям,— сообщала Кудрявцева.

— Кружок юннатов,— объясняла Машечка Шамро своим высоким голосом. У Машечки было два голоса. Высоким она говорила с учителями и когда обманывала. В остальных случаях она разговаривала обыкновенно.

Ко всему этому прибавился Пенкин и принялся не только врать (это еще полбеды), но и резко снижать успеваемость. А тут еще на отрядном сборе, когда разбирали Пенкина, он вдруг ни с того ни с сего заявил, что в классе — скука зеленая. Оля немедленно возразила ему, что вопрос разбирается не о классе, а лично о Пенкине, и тут же процитировала несколько строчек из басни Крылова, в которой



говорилось, что прежде чем кумушек считать трудиться, гораздо полезнее оборотиться на самого себя.

Конечно, сказала Оля, у нас имеются еще недоработки и по дружбе и по активности, но процент успеваемости снижает не кто-нибудь, а именно Пенкин.

За честь класса тут же вступился и Боря Ильин, который вот уже шестой год был бессменным первым учеником.

Относительно зеленой скуки согласился с Пенкиным только один человек. Это была, ко всеобщему удивлению, классная руководительница Нина Григорьевна. С Ниной Григорьевной шестому «В» не повезло. Она была начинающая и неопытная и от этого совершала лишние поступки. Зачем ей надо было поддерживать Пенкина и соглашаться, что шестой «В» класс — плохой, хотя он был ничуть не хуже, а во многом даже лучше, чем другие классы шестидесятой школы?

Скоро, конечно, Нина Григорьевна поняла, что она согласилась с Пенкиным зря, потому как буквально после этого сбора он перестал вообще что-нибудь делать и ограничивался враньем на разные темы. И это, конечно же, отразилось на показателях. Активность не возрастала, а успеваемость падала.

Нужны были крутые меры.

Дело осложнялось еще тем, что довести о поведении и учебе Пенкина до сведения его родителей не представлялось возможным. Мать Пенкина погибла в прошлом году во время пожара, а его отец был летчиком-испытателем и все вре-

мя находился в отлете. Пенкин объяснял, что из-за гибели мамы они и переехали в другой город, а папа его находится на такой нервной работе, что малейшее потрясение может привести к гибели новой модели реактивного самолета. Приходилось решать все самим. Поэтому, недовоспитанный на звене, на совете отряда и на отрядном сборе Пенкин вызван был, по настоянию Оли Замошиной, на заседание совета дружины.

Оля считала, что Пенкина за двойки и вранье следует исключить из школы. Оля всегда стояла за крайние меры. И хотя директор Иван Петрович в разговоре с ней намекнул, что исключать Пенкина никто не позволит, Оля стояла на своем.

Корягин же, напротив, считал, что такая мера преждевременна и что долг класса и всей пионерской организации школы заключается в том, чтобы подтянуть Пенкина и отучить его врать.

Уже в пионерскую комнату приглашен был Корягин, уже Оля Замошина разогнула тетрадь, в которую вписаны были тезисы о Пенкине, как вдруг выяснилось, что самого Пенкина нет.

— Тоже показательный факт,— сказала Оля.— Учти, Корягин.

Разбирать вопрос в отсутствие Пенкина было нельзя. Тогда председатель совета дружины семиклассница Оля Ястребцова предложила поговорить еще немного о ходе сбора макулатуры.

Корягин попросил разрешения выйти — поискать Пенкина.

— Зря выгораживаешь,— успела бросить ему Оля Замошина, и Корягин вышел.

Корягин вышел и стал думать, что делать дальше. Он готов был сбегать к Пенкину домой. Но не знал — куда бежать. Пенкин сказал, что они с отцом переселились поближе к аэродрому, а куда именно — не уточнил.

Корягин прямо-таки не знал, как поступить. И тут он увидел незнакомую женщину, которая неуверенно поднималась по лестнице на четвертый этаж.

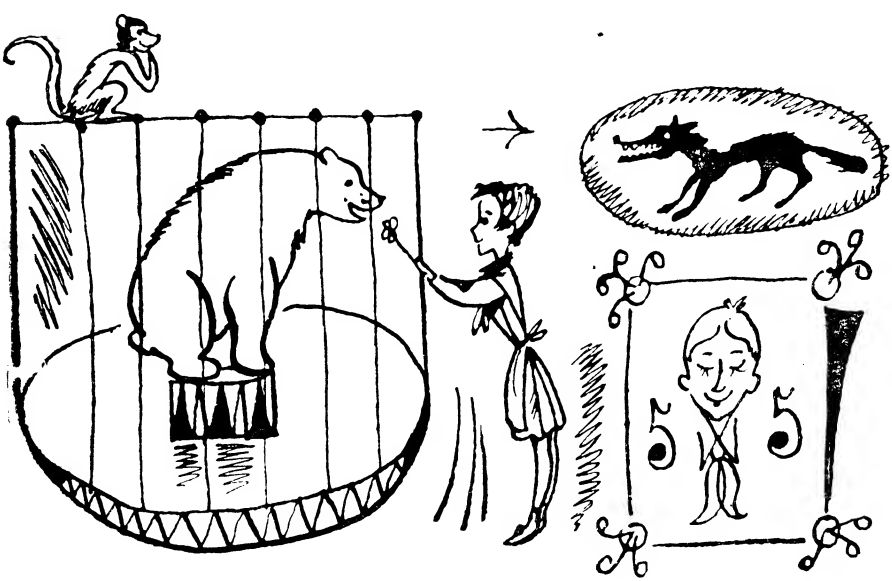
ГЛАВА ВТОРАЯ

Погибшая мама

Женщина, которая поднималась, тоже заметила Корягина. Порывшись зачем-то в сумочке, она спросила:

— Мальчик, ты не знаешь, где я могу найти Аврору Сигизмундовну?

Чтобы сказать, где найти Аврору Сигизмундовну, надо было обязательно знать, кто она такая. Корягин этого не



знал. Женщина еще раз пошарила в сумочке. Она вынула из сумочки записку, внимательно прочла ее и сунула обратно.

— Да, Аврора Сигизмундовна,— повторила она.— Аврора Сигизмундовна — это классная руководительница шестого «В» класса.

Корягин тут же заявил, что классную руководительницу шестого «В» зовут Нина Григорьевна. Женщина разволновалась и сказала, что она лучше знает. Корягин возразил, что лучше знает все-таки он, потому что учится не где-нибудь, а именно в шестом «В».

— Ты уверен в этом?— спросила женщина.

Корягин был в этом совершенно уверен.

— И вашу учительницу зовут... не Аврора Сигизмундовна?

Корягин подтвердил и это.

— Может быть, я попала в другую школу?— высказала предположение женщина.

Она начинала не на шутку нервничать. Однако школа, которую она разыскивала, была та самая — шестидесятая Старопролетарского района.

— Как же твоя фамилия, мальчик?— спросила женщина.

— Моя фамилия — Корягин,— ответил Федя и уже собирался было идти на улицу — посмотреть, не скрывается ли Пенкин за углом. Но тут же остановился, потому что женщина сказала нервным голосом:

— Такого ученика нет в шестом «В»!

Корягин вежливо заметил, что это уж он знает наверняка лучше.

Женщина стала нервничать еще больше, зачем-то вынула гребенку, причесала волосы и сказала:

— Неужели?

Понимая, что теперь неудобно просто уйти, ничего не сказав, Корягин, потоптавшись с ноги на ногу, спросил:

— Вы — по какому делу?

— Моя фамилия — Пенкина,— ответила женщина, глядя куда-то в сторону.

Дело принимало неожиданный оборот.

— Вы — родственница Геннадия Пенкина?— спросил Корягин.

— Я его мама,— сказала женщина.

Корягин почувствовал, как его ноги приросли к лестни-

це. За всю свою жизнь он никогда еще не встречался с людьми, погибшими во время пожара. Женщина была совсем как живая и даже следа ожогов нельзя было на ней обнаружить.

Корягин, стараясь не глядеть на погибшую, осведомился, как она себя чувствует, и намекнул на то, что она в прошлом году как-никак сгорела в огне.

Услышав, что она сгорела, женщина вынула из сумки платочек и прижала его к глазам.

— Я об этом уже слышала,— сказала она сквозь слезы. Удивительного, что она слышала об этом, ничего не было, но все-таки Корягин для точности объяснил, что знает об этом со слов самого Пенкина.

— Я так и подумала,— сказала погибшая мама и громко заплакала.

Тут Корягин совсем растерялся. С одной стороны, он, конечно же, не верил в привидения, с другой стороны, он не далее как вчера читал перед сном «Собаку Баскервилей», которую не успел дочитать до конца. Недочитанная до конца «Собака» заронила в душу Корягина некоторые сомнения насчет привидений, и вот теперь — пожалуйста!— он разговаривал с покойной мамой Пенкина совсем как на самом деле. Было от чего прийти в смятение! Корягин пролепетал что-то маловразумительное, вроде того, не жутко ли ей было, когда начался пожар и...

— Какой пожар!— сквозь слезы прокричала Пенкина.— Неужели ты не понимаешь, что никакого пожара не было? Просто я оставила включенным чайник, и он прожег крышку письменного стола!

С одной стороны, трудно было требовать логики от человека, погибшего при пожаре, с другой стороны, мама Пенкина косвенно призналась, что пожар, хотя и небольшой, все-таки был, с третьей стороны... С третьей стороны, Корягин вдруг стал догадываться, что вся история с пожаром, погибшей мамой и с Авророй Сигизмундовной может быть объяснена гораздо проще, совсем просто...

— Я так и знала,— продолжала всхлипывать бывшая мама Пенкина.— Так я и знала. Недаром я удивлялась, что до сих пор меня не вызвали в школу. Не может быть, чтобы не было причин меня вызывать!

Корягин объяснил, что причины вызывать, конечно, были (тут мама заплакала громче), но вызвать ее никто не решался, тем более, было точно известно, что она еще в прош-

лом году погибла. Не хотелось так же тревожить и Гениного папу, ибо...

— Это вы сделали верно, совершенно верно,— оборвала Корягина мама.— Папа ничего не должен знать! Он у нас очень впечатлительный, а у него такая ответственная работа.

Корягин заявил, что в школе знают о степени ответственности работы Пенкина-старшего, который, как известно, является заслуженным летчиком-испытателем.

— Это Гена вам рассказал?— поинтересовалась мама.

Корягин объяснил, что других источников информации у них, к сожалению, не было.

— Да, да, ужасно! Но мы только теряем время,— заторопилась мама Пенкина и засунула платочек обратно в сумочку.

— Как зовут Аврору Сигизмундовну и где я могу ее найти?— решительно спросила она.

Корягин повторил, что Аврору Сигизмундовну зовут Ниной Григорьевной, и сказал, что она находится сейчас в соседнем кабинете на заседании совета дружины. Заодно Корягин объяснил, какой именно вопрос собираются там обсуждать.

— Ясно,— сказала мама.— Я думала, что это — возрастное. Что это — пройдет. Но, как видишь, оно не проходит, а даже усиливается. Я перевожу его из школы в школу, и везде все повторяется с самого начала!

И теперь Корягин окончательно понял, что история с мамой была просто выдумкой Пенкина, такой же точно, как история с дворником, или с будущим космонавтом, или со средними веками, которые он проходил в прошлом году... Но, с другой стороны, Пенкин долголетне знал, что происходило в средние века.

Но так или иначе — Корягин обрадовался. Во-первых, ему было радостно сознавать, что привидений все-таки нет, во-вторых, в том отчаянном положении, в которое попал Корягин из-за отсутствия Пенкина, живая мама была прямо-таки находкой.

Наскоро объяснив, что Оля Замошина собирается ставить вопрос об исключении ее сына из школы как дезорганизатора и чем все это может кончиться, Корягин настроил маму на боевой лад.

— Я пойду сама на совет дружины,— заявила мама Пенкина, уцелевшая во время пожара.

Тут из дверей высунулась копна волос, и Оля Замошина ехидно спросила:

— Ну, где же твой Пенкин?

В ответ Корягин, заранее предвкушая эффект, который произведет его заявление, не торопясь произнес:

— Пенкина я не нашел, но вот познакомься, пожалуйста,— мама Пенкина.

— Софья Михайловна,— протянула руку женщина с сумочкой.

Оля сделалась бледной, как промокашка, и, воспользовавшись ее замешательством, Корягин ввел маму Пенкина на совет дружины.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В это самое время

Итак, Пенкин не торопился.

Сначала у него вообще была уйма времени, и он решил наведаться в кино «Призыв», посмотреть, какой новый фильм пойдет там с понедельника.

Убедившись, что этот фильм он уже смотрел в кинотеатре «Зарница», Пенкин стал считать, сколько у него денег в кармане. В кармане оказалось восемь копеек мелкими монетками, и вполне было можно купить на них порцию девятикопеечного мороженого. Но продавщица с первого же захода обнаружила отсутствие копейки. С мороженым — не выгорело, тем более, у другой продавщицы на углу мороженое без копейки Пенкин ел уже вчера.

Тогда он стал ходить вокруг школы. У него оставалось еще верных пятнадцать минут.

На этом пути вокруг школы он встретил человека, который тоже ходил вокруг школы.

Человек был в очках, остроносый, с оттопыренными ушами, с блокнотом в руке и фотоаппаратом через плечо. Человеку было лет двадцать, не меньше. И поэтому было странно, почему он ходит вокруг средней школы.

Сначала Пенкин подумал, что это — шпион, но для шпиона у остроносого был слишком добродушный вид.

Все-таки Пенкин подошел к нему и спросил, что его, собственно, интересует и почему он ходит вокруг. Остроносый

сразу спрятал под пальто фотоаппарат, запихнул в карман блокнот и ответил, что осматривает школу.

Пенкин сказал, что это заметил, и заинтересовался, почему именно он ее осматривает.

Тут остроносый сбивчиво объяснил, что у него есть сестра, которую он хочет устроить в школу, но опасается — не плохая ли это школа. Пенкин спросил, в каком классе учится сестра, и узнал, что она — шестиклассница.

— Школа довольно-таки хорошая,— сказал Пенкин.— Так что можете не особенно беспокоиться за вашу сестру.

— Меня смущает,— поделился остроносый брат,— что здание довольно-таки старенькое.

— Это снаружи,— объяснил Пенкин,— а внутри оно довольно еще новенькое.

— А какой, скажи, пожалуйста, из шестых классов самый лучший?

— Самый лучший — шестой «В». Это — лучший класс во всей школе,— ни секунды не посомневавшись, ответил Пенкин.— Это я знаю потому, что сам учусь в шестом «В»,— добавил он не без гордости.

— А как ты учишься?— полюбопытствовал остроносый.

— В прошлой четверти была одна четверка.

Пенкин говорил правду. У него действительно была одна четверка по истории, дальше шли тройки и двойки. Но Пенкин сказал это так, что молодому брату стало ясно — остальные отметки у Пенкина — пятерки.

— А чем же хорош твой шестой «В» класс?— спросил молодой человек.

— Он хорош тем, что это очень дружный класс. Каждый за каждого стоит горой.

И тут Пенкин привел целый ряд живых примеров. Это были такие удивительные примеры, что остроносый чуть было не схватился за блокнот, но почему-то спохватился и не стал схватываться.

Пенкин разошелся и рассказал про то, как Оля Замошина на прошлой неделе вытащила из проруби ученика первой ступени, как весь класс перевел через улицу какого-то одинокого старичка и как все дружно вышли из трамвая, чтобы уступить места пенсионерам, которые ехали на хоккейный матч.

Потом объяснил, что все стены класса, парты и классная доска выкрашены у них в разные цвета.

— В какие же именно?— спросил сильно заинтересовавшийся молодой человек.

— Парты — светло-зеленые, доска — темно-зеленая, а стены — коричневые!

— А кто красил?

— Мы все красили. Вообще мы все делаем сообща.

— А кто первый предложил?

— Разве это имеет значение? Ну, я предложил.

Тут Пенкин рассказал кое-что и про себя — как он подтягивает отстающих, как победил в школьном шахматном турнире — и намекнул не очень ясно (по вполне, впрочем, понятной причине) о предстоящих космических полетах.

— В общем,— заключил Пенкин,— вашей сестре есть полный расчет поступать в наш класс.

Обнадеженный молодой человек поблагодарил Пенкина, спросил еще, как зовут классную руководительницу шестого «В» класса, и получил ответ, что зовут ее Эвридика Анисимовна.

— Какое редкое имя!— удивился молодой человек.

— Человек редкий,— поправил Пенкин.

Тут только он сообразил, что давно уже опаздывает на совет дружины и стал торопиться.

Но теперь молодой человек прямо-таки вцепился и не отпускал Пенкина. Он его расспрашивал и расспрашивал. А Пенкин все рассказывал и рассказывал.

— Послушай,— сказал, наконец, молодой человек.— Я хочу поделиться с тобой одним соображением.

— Валяйте, только скорее.

— Мне почему-то кажется, что при коммунизме не будет людей, занимающихся одним делом. У каждого человека будет несколько профессий. Как ты считаешь?

— Сколько именно профессий?— прикинул Пенкин, которому очень понравилась такая мысль.

— Не меньше двух.

— Так мало?— удивился Пенкин.— Я считаю, что для коммунизма и три — не цифра. Четыре-пять — не меньше.

— Ты ду-умаешь?— заволновался остроносый и опять потянулся к блокноту.— Может быть, ты и прав. Понимаешь, у каждого человека есть талант. И этот талант пробивается в какой-нибудь точке. Но ведь бывает и так, что талант пробивается в разных точках, а?

— Что за вопрос! Конечно. Вот у нас в шестом «В», на-

пример, у каждого есть свое увлечение. Толя Зайцев, например, изобретает, а Вася Щукин играет на трубе.

Молодой человек поинтересовался, идут ли эти их таланты на пользу всему классу, и получил исчерпывающий ответ. Зайцев, например, изобрел для класса тряпку-стиралку на полупроводниках, и эта тряпка стирала все с доски без помощи человеческих рук, а Сеня Щукин трубил сбор перед началом учебного дня. Класс выстраивался на линейку, и звеньевые отдавали рапорта командиру.

Молодой человек расспрашивал, Пенкин рассказывал, а время шло.

Наконец, Пенкин извинился и сказал, что его уже давно ждут на совете дружины, где он должен дать некоторые советы по организации кружка следопытов.

Молодой человек, в свою очередь, стал интересоваться работой следопытов и сказал, что его сестра давно мечтает стать следопыткой.

Пришлось Пенкину рассказать о том, что сделал шестой «В» по линии поисков пропавших героев, помощи престарелым ветеранам войны и созданию иллюстрированных альбомов «Наша школа», «Наша улица» и «Наш район». Пенкину, как лучшему ученику класса, доверили оформить альбом «Наш класс».

Пенкин так увлекся, рассказывая о следопытах, что даже не заметил, как въедливый брат стал записывать все, что ни говорил Пенкин, в свой отрывной блокнот.

Заметив блокнот, Пенкин спросил на всякий случай, зачем остроносый все записывает. Тот ответил, что у него плохая память и он не надеется все, что рассказал ему Пенкин, запомнить. А сестра будет расспрашивать.

Тогда Пенкин стал побыстрее прощаться, тем более что время все шло и шло.

— В общем, сестра не пожалеет,— сказал в заключение Пенкин.

Тут молодой человек засмеялся и сказал, что никакой сестры у него нет.

— Как нет?— растерялся Пенкин.

— Нет, и все. У меня есть брат, но он уже учится в Университете.

— Зачем же тогда вы у меня все выспрашивали?

Тут молодой человек снова засмеялся и объяснил, что он — никакой не брат, а корреспондент газеты «Пионерский галстук». И он теперь так решил работать. Обычно все кор-

респонденты обращаются в совет дружины или к директору школы, а этот корреспондент решил ни к кому официально не обращаться и не объявляться, кто он такой есть, а как бы невзначай заводить беседу со случайным человеком. Это получается, как правило, гораздо интереснее и намного живее.

— Вот видишь, какой замечательный материал получил я сегодня.

— Материал-то интересный,— забормотал Пенкин.— Но все-таки я бы на вашем месте пошел бы в совет дружины и все проверил. На всякий случай. Мало ли что...

— Проверю, не беспокойся. Но беда в том, что как только узнают, что я — корреспондент, обязательно что-нибудь да привирают, а если не знают — говорят, как есть.

Обрадованный корреспондент выхватил запрятанный фотоаппарат и собрался сфотографировать Пенкина.

— Осталось узнать, как твоя фамилия...

— Моя фамилия...— задумался Пенкин.

Он не знал, что лучше — назвать свою фамилию, как она есть, или не называть, как есть.

— Моя фамилия — Пенкин, но все-таки проверьте, что я вам тут насказал,— посоветовал Гена.— Мало ли. Вдруг вкрались неточности.

— Проверю, проверю,— засмеялся корреспондент.— Да ты не смущайся! Нечего скромничать!

— Да я не поэтому,— пытался объяснить Пенкин.

— Ладно, пойдем вместе на совет дружины. Скажу, что я — твой брат, и попрошусь поприсутствовать.

— Нет, лучше скажите, что вы — корреспондент. Что за привычка обманывать? Это же нехорошо,— пристыдил его Пенкин.

— Ладно, ладно, скажу, что корреспондент. Пойдем. Где заседает совет дружины?

— На четвертом этаже, комната номер семнадцать,— сказал Пенкин и вдруг вспомнил, что его ждут на слете юных техников района, и быстро скрылся за углом.— Обязательно проверьте материал!— крикнул он, высунувшись из-за угла.

— Подожди! Я тебя сфотографирую!

— Я очень тороплюсь!— крикнул Пенкин и прыгнул в подкативший к остановке автобус. Тогда корреспондент, тщательно спрятав фотоаппарат, отворил дверь школы и стал подниматься на четвертый этаж.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Редакционная тайна

Олег Светлицын, так звали корреспондента, воевал со стандартными мыслями и гладкими фразами.

Он воевал с ними уже полтора месяца — ровно столько, сколько работал в газете «Пионерский галстук». Он вытаскивал их за уши из любого газетного материала. Он уничтожал их, вычеркивал, выправлял, выкорчевывал, но они, как ни в чем не бывало, заползали обратно. Они похрюкивали, повизгивали и резвились на всех газетных полосах.

«Больше задора — шире соревнование!», «Пионер — всем ребятам пример!» — трубили они из передовиц.

«Все силы учебе!», «Все внимание металлолому!», «Хорошему почину — широкую дорогу!» —выглядывали из подвалов.

«Вода в ступе», «Гладко было на бумаге», «Поговорим о недостатках»,— подмигивали из фельетонов.

«Во время недели детской книги предположено провести день открытого доступа к книгам известных писателей», «Красочно оформленные плакаты, лозунги и транспаранты, регулярно выходящие боевые листки, горячие беседы агитаторов — все направлено к одной цели — поднять успеваемость Сени Курочкина в текущей четверти»,— забирались в самую сердцевину статей.

Но Светлицын не сдавался. Он вымарывал их из чужих статей и не допускал в свои. Он опробовал сотни способов борьбы с газетными сорняками. И наконец, понял, что рождаются эти сорнячки не на газетных полосах, а гораздо раньше.

Когда человек, к которому являлся корреспондент газеты, узнавал, что это — корреспондент, он сначала краснел, потом бледнел, потом костенел, и изо рта окостеневшего человека сами собой выползали закостеневшие слова.

Особенно костенели школьники. Только что до этого беззаботно гонявшие мяч, они вдруг становились серьезными и бубнили: «Наш класс в предстоящей четверти достигнет больших успехов по учебе и внеклассной работе», «Мы проводим различные острые диспуты», «Очень увлекательно также прошел у нас в классе сбор на тему «Каждому овощу — свое время!» Больше ничего добиться от них было нельзя.

Вот почему Олег Светлицын уже неделю назад решил никому не объяснять, что он — представитель печати. За эту неделю он выдавал себя за шофера такси, за бегуна на дистанцию сто метров, за учителя по черчению, за почтальона и даже за иностранного туриста. И каждый раз Олег получал вполне пригодный материал, который потом перерабатывал для газеты. Но такого захватывающего материала, какой удалось ему добыть от Пенкина, Светлицын не получал никогда. Он был просто-таки раздавлен и потрясен тем, что услышал. Шестой «В» оказался образцом такого класса, в котором каждый отвечал за всех, а все отвечали за каждого.

Это был класс, в котором установились новые отношения между учащимися, класс, в котором не было и следа той скуки и инертности в общественной жизни, которую (что греха таить!) еще нередко наблюдал Светлицын в других классах. Олегу понравились коричневые стены, светло-зеленые парты и темно-зеленая доска!

Но самым интересным оказался сам Пенкин! Он с таким увлечением рассказывал о своем классе, что чувствовалось, сколько времени и труда вложил он в общее дело! То, что он сумел сочетать отличную учебу в школе (одна четверка не в счет!) с занятиями в художественной самодеятельности и участием в шахматном кружке, организовал кружок красных следопытов и сам создал альбом «Наш класс»,— свидетельствовало о тех возможностях, которыми обладал ученик, верно организовавший время и правильно распределивший силы. Гармоническое развитие школьника! О, это была любимая тема Светлицына. Его конек!

Одним словом, в голове Светлицына складывался план обширной, капитальной статьи, способной украсить страницы газеты «Пионерский галстук». «Своими руками», «Пионеры принимают эстафету», «Лицо класса» — сразу вынырнули на поверхность услужливые сорнячки. Светлицын отогнал их прочь и решил остановиться на оригинальном и интригующем названии «Четыре стены одного класса». Он собирался немедленно вернуться в редакцию и засесть за пишущую машинку. Но сначала нужно было все-таки проверить материал. Не то, чтобы Олег сомневался в рассказе Пенкина,— Пенкин не вызывал ни малейших сомнений. Просто Светлицын представил себе лицо заведующего отделом Кости Костина и его колючий вопрос — «Материал проверен?» И Олег решил проверить материал, тем более что

это не составляло труда. Стоило только дойти до совета дружины...

За дверью пионерской комнаты творилось что-то ужасное. Кто-то громко плакал, кто-то кричал, а все остальные ругались друг с другом.

Олег тихонько постучал в дверь. Ответа не было. По всей вероятности, никто не услыхал стука. Тогда Олег приоткрыл дверь.

В глубине комнаты, у кадки с фикусом, сидела женщина, которая плакала. Ее утешала другая, тоже чуть сдерживавшая слезы. Какая-то девочка звонко произносила речь, но никто ее не слушал, потому что все разговаривали сразу и довольно громко.

Во главе стола, у стенда с фотографиями героев-пионеров сидели двое — девочка с тоненькими косичками и круглолицая девушка в сиреневой кофточке с комсомольским значком. Они спорили друг с другом.

Молчал только один мальчик. Он сидел посередине комнаты на стуле, а под ним почему-то лежало его пальто. И он даже не сидел, а чуть не лежал на этом своем пальто. Он один не принимал участия в жаркой дискуссии, охватившей всех находившихся в комнате.

Первой обратила внимание на Светлицына девочка с тоненькими косичками:

— Вам кого, товарищ?— осведомилась она.

Светлицын не сообразил сразу, за кого себя выдать, потом решил ни за кого не выдавать, ибо материал уже получен и оставалось его только проверить. Поэтому он выложил на стол редакционное удостоверение и объяснил, что ему необходимо уточнить кое-какие подробности.

— У нас тут идет совет дружины,— сказала круглолицая девушка с комсомольским значком.— Приходите позже,— и, заметив нетерпеливое движение Светлицына, добавила: — Или завтра.

Но приходить позже или тем более завтра Светлицын никак не мог. Ему не терпелось по живому следу засесть за статью, а завтра его ждали в детской спортивной школе, куда он решил явиться в качестве тренера по баскетболу. Поэтому Олег сказал:

— У меня к вам только один вопрос. Как вы считаете — стоит ли писать про Пенкина?

Все, и даже важный мальчик, лежавший на пальто, вдруг как по команде обернулись в сторону Светлицына.

— Про Пенкина?— переспросила девушка с комсомольским значком и посмотрела на свою соседку с тоненькими косичками.

— А что, это неплохая мысль...

— Ну зачем же это делать!— возразил ей какой-то вихрастый паренек.

— Опять за свое, Корягин,— пристыдила вихрастого та девочка с большущей копной волос, которая пыталась вопреки всему произнести речь.— Очень даже правильно, если материал о Пенкине появится в прессе!

— Ну, если писать про Пенкина,— надо писать про весь класс,— решительно сказал Корягин.

— Я и хочу про весь класс,— заявил Светлицын.— Обязательно про весь класс.

— Ну, что ж, тогда можно,— сказала круглолицая девушка с комсомольским значком.— Пишите!

Женщина у кадки зарыдала еще громче, а сидевшая рядом поднялась и подошла к столу.

— Это нам поможет,— продолжала центральная девушка.— Газета всегда помогает. Верно, Нина Григорьевна?

Подошедшая вздохнула.

— Не знаю, право, не знаю, Таня.

— Знакомьтесь,— сказала Таня Светлицыну.— Нина Григорьевна — классный руководитель шестого «В».

— Очень приятно,— Светлицын крепко пожал руку классному руководителю, и в голове его уже мелькнула строчка из будущей статьи: «Вот руководитель, которого можно назвать без преувеличений «классным».— Вас зовут,— Светлицын порылся в своих записях,— Эвридика Анисимовна?

— Нет, Нина Григорьевна.

— Ах, вот как. Хорошо, что мы встретились. А то у меня здесь неточно записано. Не зря, значит, сюда заскочил,— улыбнулся Светлицын.— Кое-что уточнил все-таки. Значит, вы считаете, что такая статья...

— Пишите, пишите, не сомневайтесь,— сказала девочка с копной волос на голове.— Стесняться нечего! Очень важно, чтобы Пенкин для всех примером стал!

— Вот и я так думаю,— обрадовался Светлицын.— История Пенкина может стать очень поучительной!

— Пожалуй, так,— согласилась девочка с косичками.

— Не буду вам мешать,— извинился Светлицын, попрощался и скрылся за дверью.

Как только Светлицын исчез, крики в пионерской комнате возобновились с новой силой. Поднялось что-то невообразимое. Все кричали, а что именно — понять было невозможно, потому что кричали все сразу.

Светлицын подумал, что хорошо еще побывать в самом классе, взглянуть на парты и стены, но вернуться обратно было неудобно, а нянечки, судя по всему, уже разошлись. Светлицыну не хотелось терять зря время, и он решил, что еще успеет посмотреть шестой «В» класс тогда, когда материал примут и надо будет его окончательно уточнять.

Отложив на будущее и посещение класса и визит к директору, переполненный материалом, Светлицын помчался работать. И пока он ехал в автобусе, в голове Олега копошились, роились, рождались, формулировались фразы, одна другой лучше и выразительнее.

Светлицын понимал, нет, предчувствовал, что статья о Пенкине может стать лучшей из написанных им статей. А он сочинил их не так уж и мало — шесть статей было подписано в газете «Пионерский галстук» фамилией «Светлицын». Но такого материала, как сейчас, еще никогда не было в его распоряжении!

Светлицын висел на подножке переполненного автобуса, а рядом с ним на подножке пристроились его давние враги — привычные выражения.

«Уже прозвенел школьный звонок!» «Вторая четверть — самая короткая четверть на свете!», «Когда вошел учитель — в классе воцарилась тишина»,— выкрикивали они наперебой разные начала будущей статьи и показывали при этом Светлицыну свои красненькие язычки. Но Олег сперва наступил им всем на ноги, отчего они по-собачьи взвизгнули, а потом всех поодиночке сбросил с подножки, протиснулся в вагон и придумал самую настоящую, самую неожиданную и самую простую первую фразу статьи о Пенкине: «Я ходил вокруг школы». Светлицын живо представил себе лицо заведующего отделом Кости Костина, который будет кусать локти от зависти, читая статью «Четыре стены одного класса». Кто-то хихикнул в толпе. Кто-то высунул красненький язычок. Название статьи показалось Олегу вычурным. Он мысленно перечеркнул его и стал искать другое. Когда Светлицын пересел из автобуса в метро, название было найдено. Статья называлась «Пенкин и его друзья». Просто и доходчиво.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Неприятность в конце недели

Сколько бы ни тянулось заседание совета дружины — длиться вечно оно не могло и когда-нибудь должно было кончиться.

Как ни был остро поставлен вопрос о Пенкине — рано или поздно следовало принять решение.

После того как все откричались, после того как девочка с косичками не выдержала и накричала на Алика Лопова, который, разлегшись на своем пальто, занимал нейтральную позицию, а Алик Лопов ответил, что не просил выбирать его в совет дружины, потому как у него и без совета достаточно нагрузок, все вдруг успокоились и решение было принято.

Решение состояло в том, чтобы не принимать решения. Так как Пенкина нет, так как в дело вмешалась пресса, так как мама Пенкина просила не применять крутых мер, так как в самом совете дружины не было необходимого единства, решено было перенести вопрос на следующий понедельник, а пока никаких репрессий по отношению к Пенкину не применять и дать ему возможность прожить неделю по собственному усмотрению.

— Вашего Пенкина вы уж очень замотали,— сказала круглолицая Таня.— И он теперь ни на что не реагирует. Он уже привык, что его ругают. А вы попробуйте оставить его в покое. До понедельника. Может быть, он в себя и придет.

Нина Григорьевна горячо поддержала такое предложение. И мама Пенкина с ним согласилась. Мама вообще утверждала, что Геннадий — в основе мальчик хороший, только очень нервный и впечатлительный. На это Оля Замошина, правда, заметила, что одной впечатлительностью упорное нежелание хорошо учиться объяснить нельзя. Она объяснила Пенкиной маме, что ее сын заражен самым отвратительным пережитком — врать на каждом шагу.

Тут мама снова заплакала, все, кроме Замошиной, стали ее успокаивать, а Таня спросила, будут ли еще предложения. Еще предложение было у Оли Замошиной. Она предлагала ходатайствовать перед директором Иваном Петровичем об исключении Пенкина из шестидесятой школы, а если Иван Петрович не пойдет на это — перевести его в шестой «А» или шестой «Б».

— У нас и без Пенкина хватает проблем,— заключила свое предложение Оля.— Нам надо вон поднять активность и подтянуть дружбу.

За исключение Пенкина голосовала одна Замошина. Большинством голосов прошло предложение Тани. И все оставили Пенкина в покое. На неделю. Пенкин об этом не знал. И мама ему ничего не рассказала. Мама вообще не решилась что-либо рассказать Пенкину о своем посещении школы. Она боялась, что Гена слишком впечатлительный, чтобы спокойно воспринять такое сообщение.

На следующее утро Пенкин ожидал всяких неприятностей и расспросов, почему он не явился на совет дружины. Два урока его никто не спрашивал вообще, перед третьим Замошина все-таки не выдержала и задала ему вопрос. Но как только Пенкин начал рассказывать, как попал в автомобильную катастрофу, Замошина, даже не дослушав, отошла и в ответ ничего особенного не сказала.

Хотя она голосовала и против, но совет дружины принял решение, а Оля всегда подчинялась пионерской дисциплине.

Пенкин сначала не мог понять, чему приписать такое изменение обстановки, но потом как-то успокоился, втянулся и к концу второго учебного дня даже получил тройку по географии. Вообще все шло нормально. Пенкин ходил в школу, врал не так сильно, вел себя потише и все время писал что-то в свою общую тетрадь. Что именно — об этом никто не знал.

Впрочем, один человек знал, что пишет Пенкин в тетрадку. Это была Галя Кудрявцева, сидевшая с Пенкиным за одной партой. Галя была девочка любопытная. И хотя Пенкин, когда писал, прикрывал тетрадку рукой, она все равно подсматривала. Пенкину это, наверно, надоело, и он раз под честное пионерское рассказал Гале, что он пишет. Галя дала страшную клятву, что никому не разболтает. И еще удивительнее, что, действительно, никому не рассказала. Даже Оле Замошиной, своей закадычной подруге.

Немного отхлынув от Пенкина, шестой «В» стал жить своей обычной жизнью.

Никаких особенных происшествий за неделю не произошло. Если не считать, что учительница по физике Юлия Львовна забыла дома очки, и оказалось, что без очков она никого в классе не может узнать. Во время опроса под общий смех всего класса Юлия Львовна спутала Толю Зайцева с Машей Шамрочкой. Убедившись в своей ошибке, она

больше никого не опрашивала, а стала объяснять новый материал.

Всю неделю думала Оля Замошина, с какой стороны начать борьбу за активность.

— Все наше несчастье в том, что у нас мальчики оторваны от девочек,— говорила она Гале Кудрявцевой, и та с ней соглашалась, и Оля думала, что, если посадить всех мальчиков со всеми девочками, начнется всеобщая дружба. Но потом понимала, что одной пересадкой ничего не добьешься.

— Очень разные собрались у нас люди,— мучилась Оля Замошина.— Вот наша главная беда. Разные люди, и каждый думает о себе.

Никто не хотел помочь товарищу! А как же без этого наладить дружбу?

Даже такой известный отличник, как Боря Ильин, и тот с большим трудом и то под воздействием общественности в прошлом году подтянул Андрюшу Миронова по арифметике. Андрюша получил тройку, а Боря Ильин — путевку в пионерский лагерь на Черное море. Вожатая Таня говорила, что Миронов должен теперь по гроб жизни благодарить Ильина. Хотя еще неизвестно, кто кого должен благодарить. В конце-то концов на Черное море поехал Ильин, а не Миронов.

— Все порознь очень хорошие,— билась Оля.— А когда соберутся вместе — глядят в разные стороны.

Большие надежды возлагала Оля на вечер вопросов и ответов. Тема была нужная — «Пионер — верный товарищ». Оля еще в пятом классе проводила похожий вечер. Она выписала тогда из книги о пионерской работе вопросы и ответы, раздала их ребятам. И все прошло довольно организованно. Олю похвалила вожатая Таня и сделала ей единственное замечание — нехорошо, что вопросы и ответы читали по бумажке. Поэтому теперь Оля заблаговременно вручила одним вопросы, другим — ответы и просила заучить наизусть. Но ребята, за исключением Ильина и Ягодкина, выучили не точно, а приблизительно. Говорили своими словами и допускали ошибки.

Сбор прошел так себе. Нине Григорьевне не понравилось, а ребята были довольны, что быстро кончилось...

Не помогло налаживанию дружбы и организованное, по инициативе Оли, мытье пузырьков в соседней аптеке. На мытье явились далеко не все.

— Никто ничего не хочет — вот в чем причина! У всех —

отговорочки!— говорила Оля Гале Кудрявцевой.— Разве я не права?

— Права,— вздыхала Галя и шла к своим медведям. Хотя Галя и была звеньевая, делала она мало. Фактически всю общественную работу тащила на себе одна Замошина. И может быть, еще Корягин.

В общем, за неделю никаких существенных сдвигов не произошло. По-прежнему у каждого были свои занятия и не было занятия, которое увлекло бы всех сразу.

В пятницу Нина Григорьевна организовала культпоход в Третьяковскую галерею. Явилось всего четверо — Оля Замошина, она не пропускала ни одного мероприятия, Боря Ильин, он боялся, что за непосещение могут снизить оценку, Маша Шамро по прозванию «Шамрочка», она хотела выслужиться, и всем на удивление — Пенкин. Оказалось, что Пенкин любит ходить в Третьяковскую галерею и ходил в нее два раза совершенно добровольно. Должно быть, врал.

Нина Григорьевна очень огорчилась, что так мало ребят пришло на экскурсию, но очень обрадовалась, что явился Пенкин.

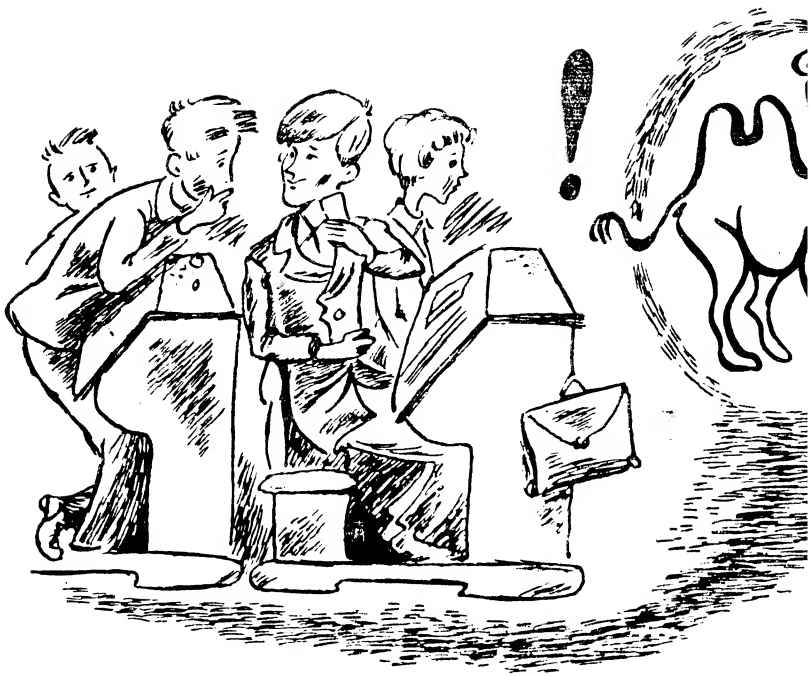
Неделя подходила к концу, и Корягин уже торжествующе поглядывал на Замошину, как вдруг к самому концу недели, в субботу, случилось происшествие, которое снова поколебало Пенкина.

Вышло вот что. Пенкин не решил домашних задач по математике и попросил тетрадку у Бори Ильина, чтобы списать на немецком. Боря Ильин давать не хотел, но все-таки дал. Пенкин начал списывать, но обычно добрая немка Мария Павловна стала вдруг ни с того ни с сего проявлять принципиальность. Может быть, потому, что в класс явились какие-то молоденькие студентки в очках, которые пришли учиться, как проводить урок.

И то ли из-за этих очкариков, то ли просто так, Мария Павловна, заметив у Пенкина постороннюю тетрадь, взяла ее, положила к себе в портфель и сказала:

— Получишь эту тетрадку в учебной части.

Боря Ильин прямо-таки позеленел, когда его отличную тетрадь, которую все учителя иначе как «тетрадочкой» не называли, обозвали «тетрадкой» и заложили в портфель. Тем более, что следующим уроком была арифметика — та самая арифметика, задача по которой была аккуратно решена в той злосчастной тетрадке, бывшей тетрадочке, которая ни за что ни про что попала в учительский портфель.



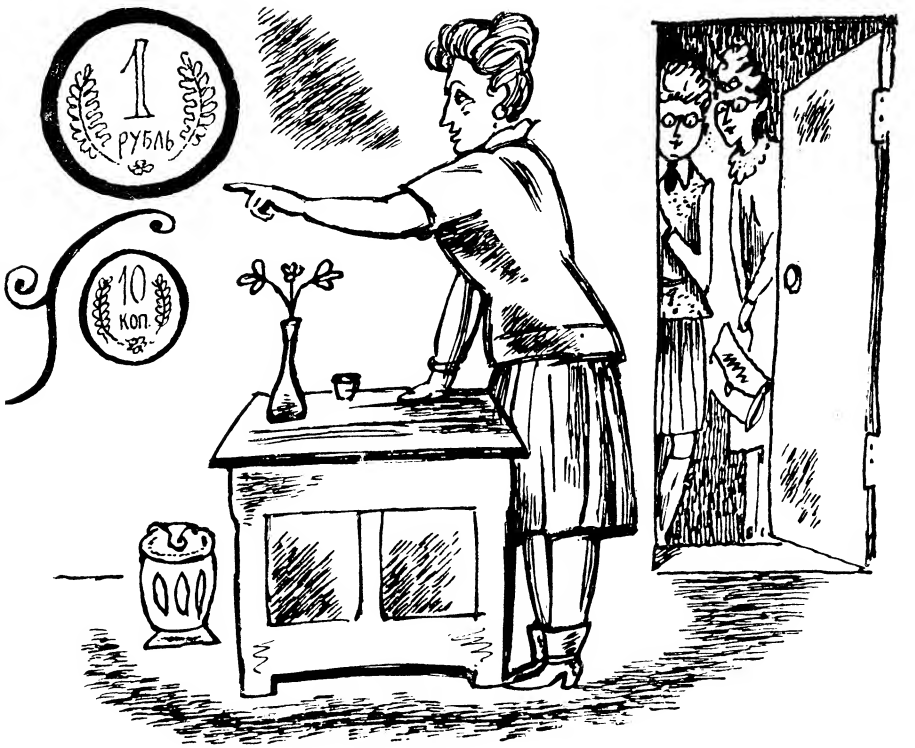
Боря Ильин послал Пенкину записку. В записке было: «Немедленно верни мне тетрадь».

Пенкин, прочтя записку, обернулся в сторону Ильина и стал объяснять ему знаками, что никак не может вернуть тетрадь, что тетрадь эта лежит в чужом, марьпавловном портфеле. При этом Пенкин подмигивал Ильину — мол, не унывай, Борис!

В ответ на это подмигивание Ильин прислал вторую записку. В ней было написано: «Мне дела нет». Это значило, что как угодно Пенкин обязан вернуть тетрадь.

Под давлением записки Пенкин пошел к окошку набирать чернила в ручку. Он набирал их долго, пока Мария Павловна не отвернулась и не стала спрашивать у Миронова, как будет по-немецки «двугорбый верблюд». Убедившись, что все занялись двугорбым верблюдом, Пенкин посмотрел на студенток в очках — те записывали что-то в свои тетрадки. Тогда Пенкин подошел к учительскому столу и осторожненько вынул тетрадку из портфеля.

Прозвенел звонок.



Мария Павловна, установив окончательно, как называется двугорбый верблюд, взяла портфель и, сказав Пенкину: «Зайдешь после уроков в учебную часть», победоносно взглянула на студенток в углу и хотела было выйти из класса, как вдруг остановилась и стала рыться в портфеле.

Не обнаружив тетради, она сказала:

— Никто из класса не выходит. Кто взял тетрадь?

— Тетрадь взял я,— честно признался Пенкин.

— Ты взял тетрадь из чужого портфеля?

Если бы не было студенток, все, может быть, и обошлось, но в присутствии посторонних Мария Павловна решила поднять вопрос на принципиальную высоту, тем более студентки записывали каждое ее слово.

— Ты взял тетрадь из чужого портфеля,— повторила Мария Павловна еще раз, наверное для того, чтобы студентки успели записать. Дальше Мария Павловна сказала, что

понимает теперь, кто мог взять из ее портфеля рубль десять копеек, которые пропали у нее на прошлой неделе.

Все, и наверно сама Мария Павловна, отлично понимали, что рубль десять копеек никак не связаны с несчастной тетрадкой, но Марию Павловну занесло.

Факт оставался фактом. Пенкин опять совершил проступок, и, значит, зря его оставляли на неделю в покое.

Мария Павловна, ничего не знавшая про родителей Пенкина, потребовала у него дневник и написала в нем: «Явиться в школу родителям!»

Когда Мария Павловна вышла из класса, сопровождаемая двумя студентками в очках, которые, по всему судя, были восхищены полученным уроком, многие набросились на Борю Ильина, из-за которого все приключилось. Но Боря доказал, как дважды два, что Пенкин виноват сам — нечего было брать списывать тетрадь, а нужно было дома готовить уроки.

В общем, вышло нехорошо, и еще неизвестно, чем вся эта история грозила Пенкину. Замошина и Ильин, кажется, были очень довольны. Многим было все равно. Толя отправился изобретать, Щукин — в Дом пионеров, Шамрочка — разводить цветы.

Не все равно было Гале Кудрявцевой. С некоторых пор она стала жалеть Пенкина, особенно после того, как одна из всего класса узнала, что пишет Пенкин в своей общей тетради.

Она даже поспорила о Пенкине со своей подругой Замошиной, она даже и сейчас схватила со стола пенкинский дневник, и как звеньевая помчалась в учительскую к Нине Григорьевне, и долго что-то ей и горячо говорила. И Нина Григорьевна что-то ей обещала.

И конечно же, не все равно было самому Пенкину. Галя вернулась с дневником и положила его на парту. До конца дня в этом дневнике, кроме замечания, появилась еще двойка по арифметике (списать задачу Пенкин не успел). А под самый конец ему сообщили, что в понедельник вызывают на совет дружины.

Так все неудачно складывалось.

И Пенкин возвращался из школы грустный.

До угла вместе с Пенкиным шла Галя Кудрявцева. И они говорили друг с другом.

О чем — станет известно из следующей главы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Диалоги на бульваре

Пенкин шел из школы вместе с Кудрявцевой. Кудрявцева покачивала портфелем и иногда подпрыгивала на одной ноге, а Пенкин портфелем не покачивал и на ноге не подпрыгивал. У него в портфеле лежала двойка и замечание в дневнике. На душе у Пенкина было скверно.

И чтобы как-нибудь утешить Пенкина, Галя стала рассказывать ему про свои неприятности. Человеку всегда легче, если другому тоже нелегко. А неприятностей у Гали оказалось много. У нее заболела Огонечкина. И теперь Галя даже запустила своих медведей.

У Гали дома жили три кошки и один кот. Кошек любила еще Галина бабушка, которая умерла в прошлом году. И теперь Галя сама заботилась о кошках. Кошки требовали постоянного ухода. Потом их надо было воспитывать. У каждой был свой характер. А Галя обязательно хотела, чтобы они жили дружно. Кошки этого не понимали и регулярно устраивали драки. Вернее сказать, все били Огонечкину. Огонечкина — это было кошкино имя или, вернее сказать, фамилия. Это была фамилия маминой знакомой, и в честь этой знакомой бабушка назвала кошку. Иногда в гости приходила настоящая Огонечкина, и тогда всем становилось смешно, потому что в одной квартире оказывалось две Огонечкины. Правда, у маминой знакомой было еще имя и отчество, ее звали Людмила Никитична, а у кошки Огонечкиной имени и отчества не было. И вот теперь еще, вдобавок ко всему, она заболела. Она сделалась грустной-прегрустной, ни с кем не играет и даже остальные кошки ее уже два дня не бьют. Другие кошки назывались обыкновенно — Хмурик, Лизка. А черный кот носил красивое индийское имя Патинава. Это был старый бабушкин кот. Самый умный из всех. Он все понимал и во всем разбирался. И не кричал без разбору. И его слушались.

— А разве кошки разговаривают? — спросил наконец все время молчавший Пенкин.

— А ты как думал?

Пенкин помолчал, отломил с водосточной трубы сосульку и ни с того ни с сего спросил:

— А ты знаешь, что Павлик Морозов, например, когда ему было одиннадцать лет, разоблачил кулаков? А Аркадий

Гайдар в четырнадцать командовал полком? А Володя Копчанеев во время войны пустил под откос пятнадцать немецких эшелонов?

— Это ты к чему?— не поняла Галя.

— К тому, что мы с тобой уже на целый год старше Павлика Морозова, а ничего еще не сделали!

— Ну как же так,— пробовала возразить Галя,— мы учимся, ведем общественную работу...

Пенкин усмехнулся.

— Олечкиными словами заговорила. Тянет-потянет-вытянуть не может. Особенно твоя Оля ее ведет, общественную работу.

— А что — не ведет?

— Ведет. В другую сторону.

— Ты к Ольге несправедлив!

— Я таких людей, как Замошина, терпеть не могу. «Ты выучи вопрос, а ты заучи ответ». Заученный она человек!

— Никакой не заученный, что ты выдумываешь! И если хочешь знать, так вот именно Оля бы пустила под откос пятнадцать эшелонов.

— А я, значит — нет?

— Ты — еще неизвестно. А Оля — точно. На нее можно положиться. Она никогда не подведет и не обманет.

— Зато она ничего не любит по-настоящему!

— Она петь любит!— разволновалась Галя.

— Что-то никогда я не слышал ее пения,— удивился Пенкин.

— Потому что ей некогда! Она одна тащит на себе целый воз. Всю пионерскую работу. За всех за нас. И за тебя в том числе!

И так как Пенкин посмеивался, Галя хотела и еще добавить, но вспомнила, что у Пенкина — неприятности. Поэтому она ограничилась тем, что сказала:

— А вообще теперь не война, а мирное время. И мы не в кино живем, а в обыкновенной жизни. И наша задача — лучше учиться и готовиться стать достойными гражданами. Когда вырастем.

Она хотела немножко подвоспитать Пенкина. Как-никак, она была звеньевая, а он — рядовой пионер.

— Ну и кем же ты станешь, когда вырастешь?— спросил Пенкин.

— Укротительницей тигров,— сразу ответила Галя.— Или, в крайнем случае, ветеринарным врачом.

— Счастливая ты, Кудрявцева,— позавидовал Пенкин.— Решила! А я вот запутался. Сначала твердо решил стать летчиком. Потом подумал, что летчиком не справлюсь, и переменил на шофера. А там в шофере разочаровался и решил стать учителем. Но как в школу пошел, так учителем я сразу расхотел быть и выбрал инженера-строителя. Потом я стал собирать марки и мечтал путешествовать. Но и на этом не задержался! Мне понравилось быть писателем. А теперь я и совсем не знаю. Вот я поговорил недавно с одним человеком и понял, что это вообще чудно: иметь на всю жизнь специальность. На всю жизнь — одну и ту же. Это же скука какая!

— Ты какой-то... невыясненный, Пенкин,— сказала Галя.

— Ага! Я — невыясненный. Мне и летчиком иногда хочется... Или — космонавтом. А потом подумаю — что же это

я буду все время в небе летать или в космосе вертеться. Это, конечно, интересно, в небе, но что же я — в море не выйду никогда? За всю жизнь — ни разочка?

— Поэтому ты и начинаешь... придумывать?— Галя могла, конечно, сказать «врать», но ей не хотелось обижать Пенкина, и она спросила поосторожнее.

— Может быть, и поэтому,— обрадовался Пенкин.— Да если не придумывать, у нас в классе такая тоска зеленая...

— Конечно, у нас не очень весело,— рассуждала Галя,— но учеба — это не развлечение и не игра какая-нибудь...

— Не игра,— тоскливо протянул Пенкин.— А может быть, и хорошо бы, если игра. Если бы все играли вместе. А то ведь каждый в одиночку играет. В свою игру. Прудков — в шахматы, ты — в кошек, Толя — в изобретателя...

— А Оля Замошина во что играет?

— Она — в активность.

— А Корягин?

— А Корягин ни во что не играет. И ему скучно. Как и мне.

— Но ты же играешь?

— Во что?..

— В свою игру.

Галя опять могла сказать «врешь», но вспомнила, что Гена и так получил двойку и замечание в дневнике, и промолчала. Пенкин тоже замолчал. Тем более, они дошли до поворота, с которого начиналась другая улица.

— Ты — домой?— спросил Пенкин.

— Да.

— Привет Огонечкиной. А я тут на скамеечке посижу. Чего-то домой меня сегодня не тянет.

Галя постояла немножко на одной ноге, потом попрощалась с Пенкиным и пошла домой.

А Пенкин сел на скамейку и стал разглядывать прохожих. Он загадал так — если на его скамейку сядет женщина, все еще может обойтись, если мужчина...

— У вас тут свободно?— спросил Пенкина какой-то старенький старичок.

Гена хотел было сказать, что занято, но потом махнул на все рукой и подвинулся. Старичок поблагодарил и сел. Гена сердито посмотрел на старичка, который все ему напортил. Он стал придумывать — что сказать дома. А старичок достал из кармана газету и принялся читать ее. Он читал не как-нибудь, наспех, а медленно, все подряд. Прочел сперва

передовую статью, потом спустился ниже и прочел какое-то обращение. После обращения перешел к телеграммам из-за рубежа. Тут старичок разволновался, стал ерзать по скамейке, беспокойно оглядываться и, наконец, спросил у Пенкина:

— Вы читали, что происходит в Боливии?

— Зачем мне читать, что происходит в Боливии,— ответил Пенкин, рассеянно разглядывая свои ботинки,— если я сам вчера оттуда приехал.

Старичок снял очки и минуты две, не меньше, смотрел на Гену с большим изумлением.

— Как интересно,— наконец выговорил он.— Вы, наверное, были там с родителями?

— Да, мой папа — посол в Боливии.

— Ах, вот что,— обрадовался старичок.— Очень рад познакомиться. Меня зовут Мирон Сергеевич.

— А меня Арнольд Арчибасов,— протянул руку Пенкин.

— Арчибасов?— переспросил старичок.— Позвольте, но фамилия нашего посла в Боливии...— и старичок, подняв голову кверху, зашевелил губами.

— Не будем уточнять фамилию нашего посла в Боливии,— таинственно и тихо предложил Пенкин.

— Вы правы,— согласился старичок.— А где теперь ваш папа?

— Он отправился в коллегию по иностранным делам. Мы приехали сюда всего на неделю. Потом мы подъедем на парочку дней в Чили, а оттуда — прямо в Боливию.

— Порядочное все-таки свинство со стороны правительства — менять внешнюю политику.

— Не говорите. Все боливийцы были буквально поражены такой переменой. Многие даже не верили.

— Серьезно?

— Абсолютно. А вы кто по специальности?— вдруг переменил тему Пенкин.

— Я на пенсии.

— А до пенсии кем работали?

— О, работа у меня была интересная.

— Кем же вы были?

— Я работал в «Союзпечати». Продавал газеты, знаете.

— В киоске?

— Да. Работа, правда, нервная...

— А почему нервная?

— Ответственность большая. Представляете очередь. Вечером. Люди ждут самые последние, вечерние новости. А газета, как на грех, запаздывает... Очередь волнуется... Простите, у вас лучше зрение — вот этот киоск напротив вы видите?

— Ну...

— Мне кажется, что привезли газету.

— Кажется.

— Простите меня,— заторопился старичок.— Обещал помочь. Работник молодой, неопытный. Я ему пока что помогаю. Какая жалость — мы с вами не успели поговорить! Так бы хотелось расспросить о Боливии...

— Ничего. Я к вам могу зайти и порассказать,— сболтнул Пенкин.

— Серьезно? Я буду так рад. И жена тоже обрадуется. Мы живем здесь, недалеко. Запишите адрес — Садово-Гончарная, восемнадцать, квартира двадцать два.

— Да я запомню!

— Нет, нет, запишите. Так надежнее.

Пенкин расстегнул портфель и поискал чистый листок. На глаза ему попался дневник. Странно, это был не его дневник, а дневник Гали Кудрявцевой. Как же такое могло случиться? Наверно, они перепутали дневники, когда уходили с последнего урока. Вот тебе и раз...

— Сейчас я вам дам листок бумаги,— засуетился старичок.

— Ничего, у меня есть.

Делать нечего! Пенкин записал адрес на последней страничке тетради по геометрии. Старичок ему в общем понравился и не хотелось обижать старичка. Хотя тот, между прочим, и испортил Пенкину все замыслы. Старичок попрощался и побежал.

— У меня к вам один вопрос,— остановил его Пенкин.

— Пожалуйста.

— Вот вы специалист по газетам, можно сказать.

— Сорок лет на газетном деле.

— Скажите, перед тем, как публиковать статью, материал проверяют?

— Ну, а как же. Всесторонне проверяют. Это же ответственнейшее дело.

— А так, что вдруг непроверенный напечатают,— не бывает?

— Что вы! Такое может случиться один раз в сто лет!

— Я тоже так думаю.

— Желаю вам всего наилучшего. И жду!

Старичок побежал со всех ног к газетному киоску. А Гена побрел домой. Рано или поздно ему все равно пришлось бы это сделать. На всякий случай он решил перенести объяснение на завтрашнее утро.

Во-первых, утро вечера мудренее. Во-вторых, дневник с двойкой по ошибке утащила Кудрявцева, в-третьих, завтра было воскресенье, и поэтому особенно торопиться было некуда.

И как только Пенкин вернулся домой, он забрался в свою комнату и раскрыл свою общую тетрадь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Средневековая история

«Часы на башне городской ратуши пробили десять раз.

Генрих сидел в своей маленькой комнатке, глядел в окно, за которым плотной пеленой лежал снег, и думал о том, как поступить.

Лучше всего было бы встретиться с отцом и во всем повиниться.

Отца Генрих не видел уже две недели. Нет, отец его не странствовал в каравелле по прихотливым волнам океана, не делал попыток подняться в небо на воздушном шаре. Отец посвятил свою жизнь науке.

Рано утром отправился он в королевскую библиотеку, где работал до поздней ночи над научными трудами.

Мать Генриха — простая и работящая женщина — делила с мужем тяготы жизни. Отец пребывал в уверенности, что сын, отданный в колледж, получит там вполне достаточное образование. Родители радовались успехам Генриха в колледже, успехам, которых, как уже знают читатели, вовсе не было.

В колледже, где учился Генрих, царила скука зеленая. Никто не мог понять мятущейся души юноши, который стремился как можно скорее ступить на дорогу настоящей жизни, полной самых разных превратностей. Может быть, только один человек способен был понять Генриха. Это была прекрасная Гэлл. У нее был независимый и гордый характер. Она совсем была непохожа на свою подругу заносчивую Олле. Гэлл была ни на кого не похожа.

В парке ее дома жили три прекрасных тигрицы и один свирепый тигр по имени Патинава. Смелая Гэлл бесстрашно кормила диких тигров и заставляла их жить в дружбе. Генрих никогда не говорил Гэлл о своей любви. Он мечтал о том времени, когда, совершив настоящий подвиг, сможет послать ей весточку о себе. Сегодня почти весь вечер проговорили они о жизненных дорогах, об учебе в колледже, о дисциплине. До той минуты, когда Генриху суждено было объясниться с Гэлл, было еще далеко.

Сегодня утром Генриху вручили пакет с вызовом в совет дружины. Совет собирался в понедельник. Что хорошего могло ожидать Генриха в понедельник? Ничего хорошего.

Отец еще не приходил.

В комнату Генриха вошла мать и справилась об его здоровье. Бедная, она не знала, как тяжко ее сыну и какое испытание предстоит ему в понедельник! Он мужественно улыбнулся, скрывая свое отчаяние, и пожелал ей покойной ночи.

Часы пробили одиннадцать.

Снег по-прежнему сверкал за окном.

Генрих не мог уснуть...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Зловредное воскресенье

Если считать, что Мирон Сергеевич сказал правду (а почему, собственно, надо ему не верить?) — газета «Пионерский галстук» может совершенно спокойно работать ближайшие сто лет. Потому как то, что может случиться с газетой только один раз в сто лет, уже произошло с ней в воскресенье, восьмого декабря.

Статья о Пенкине была опубликована. Под названием «Всем ребятам пример».

Как ни боролся Светлицын с приевшимися заголовками, они в последний момент одолели Светлицына. Дали-таки ему зуботычину. При содействии секретаря редакции Антипа Антиповича. Антип Антипович дежурил по номеру и в последний момент зачеркнул название светлицынской статьи «Пенкин и его друзья», заменив его более звучным «Всем ребятам пример».

А до этого было вот что.

Газета «Пионерский галстук» последние две недели давала, как назло, «негативный» материал. Приводила одни отрицательные примеры из жизни школы. А от газеты требовался позитивный материал. Конечно, и на дурных примерах можно воспитывать читателей, но во сколько раз возрастет сила печатного слова, если публиковать рядом и положительные примеры!

— Наша задача — не только брать под обстрел плохое, но и подмечать хорошее!— сказал на летучке редактор Пахом Пахомыч.

Тогда-то Светлицын и положил на стол Костина свою статью под названием «Пенкин и его друзья».

Костину статья понравилась. Он задвигал желваками, а это значило, что Костя чертовски завидует.

И все-таки он не удержался — спросил:

— А ты проверил этот материал?

В ответ Светлицын сказал:

— Как тебе не стыдно!— и хлопнул дверью.

Этот хлопок все и решил. Если бы Костя перед тем, как спросить, проверен ли материал, похвалил бы статью по существу, Светлицын ни за что бы не хлопнул дверью. Если бы Светлицын не хлопнул дверью, они наверняка бы вдвоем с Костиным еще раз съездили в школу, поговорили бы, как полагается, с директором, и все бы прояснилось. Но Светлицын хлопнул дверью с чистой совестью — ведь он действительно проверял материал. И он помнил совершенно точно, как совет дружины склонился к тому, что материал о Пенкине поможет школе. А то, что этот материал поможет всем школам района, всем школам города и всем школам страны, Светлицын не сомневался ни секунды.

Костин понимал, что обидел Светлицына. Понимал, что обидел зря.

И как только Пахом Пахомыч очередной раз сказал ему:

— Учтите, Костин, наша задача — не только брать под обстрел плохое, но и подмечать хорошее!— выложил на стол редактора светлицынскую статью.

Пахом Пахомыч, сдвинув в сторону очки, прочел статью с конца и до самого начала (у него была привычка читать статьи задом наперед), потер руки и спросил для порядка:

— Материал проверен?

Костину ничего не оставалось, как ответить «конечно».

После этого редактор, напялив на место очки, написал в уголочке статьи «Срочно! В воскресный номер», тем са-

мым обеспечив себе и газете спокойную жизнь на сто лет вперед.

Было раннее воскресное утро.

Шестой «В» досматривал сны.

У каждого был свой, продленный сон, который можно было смотреть в свое удовольствие.

Не звонили будильники, не ругались мамы, все происходило как в доброй телевизионной сказке.

Первым вышел из сказки Петя Ягодкин.

Он вышел, поеживаясь, из сказки и пошел в магазин за молоком. По дороге Ягодкин, как всегда, прочитывал все, что попадалось ему на глаза.

На этот раз на глаза попалось сначала объявление, что институту «Гидромедпром» требуется на постоянную работу начальник технического отдела, потом, что столовой № 4 требуются посудомойщицы, следующей шла афиша театра

имени Некрасова, извещавшая о постановке трагедии Шиллера «Разбойники», потом попалось написанное от руки предложение обменять однокомнатную квартиру с метро на двухкомнатную без метро, дальше шла целая газета «Пионерский галстук», только что промазанная сверху донизу и крест-накрест мокрым клеем. Это было находкой для Пети Ягодкина. Тем более что за газетой находился уже магазин «Молоко», куда он направлялся и где, кроме извещения о том, что «кефир — ценный питательный продукт», читать было совершенно нечего.

Про кефир Петя знал наизусть, а тут перед ним была совершенно свеженькая газета. Такой газеты Пете хватило бы на полчаса, не меньше. Минут через двадцать внимательного чтения кинулась ему в глаза статья под названием «Всем ребятам пример», помещенная на третьей странице. Как только Ягодкин начал ее читать, он подумал, что еще

не пошел за молоком, а лежит на кровати и видит воскресный сон. То есть он был уверен в этом! Потому что он читал не про что-нибудь, а про свой собственный шестой «В» класс шестидесятой школы. И то, что он читал, было так непохоже на то, что есть на самом деле, что получало объяснение только в том случае, если это сон. То есть если это сон, то все было правильно. И Петя уже с интересом читал про Пенкина, который оказывался во сне самым первым отличником шестого «В» класса.

Но тут у Ягодкина вдруг обнаружились сильные сомнения. Он вспомнил совершенно ясно, как встал, поплескался в ванной, оделся, как мама дала ему шестнадцать копеек и пустую бутылку и как он вышел из подъезда...

Тут мимо Пети пробежали Галя Кудрявцева с летной сумкой через плечо и Оля Замошина с авоськой в руках.

Петя крикнул:

— Оля! Здесь есть про Пенкина статья!

— В газете?— спокойно спросила Оля.

— Да...

— Наконец-то поместили,— сказала Оля и скрылась в магазине.

Теперь Петя снова понял, что все это ему снится, и поэтому уже совсем не удивился, когда Оля, выйдя из магазина с полной авоськой, на ходу бросила Гале:

— Очень полезно, что такая статья появилась!

И спросила:

— Где тут написано?

Оля подошла к газете и начала читать. И Галя — тоже. Оля читала и читала, и перечитывала, ничего не говоря, потом обернулась и сказала Гале Кудрявцевой и Пете Ягодкину:

— Бежим к Корягину.

И они побежали.

Сновидения кончились.

По дороге Оля подбежала к киоску «Союзпечати» и попросила сегодняшний номер газеты «Пионерский галстук». Но газеты уже не было в продаже, потому что, сказал молодой газетчик, какой-то остроносый молодой человек в очках еще час назад скупил все номера.

Корягин собирался на лыжную вылазку, но Оля потребовала, чтобы он бежал читать газету.

Все вчетвером они добежали до угла, и Корягин прочел статью.

— Да-а, история,— сказал он.— Как же это могло произойти?

— Это произошло потому,— отчеканила Оля,— что его не исключили из школы на прошлой неделе. Я предупреждала. Теперь началось вранье во всесоюзном масштабе.

— А это хорошо: доска зеленая,— вдруг произнес молчавший все это время Петя Ягодкин.

Но Оля так шуганула его, что он живо направился за молоком.

Корягин, Оля и Галя Кудрявцева принялись спорить.

Они спорили долго.

Ягодкин успел сдать пустую бутылку, прочесть объявление про кефир, выбить чек и получить молоко. Петя Ягодкин успел выйти на улицу и прочесть объявление, что в связи с отъездом продается хороший дубовый стол и шкаф в приличном состоянии.

А Корягин, Оля и Галя Кудрявцева все еще спорили.

Наконец, они заметили Ягодкина.

— Пряник!— сказала Кудрявцева.— Надо собрать все звено по цепочке. Я всех обзвоню, у кого есть телефон, а ты обегай всех, у кого нет телефона.

— Он не обегает,— сказала Оля.

— Почему это я не обегаю?— обиделся Ягодкин.— Обязательно обегаю.

— Да он обчитается по дороге!— сказала Оля.

— Ягодкин! Собери звено по цепочке!— приказала звеньевая Кудрявцева.

— Есть собрать звено по цепочке,— вытянулся Ягодкин и отсалютовал свободной от молока рукой.— А куда их собрать?

— Мы соберемся в парке Калинина. У старого дуба. Ровно в час,— сказала Галя.

— Есть ровно в час, у старого дуба,— повторил Ягодкин и побежал.

И Галя побежала — звонить по телефону.

— Теперь идем к Пенкину!— сказала Оля Корягину.

И они зашагали по улице.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Побег

Илья Дмитриевич Пенкин и в воскресенье не отдыхал.

Держа в одной руке стопку белых карточек, перевязанных веревочкой, в другой — завтрак, перевязанный ниточкой, он отправлялся в библиотеку.

Там он работал над диссертацией. Тема, которой вот уже целый год занимался Илья Дмитриевич, представляла исключительный интерес для науки. Диссертация была посвящена вопросам воспитания школьника в семье. Поэтому-то Илья Дмитриевич работал не покладая рук и в воскресенья.

Вот и сегодня рано проснувшийся Гена услышал голоса в коридоре — мама-Пенкина провожала Пенкина-папу.

— Только не переутомляйся, Илья,— говорил мамин голос.— Ты совершенно не щадишь себя!

— Не тревожься, Соня,— отвечал голос Пенкина-папы.— Я превосходно себя чувствую. Мне удалось раскопать уникальные материалы из архива великого Песталоцци!

— А где ты будешь сегодня обедать?— волновался мамин голос.

— Я извлеку из шкатулки, с твоего разрешения,— отвечал папин голос,— два рубля и отлично пообедаю в библиотеке. Там есть диетический зал на втором этаже. Открываются такие горизонты — ты не представляешь себе! Надо работать и работать. Как далеко за эти годы шагнула педагогическая мысль! Совершенно не вижу Геннадия. Поцелуй его, пожалуйста. Как его школьные успехи?

— Все в порядке! Не волнуйся!

Звякнул замок, заскрипела, а потом скрипнула дверь, и голоса стали спускаться по лестнице.

Гена хотел было снова заснуть, но это оказалось не так просто.

А заснуть очень стоило! Во сне было море в мелких жмуринках солнца и парусники перегоняли друг друга. На одном из них стоял Гена в белом морском кителе с подзорной трубой в руках и разглядывал далекий берег. Гена любил дальние моря и далекие страны, которые он никогда не видел, но о которых много читал. Дальние моря были в книгах, в альбоме с марками и во сне, а на самом деле был дневник с замечанием и двойкой. Дневник находился пока у

Кудрявцевой, но завтра, самое позднее послезавтра мама увидит дневник и тогда...

Как хорошо было бы вернуться в море, на парусник, нестись по строптивым волнам к незнакомому городу, но для этого надо было заснуть, а попробуй засни, если на душе скребут кошки!

Гена попробовал повернуться к стене и зажмурить глаза. Но кошки делали свое дело. На стене не было никакого моря. На стене висело расписание уроков, из которого было ясно, что с понедельника все начнется сначала.

Снова зазвякала дверь — с лестницы возвращалась мама. Она шелестела газетами, которые принесла снизу.

«А что, если с мамой поговорить сегодня, сейчас и все честно рассказать ей?» — подумал Гена и стал решать, что лучше: честно признаться сегодня или честно признаться завтра. По всем приметам выходило, что гораздо лучше — завтра.

Пенкин стал глядеть на потолок, надеясь, что оттуда на него вдруг опрокинется море. Но море не опрокидывалось, а мамины шаги направились к Гениной двери.

Гена на всякий случай закрыл глаза.

— Ты уже проснулся? — спросила мама за закрытыми глазами.— Я иду в магазин ненадолго.

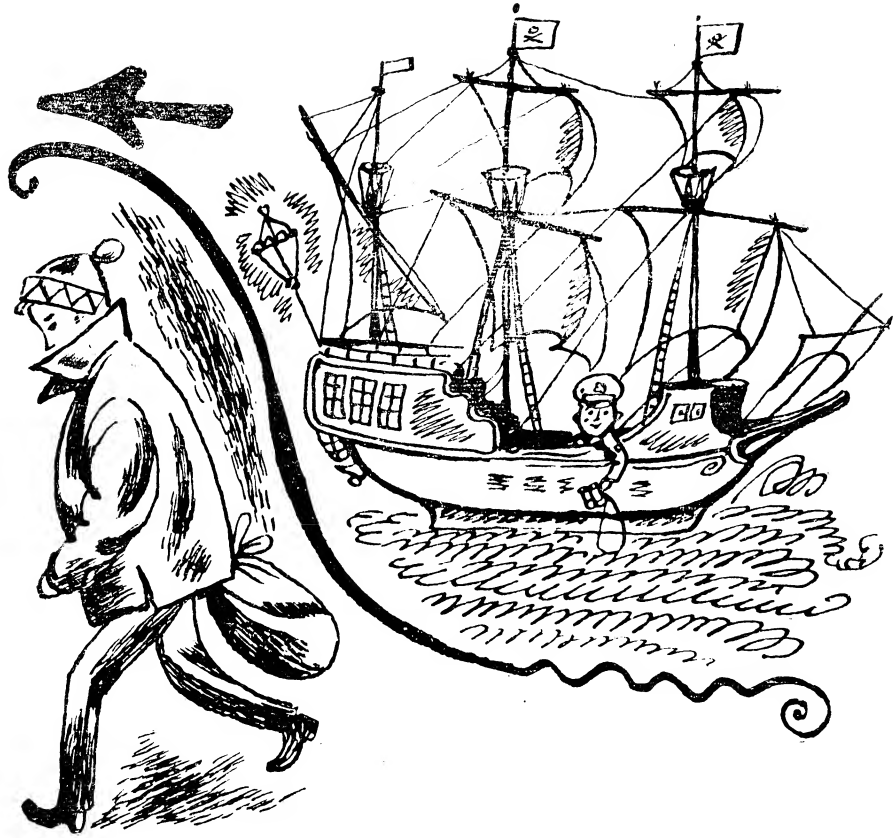
Гена пробормотал что-то невнятное и остался один.

Одному было куда лучше!

Пенкин встал и побродил по квартире. Ничего нового в квартире не было, кроме сегодняшних газет на обеденном столе. Гена рассматривал их рассеянно, пока не развернул «Пионерский галстук». Там на третьей странице он обнаружил статью под названием «Всем ребятам пример». Из статьи получалось, что всем ребятам пример был не кто иной, как он, Пенкин.

«Я ходил вокруг школы...» «А что, если,— подумал Пенкин,— организовать работу так, чтобы не было отстающих?» «Ветер шевелил его жесткие волосы, а он все думал и думал»,— мелькали перед глазами газетные строчки, а думал Пенкин только о том, сколько времени остается до прихода мамы и успеет ли он за это время бесследно исчезнуть.

Наскоро умывшись и одевшись возможно теплее, Гена схватил портфель и стал набивать его необходимыми вещами. Рядом с чужим дневником Кудрявцевой он не забыл положить свою коричневую тетрадь, сунул теплые шерстя-



ные носки. Потом открыл стоявшую в коридоре шкатулку и достал оттуда три рубля — больше там не было.

Времени оставалось в обрез.

Надо было еще написать записку. Пенкин ее написал и положил на обеденный стол. Потом вышел на площадку и, о чем-то вспомнив, сразу вернулся. Он схватил со стола газету, скомкал ее и запихнул в карман.

Теперь можно было исчезать окончательно. Гена быстро сбежал по лестнице, вышел на улицу и скрылся за углом.

Пенкин ушел вовремя — ровно через минуту после его исчезновения вернулась Софья Михайловна, которая с изумлением прочла записку, лежавшую на столе.

Не успела она еще прийти в себя — в дверь позвонили.

— Где Пенкин?— не здороваясь, приступила к делу Замошина.

— Здравствуйте,— поздоровался Корягин.

— Здравствуйте,— ответила Софья Михайловна.— Гена...— растерянно проговорила она, показывая глазами на записку.— Гена отправился в военно-спортивный поход. А вы разве не в походе?

Молчание длилось недолго, потому что Замошина спросила напрямик:

— Вы что, не знаете, что случилось?

— Я ничего не знаю,— испугалась Софья Михайловна.— Я ушла в магазин, возвращаюсь — на столе записка: «Ухожу с классом в поход». Почему так внезапно? Он вчера и словом не обмолвился. И отчего же вы не в походе?

— Мы,— замахнулся что-то раскрыть Корягин и совершенно неожиданно сказал:— Мы с Замошиной отстали. А сейчас и мы отправляемся... в поход.

Оля вытаращила глаза.

— На сколько дней рассчитан поход?

Оля хотела что-то сказать, но Корягин схватил ее за руку.

— Это — секрет. Военно-спортивная тайна.

— Боже мой, он ушел в поход совершенно голодный,— заахала мама Пенкина.— Я ничего не знала! Ушла за покупками... Вы не откажетесь передать ему бутерброды? Я умоляю вас.

Мама стала быстро резать хлеб и закладывать туда сыр, колбасу, ветчину и другие продовольственные товары.

Замошина не выдержала, дернула дверь и выбежала из квартиры.

— Что с ней?— спросила Корягина мама.

— Переживает... Девчонкам вообще нелегко... в походах.

— Да, да, разумеется... Боже мой! Но это не опасный поход?

— Конечно, не опасный. Это не по-настоящему поход, просто такая... игра.

— Я понимаю, но все-таки...

Корягин хотел отказаться от бутербродов, но мама упрятала их в целлофан, завернула в газету, перевязала веревочкой и так умоляюще глядела на Корягина, что тот... взял бутерброды.

— Будьте здоровы!— сказал он на прощанье.

Софья Михайловна плакала.

И все-таки плакала не так, как плакала бы, знай она всю правду!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

У старого дуба

Старый дуб считался главным деревом парка имени Калинина.

Когда шестой «В» был еще четвертым «В», Вера Сергеевна привела ребят в парк, подвела их к старому дубу и сказала:

— Напишите сочинение на тему «Старый дуб» об этом самом дубе.

И чтобы все не очень путались, Вера Сергеевна дала наводящие вопросы, среди которых был, например, такой: «На что похожи дубовые листья?»

Тогда-то Петя Ягодкин, который всегда любил сладкое, написал, что листья похожи на фигурный пряник. С тех пор его и стали называть Фигурным пряником.

С того дня ребята считали дуб «своим». И когда проходили мимо него поодиночке (вместе они ходили редко), обязательно вспоминали тот весенний день, Петю-Пряника и Веру Сергеевну.

Вместе у дуба не собирались никогда, но Кудрявцева сразу решила — звено должно собраться именно тут.

К часу пришли почти все.

Не хватало только Маши Шамрочки. Она запаздывала.

На сборе присутствовали Коля Сорокин, Оля Замошина и Федя Корягин. Главные люди шестого «В». Командир отряда, член совета дружины и староста класса. Из них только Корягин был членом второго звена. Но присутствовали они все без исключения. Правда, они решили не принимать участия в общей дискуссии. Перед началом сбора Сорокин с Корягиным ходили неподалеку. Молча. Оба вообще говорили мало. Корягин — потому, что не любил болтать, Сорокин — потому, что заикался.

Когда стрелки на часах Бори Ильина сошлись на пяти минутах второго, Кудрявцева открыла сбор.

Первая вмешалась Оля. Она предложила познакомиться со статьей в газете.

И все двинулись к тому углу, где висела газета. Она действительно висела, но в том самом месте, где должна быть статья «Всем ребятам пример», зияла аккуратненькая дыра.

Какой-то злоумышленник вырезал статью бритвочкой. Как выяснилось, злоумышленник неплохо потрудился — все газеты на всех стендах во всем микрорайоне были срезаны. Статьи «Всем ребятам пример» не оказалось.

Выручил Фигурный пряник. Он цитировал статью безотказно, давал справки и отвечал на вопросы.

— Дождались! Позор на весь СССР!— гремела Оля Замошина.— Говорила — надо исключать!

Боря Ильин хихикал.

— Гнать Пенкина надо — Оля права,— кричала высоким голосом подоспевшая Шамрочка.

У всех были свои сны и свои планы на воскресенье. И каждый был недоволен, что его оторвали и собрали у дуба. Это во-первых. А во-вторых, все действительно были возмущены враньем Пенкина. Одним словом, чувствовалось, что Пенкину не сдобровать.

И тут неожиданно Кудрявцева взорвалась.

— Дурачье!— крикнула она, позабыв, что звеньевой не годится ругаться.— Ничего вы не понимаете! Вы знаете, почему он врет?

— Интересно,— ухмыльнулась Зеленцова,— почему же?

— Потому что нам, например, нравится, как мы живем, а ему — нет. Он — человек исключительный. Он вот что сказал: «Мне уже скоро тринадцать — а я еще ничего не сделал», в том смысле, что не совершил. Что ты хихикаешь, Ильин. Думаешь, ты много совершил за свои тринадцать лет? Павлик Морозов в одиннадцать разоблачил кулаков, а Корпачев пустил под откос немецкий транспорт. А ты что сделал?

— Выходит — Пенкину надо памятник ставить. Как Павлику Морозову. Так знай,— заявил Ильин,— Морозов был человек исключительный, а Пенкин исключительный врун.

— Кто из вас,— прокричала Кудрявцева,— сочиняет роман из средневековой жизни?

Все промолчали. Из средневековой жизни никто романа не сочинял.

— А Пенкин — сочиняет!

— А почему Пенкина нет? Почему он не явился? — пропищала Шамрочка.

Тут Корягин объяснил, что с Пенкиным. Даже рассказал про бутерброды, которые не знал куда девать.

— Дай мне слово, Кудрявцева!— потребовала Замошина.

— Бери,— пожала плечами Галя.

— Ребята! — обратилась к звену Замошина. — Я хочу вам просто напомнить, что сказано в газете. Ягодкин, процитируй то место, где Пенкин разглагольствовал о товарищеской взаимопомощи.

Ягодкин процитировал.

— Ну, что это, как не злейшая насмешка? Никакой взаимопомощи у нас нет и не было. Или вот. Фигур... Ягодкин, давай про стенки и парты разноцветные.

Ягодкин и про стенки процитировал.

— Какого, какого цвета? — переспросил Зайцев.

— Коричневого и зеленого.

— Что вы на это скажете? — продолжала Оля.— Кто это и когда решил? О стенках даже вопрос нигде не ставился! Мы стенки эти никогда даже не рассматривали — ни на совете дружины, ни на совете отряда. А Пенкин, видите ли, врет про наши стенки!

— А это ничего — зеленые парты,— ни с того ни с сего прикинул Зайцев.— И если, скажем, зеленая доска — это лучше, чем черная. Что тебе тут не нравится?

— Так ведь это же неправда! Вот что мне не нравится.

И Оля так посмотрела на Зайцева, что тот сразу пожалел, что неудачно высказался.

— Подвожу черту,— сказала Ольга.— Предлагаю. Первое: поставить вопрос на отрядном сборе об исключении Пенкина из пионеров за злостное вранье, второе: ходатайствовать перед Иваном Петровичем об исключении его из школы, третье: написать письмо в газету. Полнейшее опровержение.

Но не успела оторопевшая Кудрявцева поставить предложения Замошиной на голосование — в дело вмешался Корягин, который ходил поблизости.

У него было предложение.

Оля попыталась лишить его слова. Она утверждала, что Корягин как староста класса пытается оказать давление на звено, а этого делать не следует.

Корягин резонно возразил, что выдвинет предложение не как староста, а как член второго звена, а вот именно Оля

Замошина, пусть она и член совета дружины, не входит в звено и не имеет никакого права руководить сбором.

Они принялись спорить. В спор захотел вмешаться Сорокин, но он так сильно заикался, что никто толком не понял, на чьей он стороне.

Тут экскаватор, смирно стоявший в нескольких шагах от дуба, вдруг заверещал и стал работать с таким грохотом и визгом, как будто ему было совершенно наплевать, что вокруг — воскресенье.

Он так визжал, что ничего не стало слышно.

Кудрявцева, однако, несмотря на завывания экскаватора и сопротивление Замошиной, поставила предложение Корягина на голосование. Против голосовали Замошина и Ильин. Воздержалась Шамрочка. Остальные подняли руки «за». Так и прошло это предложение Корягина шестью голосами против двух при одной воздержавшейся Шамрочке.

Что это было за предложение — никто из посторонних узнать не мог и даже автор этой повести, находившийся совсем рядом, ничего не расслышал, потому что этот чертов экскаватор громыхал не переставая.

Так и осталось тайной для всех, кроме второго звена, что предложил Корягин у старого дуба. И эта тайна могла раскрыться только в понедельник.

Оля Замошина заявила, что не то что не станет больше дружить с Кудрявцевой, но не подаст ей даже руки, потому что Кудрявцева проявила не только мягкотелость, но и беспринципность.

А Оля слов на ветер не бросала.

Галя очень переживала.

И впервые они пошли домой не вместе, как всегда, а отдельно и даже по разным сторонам улицы.

И все звено разошлось.

И Корягин с Сорокиным ушли.

И как ни бился автор этой повести, как ни проклинал зловредный экскаватор, какие догадки ни строил, так и не мог сообразить, что именно предложил Корягин и что именно собралось делать второе звено шестью голосами против двух при воздержавшейся Шамрочке.

Так и приходится автору заканчивать первую часть, не узнав, чем она кончилась. И в этом он извиняется перед читателями. И просит их не сердиться. Во всем виноват экскаватор, который работал в выходной день.

Приходится терпеть до понедельника, с которого начнет-

ся вторая часть. Во второй части все должно объясниться!

Автору немножко тревожно.

Неизвестно, где Пенкин, неясно, что будет делать звено Кудрявцевой, что скажет Нина Григорьевна, как поступит бедный Светлицын, сочинивший эту злосчастную статью?

Но автор не может ничем помочь своим героям.

Так уж повелось исстари — автор пишет, а герои действуют. Они действуют, а он только пишет.

Что-то натворят они во второй части?

Подождем. Потерпим.

Может быть, все еще кончится не так плохо. Не надо нервничать. Мало ли что случается!

Конечно, гораздо спокойнее было бы, если бы Пенкин не врал, а хорошо учился, а газета никогда не ошибалась, а Корягин дружил бы с Замошиной, а Замошина не поссорилась бы с Кудрявцевой!

Но что же поделаешь, если все складывается не совсем так, как хочется.

Начнется новая неделя, и все прояснится.

Уже поздний вечер. Всего одна ночь осталась до второй части.

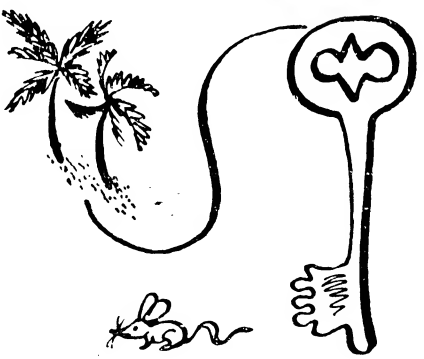
Не так уж и много. А если кому и не терпится — надо ждать. Ничего не поделаешь.

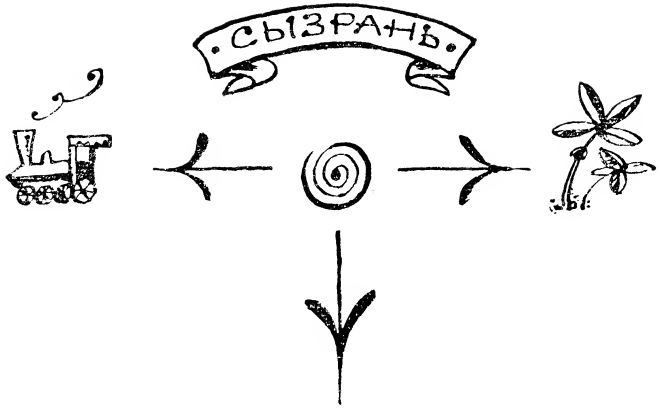
И немножко успокоенный автор выводит на этой странице все еще дрожащей рукой —

Конец первой части.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Тут вы узнаете, что случилось с Пенкиным, 6 «В» классом, учительницей Ниной Григорьевной, старичком Мироном Сергеевичем, другими героями повести, а в самом конце — с ее автором.





ГЛАВА ПЕРВАЯ

Понедельник начинается

Первым уроком был труд, и отряд оказался разделенным на две половинки.

Мальчики выдалбливали горшочки для цветов. Они работали в самой настоящей мастерской и были все как на подбор в рабочих передниках, нарукавниках, с молотками в руках.

Девочки выкраивали платья. Они занимались в классной комнате. На учительском столе красовалась швейная машина. Матильда Васильевна рисовала на доске. А девочки лазали по полу и делали выкройки из бумаги.

В самом начале урока в слесарную заглянула Нина Григорьевна.

— Пенкин пришел?

— Нет,—просипел Зайцев и хотел, кажется, что-то разъяснить, но, видно, раздумал и громко застучал молотком.

— А что у тебя с голосом?

— Сам не знаю. Простудился.

Нина Григорьевна помчалась вниз, должно быть к директору.

В отряде с утра обнаружились отдельные люди, ничего не знавшие про статью.

Фигурный пряник был нарасхват.

Он ходил от мальчишек к девчонкам и обратно, цитировал статью и уже к концу первого часа незнавших не оказалось..

Мальчишки и девчонки бушевали.

Напрасно Андрей Тихонович призывал разместить заготовку согласно рисунку, стамеской удалить лишнюю древесину и выровнять поверхность.

Скрипели ножовки, стучали молотки, завывая на остановках, вгрызался в дерево новенький сверлильный станочек, вовсю летала стружка, но мальчишки то и дело переговаривались друг с другом, и в такт молоткам стучала одна и та же фамилия — Пенкин.

— Девочки,— молила Матильда Васильевна,— будем проводить линию бока. Из точечки «А» проведем линию. Вверху поставим цифирку десять. Влево отложим три сантиметрика. Теперь от этой точечки вон к тому крестику. Полсантиметрика.

Но девочки не хотели откладывать полсантиметрика. Они ползали по полу и шипели как змеи. Больше всех шипела Замошина.

А в это время на первом этаже в кабинете директора сидели друг против друга Иван Петрович и Нина Григорьевна. Они советовались.

Иван Петрович имел обыкновение по воскресеньям ездить в Дубки. Он отправился туда вместе с женой, дочерью и внуком. Перед прогулкой Иван Петрович обычно подходил к киоску и покупал воскресные газеты. И пока внук, охраняемый бабушкой и мамой, копался в песке, собирал листья или катался на санках, Иван Петрович проглядывал газеты. Самое важное он помечал карандашом, дабы потом прочесть еще раз, или переписать себе в тетрадь, или обратить внимание учителей.

И на этот раз внук собирал листья, мама и бабушка ходили за ним, а Иван Петрович сидел на скамейке и читал.

Сначала он прочел «Правду», потом «Известия», потом «Комсомольскую правду», потом принялся за «Неделю».

Потом к Ивану Петровичу подошел внук и принес ему большой букет желтых листьев. Иван Петрович поговорил с

внуком, усадил его рядом с собой и стал показывать ему картинки. Тут он развернул «Пионерский галстук».

— Вот посмотри, Юрочка,— сказал он внуку,— какие рисуночки в этой газете...

— А что тут пишут? — спросил напрямик Юрочка.

— Здесь пишут про хороших мальчиков,— начал было педагогическую беседу Иван Петрович,— как эти мальчики хорошо учатся, примерно себя ведут,— продолжал он, оглядывая газетные странички.

Оглядев их, Иван Петрович прервал беседу с внуком и стал читать статью под названием «Всем ребятам пример». Сперва он потянулся за карандашом, дабы отметить эту статью как исключительно важную, потом отложил карандаш и стал читать подряд строчку за строчкой.

— Что ты, деда? — теребил его Юрочка.— Что там пишут?

— Там пишут... там пишут... Какую-то ерунду пишут! — позабыв про педагогику, встал со скамейки Иван Петрович.— Машенька!— позвал он жену.— Машенька! Смотри, что пишут в газете!

Ивану Петровичу теперь было не до прогулки. Главное, чего он не мог понять,— действительно ли исправился Пенкин и стал замечательно учиться, действительно ли Нине Григорьевне удалось так резко изменить положение в шестом «В»? Сомнений как будто не могло быть — обо всем об этом было написано не где-нибудь, а в газете. С другой стороны, Иван Петрович хорошо помнил, что еще две недели назад вопрос о Пенкине стоял весьма остро. К директору приходила из класса девочка (Иван Петрович забыл ее фамилию) и требовала исключения Пенкина из школы. Не далее, как десять дней назад Иван Петрович говорил о Пенкине с Ниной Григорьевной. Правда, Нина Григорьевна обещала принять самые решительные меры, клялась, что Пенкин исправится, уверяла, что он — хороший мальчик и вся беда в том, что еще не удалось подобрать к нему ключа...

Ну, конечно, за десять дней могло все измениться. Ну, а стены, стены класса. Когда успели их перекрасить? Да еще без ведома директора!

Странно было и то, что директор решительно ничего не знал о готовящейся статье! О шестидесятой школе писали в газетах не часто. На памяти Ивана Петровича было две статьи. Одна отмечала успехи школьных юннатов, другая резко критиковала уроки физкультуры. И оба раза факты

корреспонденций тщательно проверялись, Иван Петрович знал об этом, а теперь... Нет, что-то тут было не так!

— Ну, зачем волноваться,— убеждала его по дороге домой жена.— Я понимаю — ругали бы школу. Но ведь вас хвалят!..

— Странная история,— не успокаивался Иван Петрович,— очень странная...

Приехав домой, он позвонил Нине Григорьевне. Нина Григорьевна еще ничего не знала о статье. Потом она выпросила газету у соседей, позвонила Ивану Петровичу, и они договорились встретиться рано утром в школе...

— Положение дикое,— говорил Иван Петрович, расхаживая из угла в угол по кабинету,— я понимаю, опровергать плохое... Но тут придется отрицать хорошее!

— Не могу понять, как это могло произойти! — разводила руками Нина Григорьевна.

— Но и газета хороша! Значит, к вам не обращались?

— Тут произошло какое-то недоразумение. Корреспондент заглянул на заседание совета дружины. И спросил, можно ли публиковать материал о Пенкине. Ему ответили, что это возможно. Но какой именно материал, мы не знали. И откуда он его взял?

— История... Я уж подумал: может быть, действительно все изменилось...

— Если бы! — вздохнула Нина Григорьевна.

— Значит, так,— Иван Петрович остановился у стола, на котором в банке из-под компота стоял букет желтых листьев,— придется писать опровержение. Набросайте, пожалуйста, черновичок, Нина Григорьевна. Завтра посмотрим, отредактируем, подпишем и отошлем в газету.

— Хорошо, Иван Петрович. А что сказать классу?

— Проведите обсуждение, что ли... Пусть Пенкин выступит, объяснит...

— Пенкина нет. Не пришел.

— Да-а...

Прозвенел звонок. Начиналась перемена.

— Вы сейчас у своих? — спросил Иван Петрович.

— Нет, у них — физика.

— Как только явится Пенкин — проведите собрание. И — не забудьте — письмо в газету!

На переменке перед физикой шестой «В», наконец, объединился. Кто-то достал клочок газеты, и он заменил Петю-

Пряника. Клочок ходил из рук в руки, возбуждая новые толки. Только звено Кудрявцевой не принимало участия в разговорах. Звено загадочно молчало. И, кажется, к чему-то готовилось. Молчал Корягин. Не хихикал Ильин. Не вздыхала Шамрочка. Не хрипел Зайцев.

Зазвенел звонок.

Начиналась физика.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Физика вслепую

— Сегодня девятое декабря, тема нашего урока, закройте книги, откройте тетради, кто там еще не сел на последней парте,— «Единица веса».

Сказав это все, как всегда, без единой передышки, Юлия Львовна швырнула на стол свой портфель, вытащила из него какие-то листочки, какую-то тетрадку, целлулоидовый футляр с очками и две авторучки. Из портфеля выполз еще спичечный коробок, но Юлия Львовна запрятала его обратно.

Разбросав свои вещи по столу, Юлия Львовна начала урок.

— Кто еще не записал — повторяю, кто шумит — прекратите, грамм это вес одного кубического сантиметра чистой, в скобках, дистиллированной, кто сегодня дежурный, воды.

— Я — дежурный.

— Кто это ты?

— Прудков.

— Пойди, Прудков, сотри с доски как следует, мы будем сегодня писать, воды, взятой при температуре четыре градуса Цельсия. Еще раз повторяю, грамм, закройте форточку — очень дует, кто это хочет простудиться, это вес одного кубического, что тут смешного, интересно, сантиметра, прекратите смех, чистой, в скобках дистиллированной воды, взятой при температуре, садись на место, Прудков, четыре градуса Цельсия. Однако грамм, это можете не писать, небольшая единица. Правильно?

— Правильно,— ответил на всякий случай Миронов с первой парты.

— Поэтому удобнее оказалось, откуда-то все-таки дует,

за основную единицу веса, плотнее прикройте дверь, кто это там встал?..

— У меня кончились чернила.

— У кого это кончились чернила?

— У меня — у Романовой.

— Иди набирать чернила, Романова, принять величину, говорят про какую-то статью во вчерашней газете, в тысячу раз большую, еще не читала, повторяю — в тысячу раз большую грамма, слышала — хвалят Пенкина, и назвать эту величину, по физике ему еще тянуться и тянуться, килограмм, как же килограмм обозначить, в какой это было газете?

— В «Пионерском галстуке»,— откликнулся Ягодкин.

— Как обозначить грамм и килограмм сокращенно, прочту сегодня, сейчас я вам изображу на доске.

Но Юлия Львовна не смогла изобразить на доске грамм и килограмм сокращенно. Юлия Львовна потянулась за очками — футляра не было. Она пошарила рукой по столу — футляр не отыскивался.

— Странно,— сказала Юлия Львовна.— Я только что, набрала чернила, Романова, садись, выложила на стол очки... Ты не видел, Миронов?

— Что, Юлия Львовна? — с трудом оторвался от своей тетрадки Миронов с первой парты.

— Ты не видал моих очков?

— Не-ет. Они, наверно, у вас в портфеле.

Юлия Львовна снова переворошила весь портфель. На этот раз оттуда окончательно вывалился коробок спичек, выглянули бумажный сверток и какая-то пластмассовая коробочка, очков среди них не было.

— Нет, я помню, что выложила очки на стол,— Юлия Львовна нагнулась, заглянула под стол, но и под столом очков не было.

Сразу вызвалось несколько добровольцев — искать очки.

Но Юлия Львовна сказала:

— Сидите на местах, еще не хватало — терять время, может быть, и не было очков, забыла дома, обойдемся и без очков.

Это Юлия Львовна сказала из гордости. На самом деле обойтись без очков Юлии Львовне было очень трудно. Она еле-еле изобразила на доске огромную букву «М», вслед за ней «К» и «Г», которые, странно пошатнувшись, глядели друг на друга.

Потом Юлия Львовна объяснила, что для измерения веса

больших тел употребляются более крупные единицы, и написала на доске большую букву «Ц» и большую букву «Т». Обе они прихрамывали.

— Что значит буква «Ц», кто скажет?

Поднялось несколько рук.

— Ну, скажи ты, Мирзоян!

— А я не поднимал руку.

— А чья же это рука?

— Это моя рука.

— Чья твоя рука?

— Это Андреева рука.

— Ах, Андреева рука. Ну, скажи, Андреев, что означает буква «Ц»?..

— Буква «Ц» означает центнер,— отрапортовал Андреев.

— Садись, молодец. А что означает буква «Т»? Ну, пожалуйста, Просвирникова.

— Просвирникова больна.

— А кто же это тянет руку?

— Это — Шамро.

— А, Машечка,— обрадовалась Юлия Львовна.— Ну, скажи, Машечка, что означает буква «Т»?

— Она означает тонну.

— Не «она означает тонну». А как надо сказать, сидите спокойно, я сама спрошу, Романова!

— Буква «Т» означает тонну.

— Правильно, Романова.

После того как Юлия Львовна изложила новый материал, она приступила к опросу. Такая у нее была привычка. Сначала — новый материал, потом — опрос.

Перед Юлией Львовной лежал классный журнал, и Юлия Львовна делала вид, что просматривает фамилии.

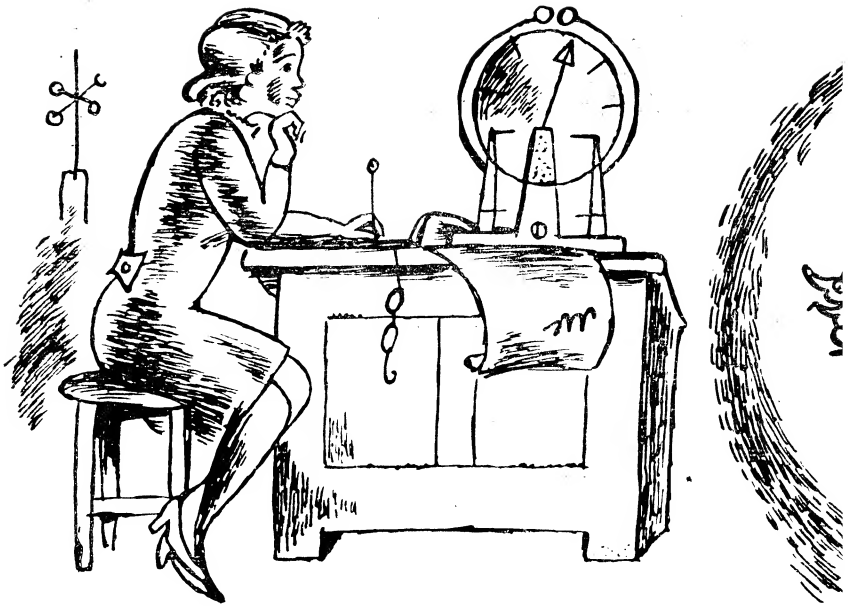
— Кого это я давно не вызывала,— говорила Юлия Львовна,— ну, допустим, Корягин... Нет, Корягин отвечал прошлый раз... Пенкин!

И не успел еще никто ответить, что Пенкина в классе нет, хриплый Зайцев тихо-тихо перебрался на парту Кудрявцевой и встал с места.

— Расскажи мне, Пенкин,— обернулась в его сторону Юлия Львовна,— расскажи мне, пожалуйста, что такое ватерпас и что такое уровень.

— Ватерпас применяется,— начал простуженный Зайцев,— для проверки горизонтальной поверхности.

— Что это у тебя голос такой хриплый?



— Простудился,— объяснил Зайцев.

— Сквозняк у вас в классе, самый настоящий сквозняк, надо закрывать форточку, ватерпас применяется, говорит нам Пенкин, и дверь надо затворять плотнее, для проверки горизонтальной поверхности. А как, скажи, устроен ватерпас?

Зайцев рассказал и про то, как устроен ватерпас и чем он отличается от уровня, и объяснил как сделать такой уровень, который мог служить ватерпасом, и такой ватерпас, который сошел бы за уровень. Словом, он отвечал так, как обычно отвечал Зайцев, который любил отвечать по физике не меньше, чем ходить в кино.

Юлия Львовна слушала его, прямо-таки раскрыв рот. Она даже хотела подойти к хриплому Пенкину, чтобы получше рассмотреть. Но как раз в это время Миронов заорал.

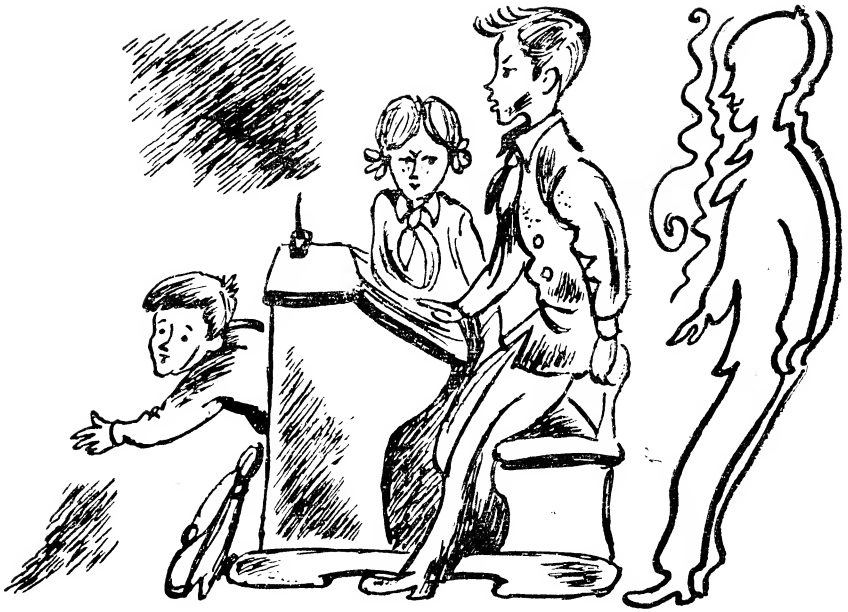
— Что с тобой? — испугалась Юлия Львовна.

— Мышь пробежала. Я мышей боюсь.

— Где пробежала?

— Вон там, в углу.

— Этого еще не хватало, садись Пенкин, ты очень хорошо знаешь материал, даже удивительно, говорила я Дарье



Степановне, надо завести кошку, статью сегодня прочту обязательно, из какого угла выскочила мышь?

— Из того, где Пенкин сидит.

— Надо же! Вы, ребята, видели мышь?

Удивительно, что мышь видело только звено Кудрявцевой. Зато они видели все, несмотря на то что сидели в разных местах.

— Давай свой дневник, Пенкин!

Дневник поплыл по рукам к столу Юлии Львовны.

Оля Замошина с самого начала всей этой истории не могла усидеть на месте. Она краснела, бледнела, порывалась что-то сказать, но сидевшая за одной с ней партой Зеленцова только удивленно на нее поглядывала.

— Ты чего? — спросила Зеленцова, когда Оля, не выдержав, подняла руку.

— Как — «чего»? Ты не видишь, что делается? — возмутилась Оля.

— А чего особенного делается? Ничего особенного не делается.

Оля обомлела.

А дневник все шел и шел вперед.

Оля схватила этот дневник и увидела на обложке — «Дневник ученика VI класса Пенкина Геннадия».

Оля до того оторопела, что даже оглянулась на парту, где рядом с Кудрявцевой, уткнув нос в тетрадь, застыл Зайцев.

— Сиди и молчи!— прошипела Зеленцова, и Оля, ни слова не говоря, отослала дневник вперед.

Юлия Львовна с трудом отыскала в дневнике нужную графу и внесла в нее кривобокую пятерку.

— Молодец, Пенкин,— сказала она.— Не болей. Запишите домашнее задание.

Пока записывали задание, все в классе бормотало и бурлило. Только Корягин молча бросал вокруг сердитые взгляды.

Уже когда прозвенел звонок и Зайцев вышел из класса, нашлись очки Юлии Львовны. Они лежали целехонькие под ее портфелем. Юлия Львовна очень обрадовалась.

— Вот надо же — сунула под портфель и не заметила. Я могу, конечно, и без очков обойтись, но с очками все-таки лучше...

— Ну, Нина Григорьевна, поздравляю вас! — сказала Юлия Львовна, входя в очках в учительскую.

— Что уж там говорить! — вздохнула Нина Григорьевна, здороваясь.

— Я — про Пенкина.

— Вы читали?

— Нет, не читала еще, но он мне отвечал сейчас по физике. Отличный ответ!

— Разве он пришел? — удивилась Нина Григорьевна.

— Только что пятерку получил,— говорила Юлия Львовна, ставя на место журнал шестого «В».

Нина Григорьевна побежала на третий этаж. У окна две девчонки били мальчишку. Нина Григорьевна приостановила драку. Никого из ее ребят в коридоре не было. Из физического кабинета доносился шум. Никто из кабинета не уходил. Все были в сборе. Нина Григорьевна прислушалась.

— Это неправда! — кричала Оля.

Но ее перекрыл многоголосый вой, а потом раздался спокойный бас Корягина:

— Решение принято. Хочешь идти против класса — пожалуйста.

Нина Григорьевна открыла дверь.

— Где Пенкин? — спросила она.

Наступило молчание. Шестьдесят восемь глаз смотрели в разные стороны. А потом Миронов ответил:

— Вышел. Что-то у него... одним словом, с желудком...

— Нам надо будет, ребята, обсудить статью, напечатанную в газете.

— Правильно! — сказала Оля.

Ребята стали расходиться.

Нина Григорьевна ждала Пенкина до конца перемены. Потом она заторопилась на урок в шестой «А» и, увидев в коридоре Замошину, сказала:

— Пусть Пенкин зайдет ко мне в учительскую на большой перемене.

Не успела Оля ответить, как рядом появился Корягин.

— В учительскую? Хорошо.

— И тогда решим, когда собраться. У вас какой урок следующий?

— География.

— Не забудь прислать Пенкина!

Корягин кивнул в ответ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Люди после шести вечера

Хорошо человеку на улице, если он знает, куда идти.

Пенкин этого не знал.

Когда он уходил из дому, у него в голове было много мыслей, и ни одной стоющей. Главное — поскорей спрятаться от позора, чтобы его никто не мог разыскать.

Лучше всего — уехать в другой город.

Куда?

В дальнем городе Сызрани на Волге жил у Пенкина дальний родственник — то ли двоюродный дядя, то ли троюродный. Адреса его Пенкин не знал. Но адрес можно было узнать на месте, в справочном бюро. Но чтобы добраться до справочного бюро, надо было добраться до места — прикатить в эту самую Сызрань.

И Пенкин отправился на Южный вокзал. Оттуда однажды приезжал двоюродный дядя.

На Южном вокзале толпился народ. У касс выстроены были очереди. Гена встал в одну из очередей, дождался последнего и пошел читать расписание поездов.

Поезд отходил в восемнадцать сорок. Самое жесткое общее место до Сызрани стоило восемь рублей пятнадцать копеек. Пенкин сосчитал деньги. Те, что он взял из шкатулки, те, что выручил вчера за марки, вместе с теми, что оставались от завтраков. Составилось всего четыре рубля сорок шесть копеек. Не хватало целых трех рублей шестидесяти девяти копеек.

Ехать в Сызрань не получалось. Пенкин вышел на улицу и стал думать — куда деваться. Положение было аховое.

Можно пойти в газету, подумал Пенкин, и раскрыть, что произошло, но это выходило еще хуже.

Вернуться домой — нельзя.

Туда уже, конечно, позвонили из школы, и мама знает все. Мама! А ведь в школе было известно, что ее нет! Все запутывалось самым страшным образом, и ясно было одно — возвращаться никуда нельзя.

С другой стороны, и ехать было некуда. Чтобы ехать в Сызрань, надо было собрать три рубля шестьдесят девять копеек. Каким образом?

Продать альбом с марками? Но альбом лежал дома, а пробраться незаметно домой — невозможно. И кроме того, Пенкину было жаль так, ни с того ни с сего, сразу продать марки, которые он собирал с таким трудом столько лет. Нужно было придумать другой способ заработать три рубля шестьдесят девять копеек. Но сколько ни думал Пенкин, другого способа не придумывалось.

Конечно, можно было найти деньги на улице. В прошлом году Петя Ягодкин нашел на улице рубль. Наверно, где-нибудь по улице и теперь лежал рубль. Но как узнать — где именно. И потом, рубль — не выход из положения, если нужно три рубля шестьдесят девять копеек. На всякий случай Пенкин все же глядел себе под ноги, когда шел. Рубль — тоже не лишний в таком положении. Но рубль на улице не валялся.

Пока Пенкин ходил, ему захотелось есть.

Пенкин зашел в булочную. На полках лежали одна на другой булки, батоны, халы и круги черного хлеба. В сторонке у высоких мраморных столиков стояли отдельные граждане. Они пили кофе и заедали его хлебобулочными изделиями.

Это была неплохая мысль — выпить кофе и съесть булочку. Только надо было выбрать самую недорогую. В углу под стеклом лежали рожки — румяные и, должно быть, хрустя-

щие. Пенкин любил есть рожки. Мама называла их аппетитно и ласково — рогаликами. Дома Пенкин ел их с маслом, а поверх масла еще посыпал солью. Рогалики таяли во рту!

Рогалики оказались довольно дешевые — по пяти копеек штука. Кофе стоило одиннадцать, и пить кофе Пенкин передумал — он решил взять себе чаю на три копейки. Теперь надо было заработать не три рубля шестьдесят девять, а три рубля семьдесят семь копеек.

Через десять минут заработать надо было уже три рубля восемьдесят две копейки, потому что Пенкин съел еще рогалик.

Чтобы поплотнее наесться, Пенкин посыпал на рогалик побольше соли — она стояла на столе совершенно бесплатная, и есть ее можно было сколько хочешь.

По улице курсировали воскресные люди. Некоторые из них бежали сломя голову, другие шли нормально, а то и прогуливались, никуда не торопясь.

По улицам расхаживали веселые, грустные, печальные, смеющиеся, счастливые, задумчивые, беспечные, болтливые и молчаливые люди.

У всех у них было воскресенье. Завтра начиналась новая неделя. И все, какими бы разными они ни были, отлично знали, что будут делать завтра.

Один Пенкин не знал этого.

Только он один не знал, что будет с ним завтра. Да не только завтра, он не знал, что случится с ним сегодня вечером.

А вечер уже наступал. Становилось холодно и неприятно.

После шести часов люди стали объединяться в группы, выходить из подъездов, троллейбусов и трамваев по трое, по двое.

Они стали веселее и нарядней.

Когда Пенкин спустился погреться в метро, мимо него проносились вереницы довольных собой людей. Они спешили, смеялись, шептались, пели, пили теплый виноградный сок и холодную минеральную воду. Они увозили вниз и привозили наверх пакеты, кошелки, лыжи, сумки, торты и цветы в целлофане.

Когда Пенкин поднялся наверх, на улице стало совсем темно. Тротуары стали гораздо шире. Людей становилось все меньше. Многие разошлись по театрам, кино. Сидя в хорошо отопленном зале, они заливались смехом или смотрели на сцену или на экран, смеялись и плакали. А Пенкин даже

в театр, даже в кино не мог пойти, потому что детям до шестнадцати лет этого вечером не разрешалось.

Люди после восьми становились серьезными и деловыми. Они шли, уверенно притаптывая снег, прокладывая в снегу дорожку домой.

По всему городу загорались огни. Светились рекламы кинотеатров, витрины магазинов, окна домов. У каждого человека был свой дом, своя лампа в окне.

И первый раз в этой новой жизни подумал Пенкин о том, как хорошо иметь свое окно, и лампу под абажуром, и теплую комнату. Раньше он никогда об этом не задумывался. Это всегда у него было. Конечно, если вернуться и все честно рассказать, во всем повиниться... Но Пенкин вспомнил про школу, про Олю Замошину, про Нину Григорьевну и решил ни за что не возвращаться домой.

Он потопал снова к вокзалу. Пошел на перрон к поезду дальнего следования. Вагоны дышали теплом.

Сердитые проводники проверяли билеты.

Пенкин погрелся в зале ожидания. Он решил сегодня не ужинать, потому что надо ехать в Сызрань и каждая копейка должна быть на учете. С ужином, конечно, можно и повременить, но спать надо было обязательно.

Где?

По залу прогуливался милиционер.

Женщина, перевязанная крест-накрест шерстяным платком, закрывала створки киоска Союзпечати. И Пенкин подумал о том, как же это могло случиться, что газета ошиблась. Он вспомнил старичка на бульваре и... полез в портфель. Тетрадка была, к счастью, на месте. Там, на последней страничке, уцелел адрес.

Пенкин поднял воротник и побрел к Садово-Гончарной...

Гена позвонил. Сначала открылся круглый глазок в двери, за ним что-то зашевелилось, и дребезжащий женский голосок спросил:

— Кто там?

Пенкин спросил, дома ли Мирон Сергеевич, и объяснил, что сам он из Боливии.

— Мирон, к тебе человек из Боливии! — прокричала старушка за дверью.

В коридоре послышались шаги, хлопнула какая-то дверь, щелкнул какой-то выключатель, потом шаги вернулись к двери вместе с еще какими-то шагами.

Глазок опять приоткрылся, и мужской голос сказал:

— Кто спрашивает Мирона Сергеевича?

— Это я. Помните, мы сидели с вами на скамейке. Я из Боливии.

Дверь отворилась, но не целиком, а на цепочку, из-за цепочки выглянул вчерашний старичок.

— Ах, это вы?

Мирон Сергеевич отбросил цепочку и отворил дверь.

— Милости просим. Познакомься, Берта, это сын нашего посла в Боливии. Фамилия его, если не ошибаюсь, Арчибасов. Проходите, товарищ Арчибасов, проходите.

В квартире было тепло. На вешалке в прихожей висели старые-престарые шубы, под зеркалом стоял сундук, около двери висел телефон, а под ним лежала обтрепанная телефонная книга за тысяча девятьсот пятидесятый год.

— Раздевайтесь. Знакомьтесь. Это — моя жена.

— Очень приятно,— улыбнулась старушка.

Пенкин решил начать с самого главного.

— Понимаете, какая история, Мирон Сергеевич, отца неожиданно отозвали обратно. В Боливию! Срочно.

— Срочно? — забеспокоился Мирон Сергеевич.

— Незамедлительно. И он впопыхах увез с собой ключ от нашей квартиры. Я никак не могу попасть домой!

— Ах, какое несчастье! — воскликнул Мирон Сергеевич.— Как же быть? Ты слышишь, Берта, какой случай...

— Ничего, не волнуйтесь,— успокоил Пенкин.— Все обойдется. Я уже сообщил в министерство. Отцу позвонят в Боливию. И он отошлет ключ с каким-нибудь атташе.

— Зачем же такие сложности? — удивился Мирон Сергеевич.— Можно было вызвать слесаря из домоуправления.

— Что вы! — замахал руками Пенкин.— У нас такой... дипломатический дом! У каждого ключ... с секретом!

— А, понимаю, понимаю,— прошептал Мирон Сергеевич.— И что же вы будете делать?

— Да я бы хотел переночевать у вас.

— Конечно, конечно...

— Пока не пришлют из Боливии ключ.

— Понимаю... Берта, ты слышишь? Она плохо слышит.

И Мирон Сергеевич пересказал своей жене всю историю с папой-послом, срочно вызванным в Боливию, и ключом, который папа увез.

Берта Павловна сказала было, что надо обратиться к слесарю, но Мирон Сергеевич, отчаянно подмигивая Пенки-

ну, объяснил ей, что есть... причины... по которым... к слесарю... обращаться не следует.

Берта Павловна очень обрадовалась, что Пенкин остается у них ночевать.

— У нас так одиноко, вы себе не представляете,— пожаловалась она.— А вы ужинали?

— Ну, конечно же, он не ужинал,— забеспокоился Мирон Сергеевич.— Где тут поужинаешь, когда такое несчастье!

Если Берта Павловна обрадовалась, что Пенкин останется ночевать, то узнав, что он не ужинал, она пришла в полнейший восторг и убежала на кухню.

Мирон Сергеевич провел Пенкина в столовую, усадил его на диван и стал расспрашивать о Боливии.

— Я понимаю, что вы не можете рассказать мне всего,— сказал он,— но расскажите то, что можете.

Пенкин стал рассказывать, что может. Мог он немного. Пять марок в альбоме — вот и вся информация, которой владел Пенкин. Но рассказывал он, как всегда, интересно и красочно.

Мирон Сергеевич охал, удивлялся, переживал, подпрыгивал на диване и получал, по всей вероятности, огромное удовольствие.

Прошел час — не меньше, и Пенкин решил, что Берта Павловна давно уже забыла об ужине. Но Пенкин ошибался.

— Мирон! — раздался голос из кухни.

Мирон Сергеевич извинился и направился куда-то в дебри квартиры.

Пенкин остался один и стал осматривать комнату. На стене висел ковер с оленями, у окна стоял рояль, а посредине, оттеснив прочие вещи к углам, расположился овальный обеденный стол. Пенкин отогрелся и, кажется, растворился в мягком диване. Старинные вещи вокруг него стали расти, расти и превращаться в добрых приветливых великанов... В комнате было тихо, так тихо, что только маятник часов гулко ходил туда-сюда в тишине.

Отворилась дверь, и на пороге появился торжественный Мирон Сергеевич. Он нес какое-то блюдо, а за ним вплыла в комнату Берта Павловна. Она несла шипящую и дымящуюся сковородку. Войдя, Берта Павловна пришла в ужас.

— Мирон, ты не накрыл на стол! — воскликнула она.

— Ох, Берта, я действительно забыл!

И они оба стали накрывать на стол. Потом еще долго из

буфета вынимали, из кухни приносили тарелки, тарелочки, чашки, чашечки, блюдца, блюдечки...

Наконец, все уселись за стол и принялись ужинать.

Потом Пенкина поместили в маленькую комнатку рядом с кухней.

— Там жил наш племянник,— сказала Берта Павловна,— тот, который уехал в Тюмень. Мирон вам не рассказывал?

— Нет.

— Вам здесь будет удобно. Если станет жарко, приоткройте вот эту форточку. Вы любите теплое одеяло или легкое?

Засыпая, Пенкин думал о том, что он обязательно скопит деньги, обязательно поедет к дяде в Сызрань, что есть на свете добрые люди и все обязательно кончится хорошо.

Когда он проснулся, ему показалось, что все это ему приснилось — старички, ужин, вчерашние улицы и газетная статья! Но потом он понял, что все это — правда, что неизвестно, как быть, что уже понедельник и что он не пошел в школу.

Начиналась новая жизнь Пенкина. Новая жизнь, в которой было мало хорошего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Большая перемена

Географию вела практикантка. Она была маленькая, в больших роговых очках и вся зеленая. И кофточка на ней была зеленая, и блузочка и юбочка и даже чулочки на ногах — зелененькие. Она очень волновалась и потому говорила уверенно и громко. А на задней парте рядом с Пичиковой сидела тетечка в черном костюме и не отрываясь что-то писала в черную тетрадь.

— Познакомимся,— громко сказала практикантка,— меня зовут Любовь Ивановна,— и покосилась на черную тетеньку.

Но тетенька писала себе да писала. Тогда Любовь Ивановна стала рассказывать про зону степей. Она рассказывала так уверенно, как будто сама только что вернулась оттуда. Слушать ее было довольно-таки интересно.

Вообще шестой «В» любил своего географа. Хотя Борис

Дмитриевич и часто кричал на шестой «В», хотя шестой «В» и часто шумел на уроках Бориса Дмитриевича и Борис Дмитриевич часто не мог справиться с шестым «В». Он потому, наверно, и кричал, что не мог справиться. У Бориса Дмитриевича была привычка — если он сердился на кого-нибудь, то обязательно уважительно называл его на «вы».

— Перечислите, Хорошилов, моря Северного Ледовитого океана...

— Назовите, Пичикова, реки и озера Восточной Европы...

Но стоило Пичиковой верно перечислить реки и озера, он говорил ей:

— Садись, Наташа.

Так что Борис Дмитриевич недолго сердился и чаще всего говорил «ты». И все-таки, честно сказать, шестой «В» плохо слушал Бориса Дмитриевича.

Но бывали уроки, когда все слушали географию затаив дыхание. Это было тогда, когда Борис Дмитриевич рассказывал о тех местах земного шара, где побывал сам.

До войны Борис Дмитриевич ездил в экспедицию в Среднюю Азию. Жил в палатке и его чуть-чуть не укусил скорпион. Во время войны Борис Дмитриевич был краснофлотцем, и ему довелось побывать и на Волге, и на Дунае, и в Чехословакии, и в Берлине. И когда по программе попадались эти края, то ребята просто заслушивались его рассказами. Это самое интересное в географии — слушать человека, который знает землю не по карте и не по книгам, а по собственной жизни.

Любовь Ивановна была совсем молодая и, конечно, не воевала, но зону степей рассказывала так, как будто тоже сама была там. И всему шестому «В» понравилась Любовь Ивановна. И каждый нет-нет да и поглядывал в сторону парты Пичиковой, за которой писала свои записки тетя в черном костюме.

Неужели же ей не нравилось, как ведет урок Любовь Ивановна?

Но по лицу тетеньки ничего невозможно было понять.

Рассказав про зону степей, Любовь Ивановна взяла журнал и приступила к опросу. Сначала она вызвала к доске Замошину, и Замошина довольно толково, но скучно рассказала про климат тайги. Потом Любовь Ивановна вызвала «вон того мальчика с третьей парты, который болтает со своим соседом». Болтающим мальчиком оказался Мирзоян. Он очень неважно ответил про животный мир тайги. Спутал

куницу с горностаем и сказал почему-то, что в тайге обитают мелкие грызуны, хотя всем известно, что они водятся в тундре.

Любовь Ивановна подошла к столу и спросила:

— Как твоя фамилия?

Мирзоян жалобно посмотрел на Корягина. Тот показал ему увесистый кулак, и Рубен ответил:

— Мирзоян.

— Нужно лучше повторять материал,— сказала Любовь Ивановна и вручила Мирзояну его дневник.

— Теперь сосед Мирзояна,— сказала Любовь Ивановна, которая радовалась, что начинает запоминать фамилии учеников шестого «В» класса.

Соседом Мирзояна был Прудков. Ему достались смешанные и лиственные леса. Прудков знал их назубок. Он рассказал и про дубы, и про клены, и про липы. Он показал на карте, где начинается и где кончается полоса смешанных и лиственных лесов. Он рассказал про животных, которые водятся в этих лесах. Он рассказал про лесопарковый защитный пояс Москвы.

Словом, было ясно, что это — отличный ответ.

Даже черная соседка Пичиковой оторвала голову от своей тетрадки и с уважением посмотрела на Прудкова.

— Достаточно, садись,— остановила Прудкова Любовь Ивановна.— Как твоя фамилия?

Прудков посмотрел на Корягина и, вздохнув, ответил:

— Моя фамилия — Пенкин.

— Пенкин,— повторила Любовь Ивановна.— А, тот самый Пенкин! — улыбнулась она и как-то особенно взглянула на тетеньку с последней парты.

И та тоже понимающе улыбнулась и закивала головой.

В дневник, посланный Кудрявцевой, была поставлена вторая пятерка, и Прудков сел на место. Оля Замошина прямотаки вся извертелась на своем месте.

Боря Ильин стал стучать ногой под партой, чего с ним не случалось все шесть лет.

А смешливая Романова прыснула.

— А ну-ка потише! — показала характер Любовь Ивановна и объяснила домашнее задание.

К следующему разу следовало нанести на контурную карту границы зоны степей и полупустыни, а также изобразить на ней изотермы января и июля.

И как только Любовь Ивановна закончила разъяснять домашнее задание, раздался звонок.

— До свиданья, ребята! — сказала Любовь Ивановна.

И весь шестой «В», кроме Ильина и Замошиной, крикнули «До свидания!».

— Второе звено никуда не расходится,— объявила Кудрявцева, и второе звено осталось в классе.

— Звено лгунов! — отрезала Оля, проходя мимо.

Корягин остановил ее у двери, и они о чем-то тихо и зло разговаривали.

— Хорошо, я жду до завтра,— бросила Оля и вышла из класса.

Кудрявцева подошла к учительскому столу и открыла внеочередной сбор звена. Слово взял Корягин.

— Завтра Пенкин должен быть в школе,— сказал Корягин.— Понятно?

— Самый настоящий Пенкин? — уточнил Ягодкин.

— А как же сделать? — прохрипел Зайцев.

— Я предлагаю разбиться по районам. Я могу взять два района,— сказала Галя Кудрявцева.— Надо прочесать весь город.

— А если он уехал? Может быть, разбиться по разным городам? — съязвил Боря Ильин.

— Он не уехал. Я уверен, что он здесь где-то, близко. Я уверен, что он вернется в школу. Но каждый час дорог. Иначе нам придется туго. А пока его нет — надо считать, что он есть. Так решили — так и будет,— настаивал Корягин.

— А давайте сегодня вечером соберемся и перекрасим класс, а? — вдруг сказал Миронов.

И всем это предложение понравилось.

— Хорошо,— сказала Кудрявцева.— До семи часов мы ищем Пенкина. В семь собираемся здесь. Кто может достать краску?

— Я могу изобрести краску,— взялся хриплый Зайцев.— Из одной краски сделать три. На стены и парты. Только соберите деньги на одну краску.

Деньги были собраны, и тогда спохватились.

— А когда же уроки готовить?

— Надо все успеть,— сказал Корягин.— Ни одной минуты даром не тратить! Ильина освободим от окраски класса.

— Это почему? —испугался Ильин.

— Потому что ты будешь контурную карту делать за Пенкина. И вообще все уроки за Пенкина приготовишь.

— Почему это я?

— Кто за то, чтобы уроки Пенкина приготовил Ильин? — поставила вопрос Кудрявцева.

Все живо подняли руки.

— Только это нечестно,— сказал Ильин.— Имейте это в виду.

— Что нечестно?

— Делать уроки за другого.

— Конечно, нечестно,— согласился Корягин,— но другого выхода у нас нет...

Нина Григорьева ждала Пенкина в учительской.

Пенкин не приходил.

Уже вернулись с урока все педагоги. Последней пришла практикантка Любочка, и с ней строгая женщина в черном костюме, которая что-то говорила Любочке, заглядывая в свою тетрадку.

Любочка вздыхала, краснела, бледнела и охала.

— Но я так волновалась, так волновалась,— то и дело говорила она.

— А я так боялась, что вы не уложитесь,— радовалась черная тетенька.— А вы чудесно уложились!

— Как там мои ребята, Любочка? — поинтересовалась Нина Григорьевна.

— Ваши ребята — прелесть! — сказала Любочка.— Правда, Мария Степановна?

— Не все, конечно,— поправила Любочку строгая Мария Степановна.— Но есть некоторые. Например...

— Например, Пенкин! — перебила ее Любочка, довольная тем, что помнит всех наизусть.— Пенкин удивительно хорошо знает материал.

— Пенкин? — с удивлением переспросила Нина Григорьевна.

— Да, Пенкин получил вполне заслуженную пятерку,— строго сказала Мария Степановна.

Пенкин не приходил.

Тогда Нина Григорьевна решила подняться на четвертый этаж.

— Где Пенкин? — спросила она у Замошиной, которую встретила на лестнице.

Замошина спускалась по лестнице вместе с Колей Сорокиным. Она что-то горячо втолковывала ему, а он молчал и ни о чем не заикался.

Замошина остановилась, снова хотела что-то сказать Ни-

не Григорьевне, потом передумала, пожала плечами и ответила: «Не знаю». Потом добавила:

— Спросите у Корягина.

— А где он?

— В классе.

В классе оказалось все второе звено. Все встали, как только вошла Нина Григорьевна.

— Что это вы собрались?

— Мы... по вопросу успеваемости, Нина Григорьевна.

— А.... Хорошо. А где же Пенкин?

— Я отпустила его,— сказала Кудрявцева.— У него... горло разболелось. К врачу пошел.

— Что же ты, Корягин, не сказал ему, чтобы он меня разыскал?

— Совсем из головы вон,— ахнул Корягин.— Подождите, я его сейчас догоню.

И выбежал из класса.

— А Пенкин сегодня две пятерки получил! — похвастался Зайцев.

— Слышала. Это хорошо.

— А что вы с ним делать будете, Нина Григорьевна? — подольстилась Шамрочка.

— Я с Иваном Петровичем говорила, будем писать в газету опровержение.

— А если Пенкин исправится? — спросила Кудрявцева.

В это время в класс вбежал Корягин.

— Нет нигде. Ушел. Сильно болело горло.

— Жаль,— сказала Нина Григорьевна.— Он мне очень нужен. Придется к нему домой идти.

— А может быть, мы сами, всем звеном пойдем? — предложила Кудрявцева.

Нина Григорьевна внимательно посмотрела на нее и сказала:

— Хорошо, Галина. Скажите ему, чтобы он мне обязательно позвонил. Или он, или его мама.

— Ну вот и хорошо. Мы ему так и скажем,— поддержал Корягин.— Зачем вам ходить?

— И в самом деле,— сказала Нина Григорьевна, внимательно взглянув теперь не только на Кудрявцеву, но и на всех сидящих за партами.— И в самом деле. А то у меня сегодня трудный день. Пусть только обязательно позвонит. Хорошо? А завтра мы соберемся и обсудим статью в газете.

И Нина Григорьевна вышла из класса.

— Всем нам попадет без исключения,— сказал Ильин после того, как помолчали.— Всем.

Встала Кудрявцева.

— Кто за то, чтобы продолжать врать? — поставила она вопрос.

Все подняли руки. И Боря Ильин — тоже.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мышкан и другие

А в это время Пенкин, зажав под мышкой портфель, брел по городу и думал, как заработать недостающие четыре рубля без двадцати трех копеек.

Мирону Сергеевичу он сказал, конечно, что отправляется в школу.

За ночь сильно подморозило.

Уже два часа слонялся Пенкин по улице. У него замерзли сперва уши, следом за ними нос, потом ноги, а потом и руки в карманах.

Пенкин зашел в первый попавшийся подъезд согреться. Какая-то женщина с хозяйственной сумкой спускалась вниз. Проходя мимо, она внимательно взглянула на Пенкина. Пенкин подвинулся поближе к батарее. Не прошло и трех минут, как женщина с сумкой вернулась и прямо-таки уставилась на Пенкина. Пенкин отвернулся и стал разглядывать, что происходит во дворе. Во дворе, как назло, ничего не происходило, и ему пришлось довольствоваться дворовым пейзажем.

Женщина сперва потопталась у входной двери, а потом начала решительно подниматься по лестнице. Дойдя до второго этажа, она отомкнула дверь квартиры и быстро ее захлопнула, позвякав ключами.

Дальше оставаться в подъезде было совсем неинтересно. Пенкин распахнул дверь и вышел на улицу.

Он немножко согрелся, хотя, наверное, и недостаточно, потому что уши замерзли сразу, немного погодя к ушам присоединился нос, и все началось сначала.

Пришлось прибавить шагу.

Пенкин и не заметил, как очутился у кинотеатра «Призыв».

Сеанс начинался в одиннадцать сорок пять.

В конце концов собрать три рубля семьдесят семь копеек или три рубля восемьдесят семь копеек было одинаково трудно.

Смысл был не в том, чтобы смотреть картину, а в том, чтобы согреться, тем более что фильм «Жажда», который демонстрировался в кинотеатре «Призыв», Пенкин почему-то в свое время пропустил.

Он собрался было протянуть в окошко кассы десять копеек, но тут ему неожиданно подвезло.

К кинотеатру приближался школьный культпоход.

Раскрасневшиеся от мороза и удовольствия ребята выстроились у входа. Присоединиться к культпоходу, когда культпоход проходит мимо контроля,— самое плевое дело.

Пенкин выждал, пока учительница всех пересчитала, пока протянула контролерше билеты, а потом смешался с ребятами, как будто весь век с ними учился.

— Ты куда, мальчик? — спросила его какая-то вредная девчонка с косичками.

— А тебе что, жалко, Салазкина? — оборвал ее добродушный рыжий парнишка и дернул разок за косички.

Пенкин благополучно миновал контролершу и быстрым ходом проследовал в зал. Там было много пустых мест. Пенкин выбрал получше в восьмом ряду и уселся рядом с парнем в ушанке, надетой задом наперед.

Культпоход сидел вместе, а остальные ребята кто где. Почти у всех одиночных ребят на коленях лежали портфели.

«Наверно, во вторую смену учатся»,— подумал Пенкин и стал смотреть киножурнал.

В журнале колхозники убирали хлеб, ребята отдыхали в пионерлагере, туристы ходили в поход, курортники купались в море, на улицах шелестели деревья. В журнале вовсю светило солнце, и Пенкину было приятно думать, что бывает на свете лето.

После журнала зажгли свет, и в зал вошло еще человек двадцать одиночных девчонок и мальчишек. Сосед Пенкина скосил глаза на пенкинский портфель и спросил небрежно:

— Сколько мотаешь?

— Чего? — не понял Пенкин.

— Мотаешь, спрашиваю, который день?

— А... Первый,— пробормотал Пенкин.

Парень презрительно покосился на Пенкина, присвистнул и сплюнул куда-то вбок.

Картину он знал наизусть. Объяснял Пенкину, что будет дальше, и успокаивал его в самых тревожных местах. От него и узнал Пенкин, что морской отряд превратится в сухопутный и отправится выполнять ответственное задание. Что город, хотя и ненадолго, получит желанную воду. Что переодетый в немецкий мундир артист Тихонов встретит девушку, которую случайно встретил в начале фильма. Так и случилось, точь-в-точь.

После фильма Пенкин с соседом пошли к выходу вместе. У дальней портьеры сосед остановился и спросил Пенкина:

— Нырнем?

— Чего? — снова не понял Пенкин.

— Останешься на второй?

— Нет, я пойду.

— Ну и я пойду. А то надоело. Девятый раз одно и то же.

И одиночные ребята и культпоход у входа обменивались впечатлениями.

— А они остались в живых? — спрашивала зловредная Салазкина.

— Да,— авторитетно разъяснял ей посторонний малыш с ранцем за плечами.— Ведь это все снималось на фронте.

— На каком фронте? — не унималась Салазкина.— Это же артисты!

— «Артисты»... Там же было написано — 1941 год.

— А когда была война? — заинтересовалась другая девочка, помладше.

— Эх, ты, в сорок первом и была!

— Ну и что? Все равно это артисты,— вмешался крикливый мальчуган.

— Помолчи,— сказал пенкинский сосед.— Правильно, это — артисты.— И в качестве поощрения за сообразительность наградил мальчугана хорошим подзатыльником.

Когда они с Пенкиным уже шли по двору, парень в ушанке указал на кого-то впереди и процедил:

— Во-он тот, чернявенький, пятую неделю мотает.

— А ты?

— Сегодня — восемнадцатый день.

— Да ну!

— А ты думал! С завтрашнего дня, между прочим, здесь пойдет мировая картина. «Верная рука — друг индейцев». Ты не видал?

— Нет.

— Будем смотреть. Твоя как фамилия?

— Пенкин,— сразу ответил Гена.

Ему в последнее время определенно расхотелось врать.

— А я — Мышкан.

— А как зовут?

— Так и в классе зовут Мышкан. И во дворе. И мать зовет. Мышкан — значит, и есть Мышкан.

Пенкин не стал спорить, а только спросил:

— Ты где живешь?

— Дома.

— А почему в школу не ходишь?

— Поинтересова-ался,— усмехнулся Мышкан.— Я сперва думал, что это и вправду кому интересно. Думал, дурак, кто из класса навестит. А им всем наплевать. Эн-Бэ в журнале проставят — и ладно.

— А мама твоя как же?

— У нее — другие заботы.

— А отец?

— Нет у меня отца. А у тебя, что ли, есть?

— У меня есть,— виновато сказал Пенкин.— Правда, мы с ним никогда и не видимся,— стал он быстро оправдываться.

— Пьет?

— Нет, все время работает.

Мышкан помолчал, поиграл слюнями во рту, но не сплюнул, а перевернул ушанку как надо.

— А что дальше делать думаешь?— спросил после молчания Пенкин.

— Еще не решил,— отозвался Мышкан.— А ну-ка, двинем в ту парадную. Живо!

Пенкин побежал за Мышканом в парадное.

— Ты чего? — спросил он Мышкана.

— Так... С училками встречаться не люблю.

— А...

Только теперь Пенкину пришла в голову мысль, что и ему надо быть осторожнее на улице — мало ли кого можно встретить.

— До чего интересно, ребята,
С котелком и мешком за спиной,—

вдруг запел Мышкан и показал кому-то через стекло язык.

— Что это за песня?

— Походная туристская, музыка Дунаевского. По пению училка. В другую школу побежала. У нее школ этих — пол-

дюжины. Попоет, попоет, а денежки — в мешок. До чего интересно, ребята! Пошли! — сказал он повелительно.

И Пенкин зашагал за Мышканом по улице.

Теперь Пенкин поглядывал по сторонам — не попался бы кто по дороге.

На углу Мышкан остановился.

— Постой тут. У меня дельце есть,— сказал он и шмыгнул в магазин. Оттуда он вышел минуты через три с туго набитым портфелем.

— На, держи,— вынул он из портфеля две пустые винные бутылки и протянул их Пенкину.— Сунь в свой портфель.

— Ты что, пил? — стараясь казаться равнодушным, спросил Пенкин и даже попытался присвистнуть.

— Тю... Пил!.. Это у нас Витька Косой во дворе пьет. Тот — пьет. А я — нет! И не пил и не имею этого пристрастия. И даже терпеть этого не могу. Я не пью, а бутылки собираю. Тут бутылки зазря пропадают. А их сдавать надо.

Говоря это, Мышкан направился к окошку приемного пункта.

— Вот, дяденька, примите...

— Откуда у тебя, мальчик, бутылки?— строго спросил приемщик.

— Да папан просил сдать. С праздника еще остались.

— Праздник во-он когда был, уже новый надвигается, не врешь ли?

— Да не вру я, дядя, честное пионерское. Вот братан подтвердит. Давай, братан, твои бутылки,— обратился он к Пенкину.

— Ну, смотри!— сказал приемщик и стал считать бутылки.

— Две разбитые, две импортные, за остальные шестьдесят пять копеек.

— Разбитые обратно давайте!

— А зачем тебе?

— Пригодятся.

Мышкан пересчитал мелочь, спрятал непринятые бутылки и зашагал прочь.

— Как же ты — честное пионерское давал? — испугался Пенкин.

— А меня из пионеров... того... тю... поднаддали. Исключили меня из пионеров. Я теперь что угодно давать могу.

— А зачем бутылки разбитые унес?

— Потому что они не разбитые вовсе. Дядя их на свой счет мечтал списать. Каждый мухлюет по-своему. Я эти бутылки в другом месте сдам. Не пропадать тридцати четырем копейкам!

— А куда ты деньги деваешь?

— Кучу́! То кремовых пирожных съем, то сосиски с горошком. И на кино откладываю. Очень кино уважаю. Хочешь, будем вдвоем бутылки собирать. В долю. Доход — пополам.

Пенкин подумал, что смог бы быстро набрать до билета в Сызрань, но все-таки собирать бутылки было как-то нехорошо.

— Ты чего пугаешься? Государству от этого только прибыль,— толковал Мышкан.

В самом деле, государство от этого ничего не теряло. Государству нужны были пустые бутылки...

Пенкин и Мышкан договорились встретиться завтра у кинотеатра «Призыв», где пойдет знаменитый фильм «Верная рука — друг индейцев». На этом они расстались, и Пенкин двинул на Садово-Гончарную. По дороге, то ли ему показалось, то ли на самом деле, увидел Пенкин невдалеке Машу Шамрочку, шедшую по улице и оглядывавшуюся по сторонам. Недолго думая, он шмыгнул в подъезд. Потом, убедившись в безопасности, продолжил свой рейс.

Собрать на бутылках необходимую сумму денег можно было дня за три, за четыре. А за эти дни прибыл бы ключ из Боливии, и все бы прекрасно обошлось.

И Пенкин, довольный, поднимался по лестнице. Все складывалось не так уж и плохо. Единственное, что мучило Пенкина,— Галин дневник, который лежал в его портфеле.

Он вспомнил про Галю, про Корягина, и ему стало немножечко грустно. Тогда он представил себе Ильина и Замошину — грусти как не бывало.

Он даже запел походную туристскую, музыка Дунаевского.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Нина Григорьевна дома

Когда на следующий день Нина Григорьевна вошла в класс, все сияло как новенькое. Стены, парты, классная доска и даже подоконники были аккуратно выкрашены.

И все второе звено смотрело на Нину Григорьевну и тоже сияло, как новенькое. И весь класс казался веселым и праздничным.

— Кто же это отличился?— спросила растерявшаяся Нина Григорьевна.

— Пенкин,— поднялся со своей парты Корягин.— То есть все мы, конечно, все второе звено, но Пенкин — организовал!

Место рядом с Кудрявцевой пустовало.

— Он тут до ночи оставался,— перехватил взгляд учительницы Корягин.— Я ему разрешил на первый урок опоздать. Очень уж он утомился вчера.

Нина Григорьевна взглянула на Замошину. Та, не поднимая глаз, записывала что-то в дневник.

Утро для Пенкина складывалось на редкость удачно.

Он то появлялся, то исчезал.

Когда выяснилось, что заболела учительница по биологии и урок проведет Антон Семенович из старших классов, Пенкин немедленно появился и получил очередную пятерку. С урока рисования он исчез, но успел оставить рисунки за прошлые две недели. На одном из них было изображено яблоко в разрезе, на другом — срисованный с учебника подъемный кран.

Не только второе звено, но уже весь класс бойко отвечал на вопросы, что Пенкин «только что здесь был», «вот-вот вышел», «сейчас, через минуточку придет».

Весь шестой «В» объяснял, что это Пенкин перекрасил классную комнату, и те, кто читал, и те, кто не читал статью,— разводили руками и восклицали: «Ай да Пенкин!» Только Оля Замошина молчала и исподлобья наблюдала за Кудрявцевой.

— Чего ты злишься?— подошел к ней Корягин после геометрии, которую Пенкин пропустил.— Ну, устал человек, всю ночь красил. Не для себя же он старался, а для всех. Между прочим, и твою парту выкрасил...

— Ты мне хоть не заливай,— оборвала его Оля.

— Вот чудачка! Не веришь, что это — Пенкин?

— Он же из дому ушел!

— Ушел и вернулся.

— И не стыдно?

— Чего стыдного-то. Вот Андрей подтвердит. Миронов! Когда вы вчера с Пенкиным из школы ушли?

— Часа в два,— сообразил Миронов.

— Дай честное пионерское!— предложила Замошина.

— Не давай ей пионерского,— остановил Корягин Миронова, который уже приготовился. Назло не давай. Подумаешь — не верит. Пришла бы вчера сама, если активистка, и парты красила. Что, плохо, скажешь, выкрасили?

— Я этого не говорю.

— А не говоришь, так и помолчи.

И Оля временно замолчала.

И Нина Григорьевна, вопреки ожиданиям, не очень доискивалась — где Пенкин. Услышав пару раз, что он «только что здесь был» и «две минуты как вышел», она сказала громко, так, чтобы все слышали, что собрание откладывается до завтра, так как директора школы Ивана Петровича вызвали куда-то на совещание.

В конце уроков Кудрявцева снова собрала второе звено, а Корягин попросил остаться звеньевых первого и третьего и еще Колю Сорокина. Они совещались недолго и разошлись с решительными лицами.

Всем было удивительно, что затеянное вранье шло хотя и трудно, но довольно-таки гладко.

А дело объяснялось просто.

Еще вчера, когда Корягин сказал, что Пенкин только-только пошел к врачу и что он, Корягин, забыл передать ее просьбу, уже тогда Нина Григорьевна поняла, что в классе творится неладное. А когда вечером Корягин позвонил ей по телефону и объявил, что ничего опасного у Пенкина врачи не нашли и что завтра он придет в школу, подозрения Нины Григорьевны окрепли.

Она долго составляла опровержение для газеты. Писала, вычеркивала, придумывала снова и, наконец, переписала начисто. Получилось шесть страниц, на которых логично и точно разъяснялось, что газета допустила ошибку, что на самом деле класс шестой «В» далеко не такой идеальный и что Пенкин — один из самых плохих его учеников.

На другой день Нина Григорьевна убедилась окончательно, что никакой Пенкин не являлся ни сегодня, ни вчера и что ребята ее обманывают.

Ей стало обидно и почему-то стыдно.

Но то, что ребята сами, без подсказки, собрались и выкрасили класс, не на шутку удивило Нину Григорьевну.

Ивана Петровича вызвали на целый день в гороно, опровержение осталось в портфеле Нины Григорьевны, классное

собрание она до разговора с директором решила отложить и вообще не знала, что делать.

В учительскую в этот день Нина Григорьевна старалась не заглядывать. А когда все-таки появилась, ее осадили коллеги. Одни учителя ничего не знали об истинном положении дел и искренно радовались за школу, другие, понаслышке зная о плохом поведении Пенкина, поздравили Нину Григорьевну с тем, что он так быстро исправился и что она сумела подыскать к нему ключик.

— Я всегда говорил,— шумел добрейший Иван Львович, учитель химии,— что каждый человек — это особый состав, или, если угодно, особое соединение. Надо изучить его и добавить тот катализатор, который способен ускорить благодатную реакцию. Вот смотрите, какая ценная голова этот Пенкин! А другие? Все — разные, непохожие, и в этом все дело, и каждому потребен особый катализатор и в этом весь смысл и радость нашей работы!

А француженка Софья Карповна, не скрывая насмешки, подошла к Нине Григорьевне и спросила:

— У вас что, голубушка, знакомства в прессе?

Нина Григорьевна покраснела и еле сдержалась. Очень это показалось ей обидным.

Она шла домой и думала о том, как неудачно складывалось начало ее учительской жизни.

Дома она все рассказала маме.

Для мамы Нина Григорьевна была никакой не классный руководитель шестого «В», а просто дочка. Но и мама Нины Григорьевны, которая прожила на свете вдвое больше своей дочки, ничего не смогла ей посоветовать. Мама была ткачихой и имела дело с большими машинами. А с машинами, особенно большими, куда проще, чем с людьми, особенно маленькими.

Мама пошла на кухню подогревать обед, а Нина Григорьевна села в своей комнате к столу, вынула из портфеля пачку тетрадей и задумалась.

Шестой «В» был первым в жизни Нины Григорьевны классом. Тридцать пять маленьких людей стали за эти две четверти необходимым ее дополнением. Иногда Нине Григорьевне казалось, что это не Ира Романова и не Петя Ягодкин сидят за партой, а сама она, Нина Григорьевна, сидит и слушает учителя.

Сначала Нина Григорьевна боялась ребят своего класса. Потом переставала бояться то одного, то другого. Потом

стала различать их и многих полюбила. Потом полюбила всех без разбору. Потом поняла, что стала уважать всех этих маленьких человечков.

Их было за что уважать. И Борю Ильина — за старательность и безупречные знания, и Олю Замошину — за правдивость и честность, и Корягина — за справедливость и упорство, и Зайцева — за неутомимость, и Пенкина... Да, и Пенкина стала уважать Нина Григорьевна, за его мечты и за его неожиданные ответы по литературе, когда он был «в ударе» и мог рассказать такое, о чем и сама Нина Григорьевна не догадывалась.

Потом Нина Григорьевна стала «отходить» и замечать, что все вокруг совсем не так безоблачно, как ей казалось. И что эта «безоблачность» шла оттого, что Нина Григорьевна впервые очутилась в совершенно «всамделишной» школе и не на практике, а на самой настоящей работе, что в ее классе было целых тридцать пять совершенно живых ребят, что ей было трудно, и она мучилась, а мучиться с ребятами было самой большой радостью для Нины Григорьевны. А если отбросить все это, то не только Пенкин (а особенно, конечно, Пенкин), но и многие ребята доставляли ей огорчения.

Потом Нина Григорьевна поняла, что ее огорчают не все ее мальчики и девочки в отдельности (каждый был по-своему хорош), но весь класс вместе. Вот почему на собрании она согласилась с Пенкиным, что в классе — плохо, хотя все вокруг и считали, что — благополучно.

Тогда Нина Григорьевна встретилась с Верой Сергеевной — любимой учительницей шестого «В», когда он был еще первым, вторым, третьим, четвертым «В» — той учительницей, которая вела их с первых дней поступления в школу.

Вера Сергеевна была опытная и добрая учительница, и она отлично помнила все достоинства и недостатки своих бывших питомцев. Нина Григорьевна слушала ее и удивлялась тому, как не совпадают характеристики Веры Сергеевны с ее собственными впечатлениями. Сначала Нина Григорьевна удивилась, а потом сообразила, что Вера Сергеевна рассказывает ей совсем о других людях.

Тем было не больше десяти, а этим — скоро тринадцать. Для Веры Сергеевны они остались прежними Васями, Сенями, Танями, а на самом деле Вася, Сеня, Таня превратились уже в Василия, Семена, Татьяну. В каждом из них клокота-

ло еще не растраченное детство и в каждом уже ощущалась новая, неизведанная взрослость. Как на негативе, еще недопроявленном, еще не отмытом, нечетко перепутав свет и тени, проступал их будущий взрослый характер. Они были детьми и взрослыми сразу. И не было четких границ между юностью их и детством. Потому что это был еще и уже шестой класс.

— В общем класс хороший и, главное, дружный,— заключила, улыбаясь, свой рассказ Вера Сергеевна.

И Нина Григорьевна еще раз убедилась, что главный недостаток класса именно в том, что он недружный, что каждый в нем сам по себе. Как соединить этих разных ребят, Нина Григорьевна не знала, а было ясно — никто, кроме нее самой, не сможет им помочь. Она очень верила Ивану Петровичу, который отнесся к молодой учительнице с искренней симпатией, но знала, что не директору, а ей предстоит решить, что делать с классом.

Нине Григорьевне казалось, что в последнее время классные дела понемножку налаживались — и вдруг эта дикая история со статьей в газете, опрокинувшая все ее расчеты.

То, как повели себя ребята вчера и сегодня, было Нине Григорьевне непонятно. В то же время никогда не видела она таких горящих глаз, никогда они не были так старательны на уроке, никогда так не стремились окружить ее вниманием.

«Может быть, мне все-таки кажется? Не может быть, чтобы они все врали»,— подумала Нина Григорьевна и позвонила домой Пенкину.

К телефону подошла Софья Михайловна. Нина Григорьевна не назвала себя и сказала, что она звонит из библиотеки («Ну вот и я начинаю»,— мысленно проговорила она и почему-то улыбнулась).

Софья Михайловна ответила, что Пенкин вместе со своим классом ушел в поход и вернется не раньше понедельника.

Все стало ясно.

Нина Григорьевна вспомнила прошедшие два дня и убедилась окончательно, что история с Пенкиным — сплошной обман. Но она никак не могла забыть, как сияли парты и стены и глаза второго звена.

— А что, если притвориться, что я ничего не поняла? Что они будут делать дальше?

В Нине Григорьевне вдруг проснулась ученица шестого класса Нина Павлычева, которая принесла однажды на урок живую лягушку, перевязанную розовой ленточкой, и пустила ее прыгать по парте вечно трусившей Клары Таманцевой. С тех пор Клара Таманцева ничего больше не боялась. Правда, Нина Павлычева получила в ту четверть четверку за поведение.

Вспомнив про Таманцеву, Нина Григорьевна стала готовиться к завтрашним урокам.

— Завтра будет видно,— решила она.

Она уже вовсю проверяла тетрадки седьмого «А» класса, когда мама позвала ее к телефону.

Звонил ее ученик. Было плохо слышно, и Нина Григорьевна не узнала его по голосу, а он не назвал себя. Ему надо было срочно о чем-то поговорить с Ниной Григорьевной. Ждать до завтра не было никакой возможности, и он просил разрешения заехать к Нине Григорьевне сейчас, если она, конечно, не занята. Нина Григорьевна продиктовала свой адрес, подробно объяснила, как доехать с двумя пересадками, и стала ждать.

Он пришел через полчаса.

Отряхнул в передней ботинки от снега, аккуратно размотал шарф и повесил пальто на вешалку. Поздоровался с мамой Нины Григорьевны и, стараясь не следить, прошел в комнату Нины Григорьевны.

Он прошел в комнату так быстро, что автор, находившийся в это время неподалеку, не успел подсмотреть, кто это был.

И пока автор строил догадки, вошедший приступил к разговору.

Прежде всего, он сказал, что у Нины Григорьевны «чудесная квартирка» (по тону, которым он это произнес, ясно было, что квартира, в которой живет он сам с родителями,— не в пример лучше) и что он сразу же отыскал дом.

— Из метро шел направо, как я говорила?— спросила Нина Григорьевна.

— Нет, меня папа подвез на машине...

Гость не торопился начать деловой разговор, и Нина Григорьевна предложила выпить чаю. Гость не отказался, и они отправились в столовую.

Мама Нины Григорьевны спросила, какое варенье он предпочитает, и гость ответил, что любит всякое варенье.

Нина Григорьевна познакомила его с мамой, которую зва-

ли Валентина Степановна. Мама Валентина Степановна поставила на стол три вазочки с вишневым без косточек, вишневым с косточками и яблочным вареньем, и все стали пить чай.

Гость пил маленькими, аккуратными глотками, не клал локтей на стол, не причмокивал губами.

— Очень хорошее варенье, это вы сами варили?— спросил он у мамы Нины Григорьевны.

— Конечно, сама. Разве дочка когда-нибудь поможет!— пожаловалась Валентина Степановна.

Гость вежливо засмеялся, и как только Валентина Степановна вышла из комнаты, приступил, наконец, к делу.

Он объяснил Нине Григорьевне, что решился прийти к ней не без некоторого колебания. Но счел своим долгом поступить именно так. Он рассказал о том, что история с приходом Пенкина в школу и его отличными отметками есть чистейшей воды выдумка. Что за Пенкина отвечают на уроках другие ребята и что он сам принимает участие в обмане. Что вся эта затея противоречит его убеждениям и именно поэтому он решил рассказать все откровенно Нине Григорьевне, чтобы и ее не ставить в ложное положение.

— Конечно, и у нас могут быть из-за этого неприятности,— добавил он очень серьезно.

— А кто же красил класс?— спросила Нина Григорьевна.

— Второе звено под управлением Кудрявцевой. Пенкин тут совершенно ни при чем.

— А ты говорил ребятам, что это — нехорошо?

— Конечно, говорил. Но они меня не послушались. Вот почему я и решил прийти к вам.

— Почему же ты не мог этого сказать мне сегодня в школе?

Тут он немножко замялся, а потом объяснил, что не нашел ее в учительской — она рано ушла. Это было правдой — Нина Григорьевна ушла рано.

— Ну вот и все,— сказал он, отставив пустую чашку, так что трудно было определить, к чему относились слова — к чаю или к его рассказу.— Вы считаете, что я поступил правильно, рассказав вам правду?

Чувствовалось, что сам он ни чуточки не сомневался, что поступает правильно и спрашивает так, для порядка.

— Конечно, правильно.

Он поблагодарил за чай, извинился и пошел одеваться.

— Я думаю, не стоит говорить ребятам, что это я рассказал вам...— сказал он, заматывая вокруг шеи шарф.

— А почему?

— Это может поставить меня, да и вас, пожалуй, в ложное положение,— ответил он, подумав.

Он все говорил веско, обдуманно, точно. И во всем был прав. Он показался Нине Григорьевне очень взрослым, страшно взрослым, гораздо взрослее ее самой.

Гость попрощался сперва с Валентиной Степановной, потом поклонился Нине Григорьевне, приветливо улыбнулся и вышел на лестницу.

— Какой воспитанный мальчик!— сказала Валентина Степановна.

— Да, очень,— откликнулась дочка.

Он поступил правильно.

И пионерка Нина Паьлычева была неправа, когда принесла на урок лягушку, перевязанную розовой ленточкой.

Это не дело — носить в класс лягушек. Но Нина Григорьевна почему-то расстроилась. После его прихода уже нельзя было притворяться, что ей ничего неизвестно. Теперь Нине Григорьевне следовало действовать. Быстро и решительно.

Между тем автор был очень растерян — ему так и не удалось узнать, кто именно приходил в шестую главу его повести. А допытываться об этом у Нины Григорьевны не решился — она и без того была расстроена.

Долго не мог в ту ночь уснуть автор. Он перебирал в голове имена всех учеников шестого «В» и...

И, боясь навлечь на кого-нибудь из своих героев напрасные подозрения, автор не нашел ничего лучшего, как прервать свой рассказ и написать здесь поэтому —

Конец второй части

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Здесь вы поймете, ради чего автор писал,
а вы читали о Пенкине, 6 «В» классе,
учительнице Нине Григорьевне, старичке Мироне Сергеевиче
и других героях повести, которой приходит конец.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Обратный адрес

Первым делом Нина Григорьевна пошла на следующее утро к директору.

Ивана Петровича еще не было, а секретарша вручила Нине Григорьевне два письма и одну открытку.

Письмо было адресовано шестому «В» классу, открытка — лично Пенкину.

Нина Григорьевна пробежала глазами открытку.

«Дорогой Геннадий... как тебе удалось... Я тоже... не получается... предлагаю дружить...

Фима Косенкин, ученик шестого класса сто восьмой школы».

Такого поворота событий Нина Григорьевна не ожидала. Положение осложнялось еще больше. Дело было не в Фиме Косенкине, а в том, что такие письма могли поступать и впредь.

В шестом «В» шел урок геометрии. Пенкин, как почему-то и думала Нина Григорьевна, заболел. Кажется, гриппом. Это сказал Корягин, но тридцать три пары глаз, в том числе

и глаза Оли Замошиной, жалостно смотрели на Нину Григорьевну. То ли жалели заболевшего гриппом Пенкина, то ли умоляли Нину Григорьевну им поверить. Только Боря Ильин смотрел в окно.

Нина Григорьевна помолчала, подумала и... кажется, поверила.

А потом пошла к директору.

О чем они говорили с Иваном Петровичем — неизвестно, но Нина Григорьевна вышла из кабинета решительная и даже повеселевшая.

На переменке она пришла в свой класс и показала ребятам письма.

— Вот тебе и раз,— сказал Зайцев.— А врач... это... запретил Пенкину...

— Что он запретил?

— Вообще... волноваться... А он увидит письмо, станет писать ответы, вообще разволнуется... Температура у него ка-ак скакнет!

И все снова жалостно посмотрели на Нину Григорьевну, только Ильин смотрел внимательно и чуть насмешливо.

— А вы пока не говорите Пенкину,— предложила классная руководительница,— пока он... болеет. Можете за него ответить... Все вместе. Так и напишите — Пенкин заболел, и мы отвечаем вместо него. Да тут письма и не Пенкину адресованы, а шестому «В» классу. Вы и ответите!

— Вот это толково!— прищелкнул языком Щукин.

Нина Григорьевна направилась было к двери, но потом вернулась.

— Только вы Пенкина уж навещайте, пожалуйста. Писем можете ему не показывать, а навещать — обязательно. Когда человек болен, ему очень нужно внимание. А то ведь вы можете бросить в беде человека! Я уж знаю вас! Выделите дежурных, пусть ходят к нему домой, объясняют уроки.

— Это вы не беспокойтесь, Нина Григорьевна. Это мы выделим,— сказал заметно оживившийся Корягин.

Все шло своим чередом.

Между Англией и Францией началась жестокая война, получившая впоследствии название столетней, Марью Кирилловну Троекурову насильно обвенчали с ненавистным ей князем Верейским, а знаменитый французский ученый Паскаль обнаружил, что давление, производимое на жидкость, содержащуюся в замкнутом сосуде, передается жидкостью по всем направлениям без изменения величины.

Каждый учебный день в шестом «В» начинался отрядной линейкой. Под звуки горна и барабана выстраивался шестой «В» в две шеренги у классной доски. Щукин оказался мировым горнистом — не зря его учили в районном Доме пионеров. Медные, звенящие звуки горна далеко разносились по всем коридорам и классам шестидесятой школы, стряхивая остатки сна, усталости и скуки.

Петя Ягодкин изо всех сил бил по барабану. Не так музыкально, как Щукин, но зато очень громко. А звеньевые отдавали рапорта командиру отряда. И даже Костя Сорокин, казалось, не так сильно заикался, докладывая вожатому, что отряд на линейку построен.

Все шло как по писаному, а Пенкин... не появлялся!

Каждый день дежурные по классу докладывали Нине Григорьевне о состоянии его здоровья. Сводки были мало утешительны.

Болезнь Пенкина совершала головоломные скачки. То, казалось, наступало заметное улучшение, и можно было ожидать полного выздоровления. Но на следующий день температура вновь подскакивала и лишала всяких надежд на скорое появление Пенкина в родном классе.

Но, несмотря на такое тревожное и даже опасное состояние здоровья, Пенкин выполнял почти все домашние задания и присылал их в школу с дежурным. Особенно хорошо получались у больного Пенкина контурные карты, рисунки и графики. Неплохо выходили у него и цифровые задания. Хуже обстояло с буквенными — лежа Пенкин мог писать только крупно и по-печатному,— болезнь изменила его почерк до неузнаваемости. Однако грамматических ошибок при этом он не допускал.

Между тем в шестом «В» классе происходили диковинные события.

В четверг все, без исключения, вышли на лыжную прогулку, чего не наблюдалось в школе уже несколько лет. Сбор макулатуры шестым «В» превысил среднегодовой сбор макулатуры всеми шестыми классами, вместе взятыми.

На очередном уроке географии Андрюша Миронов, на которого все давно уже махнули рукой, получил четверку за ландшафт Польши, за что папа наградил его часами «Юность», а Кира Прудков, который был постоянно в курсе всех спортивных достижений, первый раз в жизни перепрыгнул через козла на уроке физкультуры.

Учительница по пению Евгения Кирилловна, всегда недо-

вольная музыкальными способностями шестого «В», вдруг заявила, что «если они захотят — то могут спеться».

Взялась за дело санитарная комиссия, о которой уже давно позабыли. Гусарова, Шукин и Царькова довели класс до такой чистоты, что внизу, в общем графике санитарного состояния школы, шестому «В» проставляли пятерку за пятеркой.

Редколлегия выпустила стенную газету и повесила ее на стену. Наконец, дошло до того, что по предложению Нины Григорьевны все решили в ближайшее воскресенье ехать за город, а эту поездку не могли организовать с начала года!

Только одно обстоятельство смущало руководство класса — нараставший с каждым днем поток писем к Пенкину.

Оля Замошина завела общую тетрадь, в которую заносила всех, с кем переписывался класс.

Первые два дня приходили местные письма, потом стали поступать из других городов. К концу недели установилась устойчивая связь с отдаленными областями и труднодоступными районами.

Вот-вот могла наступить катастрофа!

Каждый день после уроков оставались отвечать на письма. Корягин составил расписание — звенья сменяли одно другое. Потом одного звена оказалось мало — класс разбили на две половинки, по полтора звена в каждой.

Нина Григорьевна сначала проверяла то, что писали ребята, а потом решила не проверять.

— В конце концов — это ваша переписка, а вы уже достаточно взрослые.

Нина Григорьевна отвечала только на самые сложные и серьезные вопросы. Например, о том, можно ли перевестись в шестой «В» класс шестидесятой школы (об этом многие спрашивали), или о том, можно ли дружить мальчику с девочкой.

На эти вопросы сами ребята не знали точного ответа. Правда, Щукин попытался чего-то сострить на последнюю тему и отослать свою остроту на Алтай. Но Корягин вовремя пресек эту попытку, отобрал у Щукина письмо и отстранил Щукина от писаний писем вообще. Шукин протестовал, жаловался Замошиной, но Корягин настоял на своем. И теперь Щукина отпускали домой. Он не уходил, а торчал в классе, дожидался ребят. Дожидаться ему не запретили.

Однажды, когда очередные полкласса отвечали на письма, слонявшийся без дела Щукин спросил:

— Интересно, где сейчас обретается лично Пенкин, а?

Хотя никто не ответил, хотя все были заняты письмами, похоже было, все думают об этом.

— Четыре часа тридцать шесть минут,— объявил Миронов, который никак не мог оторваться от своих новеньких часов «Юность». И в этот момент дверь класса тихонько стала приотворяться.

Все, как по команде, обернулись в сторону двери, словно были уверены, что это — Пенкин или в крайнем случае дух Пенкина. Но это был не Пенкин и не его дух, а незнакомый молодой человек с оттопыренными ушами, в очках, остроносый, с двумя пачками, завернутыми в газетную бумагу, под мышкой.

Незнакомого человека узнали Замошина и Корягин. Они переглянулись.

— Здравствуйте,— сказал молодой человек.— Я — Светлицын.

Теперь почти все поняли, в чем дело.

Светлицын ожидал, наверно, оваций. А не дождавшись, снял очки, протер их и взгромоздил на учительский стол свои пакеты.

Ничуть не удивившись, что стены и парты покрашены в разные цвета, ничуть не обрадовавшись, что на одной из стен висит свеженький номер стенной газеты, он повторил:

— Ну, здравствуйте, шестой «В»!

— Ну, здравствуйте,— не очень дружно ответили ребята.

— Что же это — никто из вас в редакцию не зашел? И не позвонил...

Тут ребята заволновались — не узнал ли Светлицын о своей ошибке. Но тут же все успокоились, поскольку Светлицын сказал:

— Со всех сторон в редакцию идут письма, а от самого Пенкина — ни слуху ни духу.

— Пенкин болен!— радостно заявил Ягодкин.— Тяжелая форма гриппа.

— Вот оно что...— огорчился Светлицын.— А вот ему письма,— кивнул он на две огромные пачки.

— На письма мы отвечаем сами. А то Пенкин не успевает.

— Понятно,— сказал Светлицын и вдруг улыбнулся и пошевелил ушами от удовольствия.— Знаете, ребята, ни на одну мою статью не было еще столько откликов. Честно вам скажу!— говорил он, разворачивая пакеты. Из скромности

он не помянул о том, как хвалили его на газетной летучке, как сам Пахом Пахомыч сказал: «Плохое всякий заметит, а увидеть хорошее — гораздо труднее», и как Костя Костин заиграл своими желваками — обо всем об этом Светлицын и не помянул, а просто сказал:

— Одним словом, статья получилась.

Ребята не стали с ним спорить, а стали разбирать письма.

Одно было с Камчатки, два — из Алма-Аты, четыре — с Урала и много-много из Москвы.

— Ого! — обрадовался Фигурный Пряник. Он не очень любил отвечать на письма, но ему страшно нравилось их читать. Он прочитывал их целиком вместе с обратным адресом и почтовым штемпелем.

А Миронов, который никак не мог успокоиться после своей четверки по географии, предложил вывесить в классе большую географическую карту Советского Союза, на которой звездочкой обозначать города, с которыми шестой «В» состоит в переписке.

Толя Зайцев тут же взялся электрифицировать такую карту, чтобы звездочки когда нужно загорались.

Но тут выяснилось, что если вывешивать карту, то это должна быть карта всего полушария, потому что Светлицын вынул из кармана письмо из города Пловдива, от пионеров Болгарии.

Пионеры Болгарии просили выслать фотокарточку Пенкина для их пионерской комнаты и предлагали дружить и переписываться с шестым классом «В».

Светлицын предложил ответить через газету.

Но тут все до того дружно запротестовали, что Светлицын взял назад свое предложение и даже, кажется, чуть-чуть обиделся.

Он думал, наверно, что его не так встретят.

Он ожидал, наверно, что ему будут аплодировать за его статью и за эти письма.

А встретили его довольно-таки хмуро.

А вообще-то ему даже повезло, что его так встретили. Могли бы встретить и похуже.

Он ведь не знал, чего стоила шестому «В» его статья в газете!

Светлицын расстроился, оставил на столе письма, попрощался и ушел.

Конечно, шестой «В» оказался таким точно, как он и

написал о нем — очень хорошим, передовым классом, с партами, выкрашенными в разные цвета, со свежей стенгазетой, с отличной успеваемостью, все было так, как он написал, и все-таки ребята шестого «В» его разочаровали.

«Жаль, Пенкина не было. Пенкин — это, конечно, душа класса».

Так думал Светлицын, шагая домой в то время, когда над шестым «В» блистали молнии и грохотал гром.

Гроза, наконец, разразилась.

— Ну, так вот что,— сказала Оля Замошина, едва Светлицын скрылся за дверью.— Я заявляю категорически — надо кончать с этим делом! Я молчала и честно исполняла все, что мне поручали. Для меня воля отрядного большинства — закон. Пионер не имеет права нарушить волю своего отряда. Пусть он сам будет даже против. Я пересмотрела все уставы, все правила юных пионеров и подчинилась воле отряда. Но поймите, так больше продолжаться не может! Дело принимает международный оборот! Как мы посмотрим в лицо пионерам Европы? На нас равняются другие страны! На наш класс! А мы...

— А что плохого?— вяло огрызнулся Корягин.— Класс вышел на первое место...

— По вранью,— добавил Щукин.

— Перестань острить!— одернула его Кудрявцева. Она сидела и писала, но было видно, что и она держится из последних сил.

— Словом, предупреждаю — в понедельник я заявляю обо всем Нине Григорьевне. И на совете дружины,— продолжала Оля.— И пусть делают, что полагается в таких случаях!

— В армии такое дело, знаете, как называется?— спросил Андреев.— Мне брат рассказывал — в армии такое дело называется ЧП. Подразделение расформировать могут за такое дело в армии!

— Ну и правильно. И пусть нас расформируют, если мы дошли до такого!

— И тебе не жалко!— тихо и грустно заговорил Корягин.— Ведь никогда еще у нас так не было — вот сидим мы все вместе, и цель у нас общая, и один у всех интерес...

— Как бы половчее соврать,— вставил Щукин.

— Дурак!— окрысилась Кудрявцева.

— Главное, что Пенкину мы этим только вред приносим,— запричитала Шамрочка.— Кто знает, где он? Мы же

его никак разыскать не можем. Это же факт! Может быть, он давно под трамвай попал? Или под автобус!

— Не попал ни под трамвай, ни под автобус, ни под машину,— вдруг спокойно сказала Кудрявцева.

— А ты почему знаешь? — заинтересовался Прудков.

— Я была в милиции. Наводила справки. Ни в какую катастрофу Пенкин не попадал.

Прудков ехидно улыбнулся.

— Значит, в другой город уехал,— вздохнула Шамрочка.

— Пять часов сорок пять минут,— сообщил Андрюша Миронов.

Все так закричали на него, как будто он один, Миронов, со своими новенькими часами «Юность» и был виноват во всех несчастьях шестого «В» класса.

— Давайте, ребята, это дело кончать,—когда все вдоволь накричались, снова предложила Оля.

Обычно Оле все дружно возражали. Теперь же если и возражали — то вяло, невсерьез. Все понимали, что дело зашло слишком далеко и конца ему не видно. И второе звено тоже понимало. Надо было все рассказать Нине Григорьевне!

Встала Кудрявцева и обратилась к своему звену:

— Давайте ставить на голосование. Кто за то, чтобы в понедельник рассказать Нине Григорьевне.

Руки поднялись.

— А ты чего, Ильин?

— Я — воздерживаюсь.

Только Корягин и Кудрявцева голосовали против.

— Ну вот и все, доострились,— мрачно сказал Зайцев.— Подсчитали — прослезились.

— А что делать с письмами? — спросил Ягодкин.

— Оставить до понедельника,— предложил Зайцев.

— Шесть часов ровно,— не удержался Миронов.

Но никто не обратил на него внимания. Не до того было. Мрачные расходились ребята, и даже то, что сегодня и завтра не надо было готовить уроки,— никого не радовало.

— Так было хорошо, так интересно,— вдруг ни с того ни с сего сказал проштрафившийся Щукин.

— Все хорошее надо сохранить...— завелась было Оля.

Но ее никто не слушал.

— Ладно, помолчи! — сказал Корягин.

Так все молча и разошлись по домам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Примерно лет восемьсот назад

«...Уже целую неделю жил Генрих в хижине гостеприимного Миронэ. Миронэ состоял некогда на государственной службе в почтовом ведомстве, но теперь, по старости, оставил ее и поселился в уединении вместе со старой и верной своей спутницей и женой Бертой. Они-то и предложили гонимому судьбою и людьми Генриху кров и сытную пищу. Но не в правилах благородного Генриха злоупотреблять гостеприимством, пусть и искренним!

План его был прост. В провинции Сызранэ на реке Волье жил дядя Генриха — простодушный рыбак. К нему-то и задумал направить свои стопы племянник, дабы там поступить в колледж и продолжить свое образование.

Для того, чтобы осуществить этот дерзкий план, потребны были добрые лошади, хорошая экипировка, надежное оружие. Увы, следовало добыть денег. Но где и как?

По счастью, в то самое время, о котором ведем мы речь, появились у бедного Генриха верные друзья.

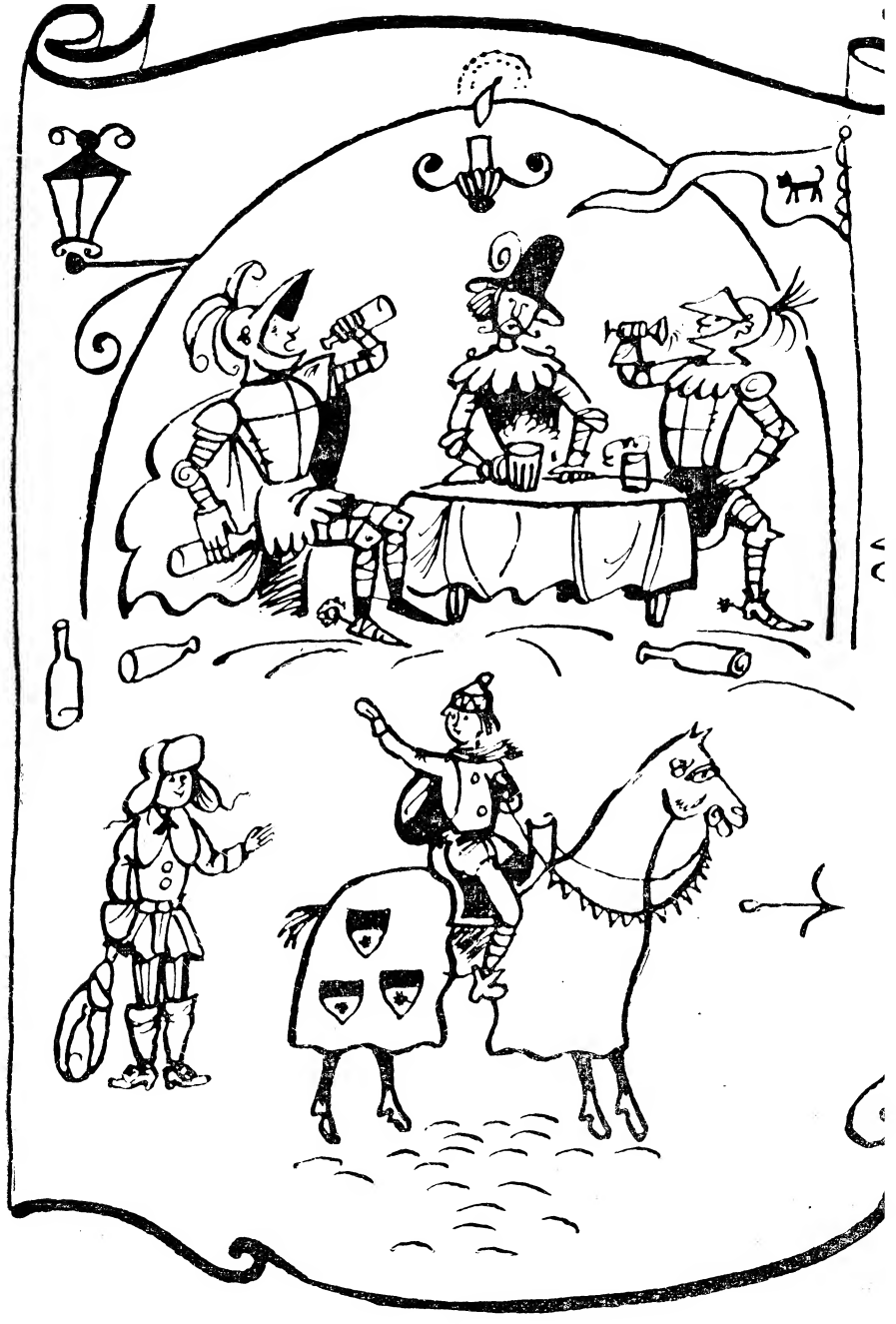
Это были смельчаки, которые так же, как и он, перестали посещать свои колледжи вследствие различных неурядиц.

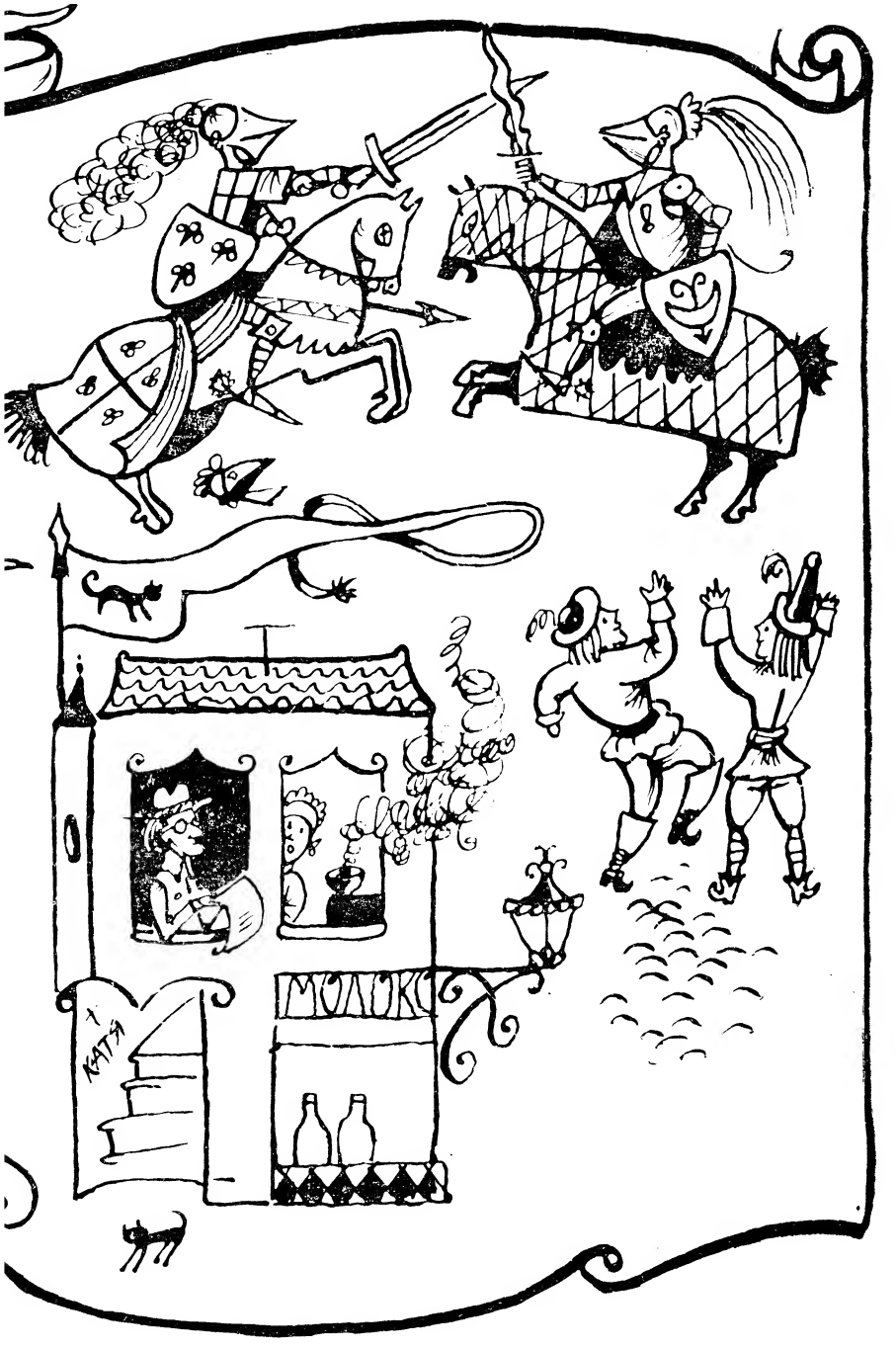
Обычно, они собирались все вместе ранним утром и отправлялись в ближайшие залы, где демонстрировались рыцарские дневные турниры. Нередко они смотрели подряд два, а то и три (тут зачеркнуто какое-то слово) турнира. А потом, собравшись у большого каштана в городском парке, делились впечатлениями, рассказывали друг другу о том, что видели или читали.

Маленький смельчак, по прозванию «Червявенький», чаще всего пересказывал книги о глубокой древности, Генрих вел повествования о современной жизни, которую впоследствии люди прозвали «средними веками», а Жан Петро, по прозвищу «Двуглазый», предавался научной фантастике.

Он рассказывал о диковинном времени, когда на улицах будут звякать трамваи, а под землей мчаться поезда. Трамваями назовут повозки без лошадей, а подземные поезда окрестят кличкой «метро», и понесутся они еще побыстрее трамваев. В воздухе будут летать большие птицы из стали, внутри которых усядутся люди будущего.

Это будет, наверно, удивительное время, но еще интерес-




МОЛОКО

нее казалась смельчакам эпоха, о которой имел обыкновение рассказывать один из них, по прозвищу «Мышкан». Он рассказывал про войны, в которых отважно сражались красные с белыми, советские с фашистами. Это были справедливые и славные войны с буржуями, и в них побеждали смелые, сильные и справедливые люди. Счастливые времена, когда отважные люди дружны и могучи!

Неужели теперь времена не такие?

Дни шли за днями в рыцарских турнирах и занимательных рассказах.

Время шло, и Генрих все больше подумывал об отъезде.

Ближе всех из кружка смельчаков сошелся он с верным и сообразительным Мышканом. Мышкан и подсказал ему хитроумный способ — как добыть денег.

Некоторые рыцари, вдоволь напившись вина в трактирах или в винных лавках, бросали те сосуды, в которые было оно заключено. Между тем сосуды эти могли быть отданы любому трактирщику за небольшое вознаграждение.

Таким способом можно было в несколько дней скопить средства, необходимые Генриху для его путешествия.

Мышкан помог Генриху, и в полторы-две недели удалось скопить состояние, потребное для покупки билета (слово «билета» вычеркнуто), коня, снаряжения и продовольствия в дорогу. Недоставало каких-нибудь шести-семи фартингов, и верный Мышкан протянул их Генриху, сказав: «Отдашь как-нибудь!»

Генрих горячо поблагодарил его.

К концу недели все было готово к отъезду.

Не без печали готовился Генрих покинуть хижину гостеприимных Миронэ, которые о нем так пеклись!

Но неотложные дела звали его в дорогу.

Наступил день, накануне отъезда. С утра Генрих решил проститься с городом, где он родился, жил, с тем городом, который он покидал навсегда.

Снег застыл маленькими серебряными искорками на деревьях, вытянувшихся вдоль городских улиц. Снег сердито поскрипывал под ногами.

Он был сердитым и жестким. А ведь так недавно он был добрым и пушистым, и из него получались отличные снежки!..

Генрих шел и шел, как вдруг чуть не попался в ловушку. На другой стороне улицы он заметил одного из своих бывших соучеников по шестидесятому колледжу. Ну да, это был

проворный Андрэ. К счастью, Андрэ взглянул в этот момент на циферблат своих часов и Генрих успел укрыться за выступом соседнего дома. Андрэ, никого не обнаружив, преследовал дальше, а Генрих невольно вспомнил про колледж.

Он вспомнил, как, полный самых радужных надежд, переступил он его порог всего полгода назад, как пытался завязать дружеские отношения со многими своими сотоварищами. И как жестоко те его отвергли!

И Генрих не жалел, что прощается с ними! Только одно обстоятельство тревожило его. У него по случайности оказался дневник той самой Гэлл, в которую, как может быть помнит благосклонный читатель (даже сам себе Генрих не признавался в этом), был он тайно влюблен.

О, ему казалось, что Гэлл больше, чем другие, понимала его! Иногда, пусть в редкие минуты, он ловил ее взгляд, направленный на него. И в этом взгляде мелькали грусть и участие.

Да, она была прекрасна! И теперь, покидая навсегда родной район, Генрих невольно думал о ней, только о ней, о ней одной.

«Что же делать с дневником?» — думал он и на всякий случай еще вчера положил дневник на письменный стол на самое видное место, как память о той, которую он (не признаваясь себе в этом) тайно и нежно любил.

— Ну, вот и все,— мысленно воскликнул Генрих, глядя на свой дорожный мешок.— Завтра — в путь!

Как только он устроится на новом месте, мыслил он, то обязательно пришлет с нарочным или с оказией пакет своим родителям. Там он откровенно расскажет все, дабы они не тревожились из-за его таинственного и внезапного исчезновения...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чужой дневник

В пятницу Геннадий сообщил Мирону Сергеевичу, что отец вызывает его в Боливию, куда он и отправится в воскресенье. На предложение Мирона Сергеевича проводить его Геннадий ответил вежливым, но решительным отказом. Провожать Геннадия намерен был, по его словам, друг детства.

Друг детства появился в квартире на следующий день.

Друг детства не понравился Мирону Сергеевичу.

Даже не поздоровавшись, он прошел в комнату Пенкина и очень долго о чем-то шептался с ним. Потом они вдвоем складывали вещи. Друг детства принес Пенкину припасы, необходимые в дороге,— бутылку томатного сока, галеты «Здоровье» и пачку папирос «Беломорканал» московской фабрики «Ява».

Уложив вещи, они еще немножко пошептались, и друг детства собрался уходить. Он категорически отверг приглашение к обеду. Сухо поклонившись хозяевам дома, друг детства исчез.

А Пенкин, пообедав и поговорив немного о флоре и фауне Боливии, вышел попрощаться с городом (см. предыдущую главу). Тут-то и охватило Мирона Сергеевича безотчетное беспокойство.

Он уже с четверга почуял неладное.

В четверг утром, как обычно, внимательно читая газеты, Мирон Сергеевич обнаружил сообщение о том, что, по случаю национального праздника Боливии, посол СССР посетил резиденцию президента страны.

Фамилия посла была не Арчибасов, а фамилия Геннадия была Арчибасов!

Можно было предположить, что Арчибасов — это фамилия матери Геннадия, хотя матери у него, по его рассказам, давно не было.

Можно было предположить, что Арчибасов не сын посла, а, скажем, сын помощника посла, но, идя дальше по этому пути, можно было предположить также, что он не имел вообще никакого отношения к посольству в Боливии!

И перебирая в памяти дни пребывания Пенкина в доме, Мирон Сергеевич выискивал в его поведении множество странностей, прежде как-то не бросавшихся в глаза.

То, что Пенкин за обедом, разрезав мясо, потом перекидывал вилку из левой руки обратно в правую, могло свидетельствовать о том, что он не принадлежит к дипломатической семье. То, что Пенкин избегал разговоров на школьные темы, невольно настраивало на мысль о том, что он не учился в школе!

Не располагал к себе и друг детства Пенкина, который вел себя не то чтобы нахально, но очень уж независимо.

Что-то подозрительное стал находить Мирон Сергеевич в этой истории. Конечно, он далек был от мысли, что Пенкин злоумышленник. Ему нравился этот парень с вихрастыми

волосами, беспокойными глазками и остренькой мордочкой.

Мирон Сергеевич почувствовал, что Пенкин скрывает от него какую-то неприятную, тягостную историю.

Но какую?

На всякий случай Мирон Сергеевич решил не делиться своим открытием с Бертой Павловной.

Она готовила на кухне знаменитый пирог своего собственного производства, который Пенкин должен был обязательно отвезти отцу в Боливию. Еще ни один гостивший в ее доме человек не уезжал без пирога!

Она готовила на кухне пирог, и Мирон Сергеевич ни словом не обмолвился о своих подозрениях. Берта Павловна могла все переиначить по-своему и заподозрить совсем не то, тем более что ей тоже не понравился приятель Пенкина, которого звали «Мышкан».

Мирон Сергеевич ничего не рассказал Берте Павловне, но сам он думал и думал о Пенкине. А когда он думал, то обязательно расхаживал по квартире. Сначала он расхаживал по своей комнате. Потом он стал ходить из комнаты в комнату и, расхаживая из комнаты в комнату, он время от времени попадал и в комнату Пенкина. А расхаживая по комнате Пенкина, он дошел до стола. А дойдя до стола, увидел лежащий на самом видном месте школьный дневник.

Сначала он не обратил внимания на этот дневник потому, что это была чужая вещь.

— Мирон, почему ты ходишь? — спросила Берта Павловна из кухни.

— Я хожу потому, что я думаю.

И он продолжал ходить себе и ходить. И когда он четвертый раз проходил мимо дневника Пенкина, он вдруг надел очки. И когда он надел очки, то увидел, что это дневник — не просто чужая вещь, но такая чужая вещь, которая даже неизвестно кому принадлежит.

На обложке дневника фиолетовым по зеленому было написано:

«Дневник ученицы 6-го «В» класса 60-й школы Кудрявцевой Галины».

Мирон Сергеевич так удивился, что перестал ходить. Он перестал ходить и стал смотреть на этот злосчастный дневник, потом он осторожно приоткрыл дневник и увидел на первой странице список учителей.

— Мирон, почему ты перестал ходить? — послышалось с кухни.

И Мирон Сергеевич, чтобы не навлекать подозрений, стал ходить с дневником в руках.

В конце концов он обязан был вмешаться в эту историю! И возможно скорее! Мальчик уезжал завтра! Он уезжал в Боливию, а это страшно далеко! И хорошо, если у тебя в Боливии есть отец. Но если в Боливии ты окажешься один среди Боливии, то это не то место, куда можно со спокойной душой отпустить ученика шестого класса!

И Мирону Сергеевичу страшно захотелось предупредить кого-нибудь из друзей Пенкина. Нет, не этого «друга детства», а кого-нибудь из его школы, которая, как было теперь ясно из дневника,— называлась шестидесятой школой Старопролетарского района.

Может быть, пойти в эту школу?

А может быть, надо позвонить одному из учителей? А может быть...

Тут Мирон Сергеевич снова остановился.

На второй странице дневника было написано:

«Кудрявцева Галина Борисовна, улица Рылеева, дом 30, квартира 3, телефон 5-69-30»..

— Мирон, присмотри, пожалуйста, за духовкой, я спущусь к Антонине Петровне одолжить немного сахарной пудры,— сказала Берта Павловна из коридора.

Мирон Сергеевич никогда еще с такой охотой не соглашался присмотреть за духовкой. Он действительно отправился на кухню, но как только захлопнулась дверь за Бертой Павловной, Мирон Сергеевич прокрался к телефону и медленно, чтобы не сбиться, набрал номер 5-69-30. Послышались длинные гудки и потом мелодичный женский голос ответил:

— Да!

— Простите меня великодушно,— сказал Мирон Сергеевич,— но не могли ли вы подозвать к телефону Галину Борисовну?

— Вы не туда попали,— ответил голос, но через секунду переспросил: — Кого, кого?

— Галину Борисовну Кудрявцеву.

Тогда женский голос в трубке раскатисто рассмеялся и переспросил:

— Галину Борисовну? Сейчас.

«Галина! Тебя!» — услышал Мирон Сергеевич.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Галина и Галка

Самой красивой девочкой в классе уже много лет считалась Лиля Валевская. Так считали все учителя, все родители, в том числе и мама-Валевская — певица эстрадного ансамбля. И Лиля сама знала это.

Уже со второго класса на Лилю нацеплялись такие огромные, пышные, воздушные банты, что, казалось, еще совсем немного, и Лиля вспорхнет и улетит, оторвавшись от своей парты, высоко-высоко. Но Лиля не улетела. Напрасно она, когда не знала урока, закатывала глаза и встряхивала бантами — все равно больше тройки она в таких случаях не получала. Лиля не дружила с мальчишками, считая, что они противные и грубые.

А Галю Кудрявцеву до шестого класса никто и за девчонку не считал. Она еще до школы играла во дворе с ребятами и в войну, и в лапту, и в космонавтов. В школе Галя не стала стопроцентной отличницей, но училась всегда хорошо, троек получала мало. Галя стриглась под мальчишку, бантиков никогда никаких не носила, на школьные утренники и в культпоходы одевалась так, как будто ника-

кого внимания на платья не обращала. А выглядела славно.

Галя жила вдвоем с мамой. Папы у них не было. Галина мама была страшно безалаберная. Она так и говорила про себя — «я — безалаберная».

Она могла вдруг, получив зарплату, пойти и накупить самых разных вещей — гранат и апельсинов, и самых разных соков в банках, и разных шампуней, и торшер с тремя абажурами или люстру — огромный белый шар, или мохнатый шарф Гале, хотя у Гали разваливались ботинки и она давно просила купить ей новые. Но деньги были уже истрачены на шарф, а Галя отправлялась в обувную мастерскую и десятый раз чинила свои ботинки. Но шарф был действительно очень красивый.

И когда растерянная Галина мама одалживала у знакомых деньги, чтобы дотянуть до получки, Галя ее всегда успокаивала и говорила: «Зато у нас такой отличный абажур!»

Жили они с мамой дружно, как две подруги. Мама звала дочку Галиной. Галя называла маму Галкой.

Они жили дружно и помогали друг другу. Не все ладилось в Галкиной жизни. Она говорила, что наделала столько ошибок, что любой другой хватило бы половины. И она очень хотела, чтобы дочка их избежала.

Галка была иногда очень веселая. Тогда они отправлялись обе, Галина и Галка, гулять по городу, заходили в магазины (Галка обожала ходить по магазинам), ели жареные пирожки, пончики и мороженое, пили воду с сиропом (Галка брала с двойным, Галина с одинарным), ходили в кино и мечтали, как будут жить, когда Галка будет уже старенькая, а Галина — взрослая.

Соседи не одобряли легкомыслия Галининой Галки, считали, что она ведет себя несерьезно и что при ее внешних данных можно было бы вполне еще раз выскочить замуж, а она вместо этого зря теряет золотое время.

Соседи, кроме того, терпеть не могли кошек, а кошек у Галки с Галиной было, как известно, четверо — степенный, пузатый Хмурик — всеобщий любимец, черный мудрый кот Патинава, зануда Лизка и Огонечкина, прозванная так в честь Галкиной приятельницы — дамского мастера из парикмахерской номер четырнадцать. Галка все время меняла специальности — она была и машинисткой в конторе, и официанткой в кафе, и дежурной по этажу в гостинице, и

кассиршей в Аэрофлоте, а теперь училась на курсах «Интуриста».

— Сумасшедшая! — говорили о ней соседи и некоторые ее подруги по прежним местам работы.

Но Галка и Галина не слушали, что говорят кругом, жили ладно, страшно любили своих кошек и друг дружку.

Галя уже и не помнила, что ее маму зовут не Галкой вовсе, а Галиной Семеновной, а Галка думать не думала, что ее Галину скоро назовут Галиной Борисовной. Поэтому она и не поняла Мирона Сергеевича и хотела даже повесить трубку, но потом засмеялась и позвала Галину Борисовну к телефону.

Сначала Галина Борисовна мало что понимала, потом, поняв, закричала не своим голосом, а потом уже своим голосом стала подробно и основательно выспрашивать — что, как и почему. Получалось, что Мирон Сергеевич позвонил как раз вовремя, потому что именно завтра Пенкин (то, что его фамилия оказалась Арчибасов, ничуть не удивило Кудрявцеву) собирался уехать в Боливию. Действовать надо было немедленно. Галя записала на стенке телефон Мирона Сергеевича и хотела уже узнать адрес, как вдруг Мирон Сергеевич вскрикнул, извинился и объяснил, что у него что-то сгорело на кухне.

Галя вернулась в комнату очень встревоженная. Галка, которая сидела вместе с Патинавой за столом и повторяла на разные лады английские предложения, оторвалась от своего учебника и посмотрела на Галину. И Патинава на нее посмотрел, и зануда Лизка, которая сидела на подоконнике.

Но расспрашивать ее никто не стал — ни Патинава, ни Лизка, ни Галка. Так уж заведено было в доме — если человек сам не говорит, его не расспрашивают. Мало ли что случилось с человеком — может быть, у человека секрет!

Все занялись своими делами. Галка учила английский, Патинава ее внимательно слушал, Лизка умывалась, поглядывая в окно, а Галина ходила из угла в угол по комнате. Через час она покормила кошек и пошла звонить по телефону. Ей повезло: Пенкин снял трубку.

— Это говорит Кудрявцева. Здравствуй, — сказала Галя.

— Здравствуй,— отозвался растерявшийся Пенкин.

Потом оба помолчали, и после молчания Пенкин спросил:

— Как Огонечкина?

Галя объяснила, что с Огонечкиной все хорошо — она выздоровела, но, как ей кажется, не все хорошо с самим Пенкиным. Не заметил ли он, поинтересовалась Галя, что вот уже две недели не появлялся в школе. Пенкин ответил, что обратил на это внимание, и в свою очередь спросил, не читала ли Галя статью, опубликованную не так давно в газете «Пионерский галстук». Галя ответила, что статью она читала, что это очень интересная статья, и хотелось бы ее обсудить вдвоем с Пенкиным.

— Я слышала, что ты завтра собрался в Боливию. А я хотела бы с тобой поговорить еще до Боливии.

Пенкин не стал выспрашивать, откуда узнала Галя его телефон и кто ей сказал, что он едет в Боливию.

— Давай встретимся через час,— предложила Галя.

— Где?

— У старого дуба.

Пенкин промолчал.

— Придешь?

— Никто не знает о нашем разговоре?

— Ни один человек.

— Честно?

— Не веришь?

— Ладно, через час... у старого дуба.

Пенкин повесил трубку.

— Это вам звонили? — удивился Мирон Сергеевич.— Интересно, кто это вам звонил?

Пенкин сначала хотел рассердиться на Мирона Сергеевича, но потом передумал. Тем более, на Мирона Сергеевича уже сердилась Берта Павловна — по его милости, как она выражалась, был погублен какой-то чудо-пирог.

Галя кинулась в комнату и стала переодеваться.

Галка старалась говорить по-английски. Она упорно приглашала на экскурсию по городу, рекомендовала посетить музей и не опоздать на аэродром. Сперва Галина хотела надеть то бархатное платье, которое любила в пятом классе, потом вдруг решила надеть белую блузку, плиссированную юбку и красный галстук, но сообразила, наконец, что теперь зима и неважно, в каком платье придет она к старому дубу. Главное было совсем не платье, а шарф! Тот самый шарф, который купила бестолковая Галка и который оказался так необыкновенно кстати!

Галина стала страшно серьезной. Она подошла к Галкиному туалетному столику и подушилась Галкиными духами. Хмурик не выносил запаха духов и спрыгнул с туалетного столика.

— Ты куда? — спросила Галка по-русски.

— Часа через два вернусь. Нужно,— ответила Галина, поцеловала Галку, почесала за ухом Патинаву и вышла из комнаты.

— Вот так-то,— сказала Галка Патинаве, и Патинава неодобрительно помотал головой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Скучный разговор

Галя думала, что Пенкин будет чувствовать себя виноватым, но он с ходу пошел в наступление.

— Что, Оля тебя надоумила?

— Почему Оля? Я сама пришла.

Галя хотела сказать, что она с Олей поругалась, но не сказала.

— Осудили меня?

Пенкин был не такой, как она представляла, Гале стало не по себе, и она ответила равнодушно:

— Конечно.

— Ну, а какое приняли решение?

Пенкин посмеивался! И Галя, которая хотела ему рассказать все, что случилось в классе, вместо этого вдруг крикнула:

— Ты — трус!

— Почему это, интересно?

— Потому что сбежал! Наврал корреспонденту с три короба и сбежал! А мы — за тебя расхлебывай!

— Что же вы-то расхлебываете? Я — такой презренный человек, двоечник и врун, а вы все — ангелы с крылышками! Мне теперь все равно — я уезжаю, но напоследок скажу: все вы — каждый за себя, вот что плохо. Закиснете вы все скоро!

— А ты — трус! — упрямо твердила Галя.— Снова бежишь — трус! Ты можешь мотать куда угодно, хоть в Боливию, хоть в Парагвай, но ты обязан прийти в школу. Ты обязан посмотреть в глаза товарищам и честно им все рассказать.

— Я им такое скажу, что не обрадуются.

— Ну и скажи!

— Они думают — суд надо мной устроили. Да?

— А ты суда испугался?

— Ха-ха! Плевать я хотел. Я им такое могу высказать!

— Ну выскажи! Явись в понедельник и выскажи!

Галя вспомнила, как весь класс врал за Пенкина, сколько сама она за две недели напереживала, и как душилась у зеркала, когда бежала сюда, и как чихал и фыркал Хмурик, и ей стало здорово обидно, и она чуть не заплакала с досады.

— Ты чего это? — спросил Пенкин.

— Снежинка в глаз попала.

— А-а...

Разговора не получалось.

— Ну, а как там Корягин? — храбрился Пенкин.

— Очень по тебе скучает! Он за тебя, труса, заступился. Он, знаешь, что предложил?

— Ну, что?

Но Галя только махнула рукой.

— Я виноватый, конечно,— продолжал неприятно посмеиваться Пенкин.—. Но кто меня довел? Твоя подружка — любимая Олечка. На все у нее есть правило, все у нее по полочкам разложено. А я — не хочу на полочке лежать!

— Ах ты, какой особенный!

— Да, особенный. Каждый человек — особенный. Как вы этого не поймете?

— Ну вот бы пришел завтра и объяснил бы нам!

Становилось холодно.

— Мы — за себя. А ты — о ком заботишься? — спросила Галя.

— Я...

— Да, ты! Вот мерзну я, надрываюсь, а ты — все о себе, да о себе. Скучно с тобой, Пенкин, вот что! Я думала — с отличниками скучно. А оказывается, и с двоечниками не веселее.

— А с какими это отличниками тебе скучно? С Прудковым, что ли?

— А тебе какое дело?

Тут Пенкин расстроился. Обидно ему, что ли, стало?

— А как Нина Григорьевна? — ни с того ни с сего поинтересовался он.

— Замучилась Нина Григорьевна.

— Все-таки она хорошая. Ты ей привет передавай.

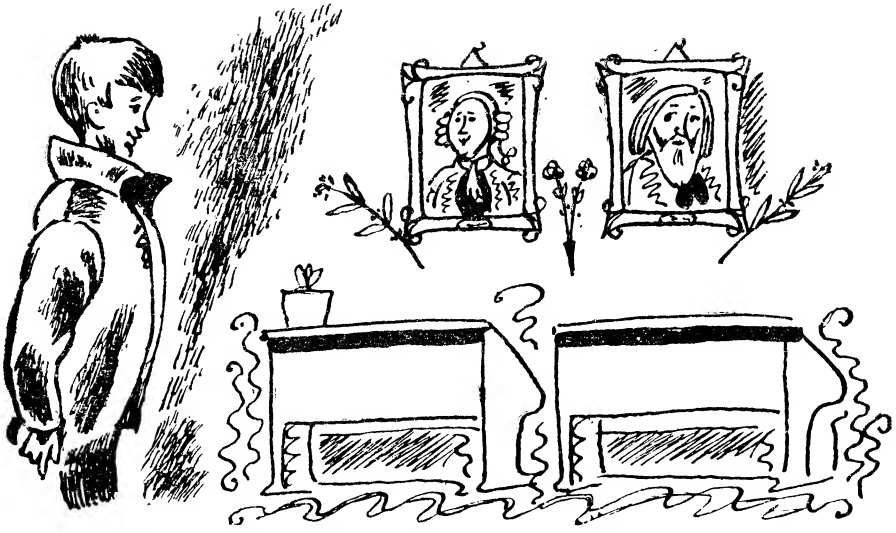
Постояли молча.

Потом Пенкин отошел и сказал:

— В общем... это... спасибо тебе, что пришла. И прости, что дневник твой унес. Вон он — целенький и невредименький. А мой — можешь на память себе оставить. Он мне ни к чему теперь...

Галя не сказала о том, что не случайно унесла его дневник две недели назад, что сберегала его, Пенкина. Ничего не сказала.

— Придешь в понедельник? — только спросила она.



— У меня билет на воскресенье.

— Струсил?

— Опять завелась!

— Я правду говорю.

— И я — правду. Теперь — не вру.

— Придешь?

Пенкин промолчал.

— Не знаю. Я тебе, Кудрявцева, напишу.

— Можешь не писать. Я тебе, Пенкин, не отвечу. Если ты не придешь в понедельник в школу, пусть даже на один час, я тебе никогда не отвечу. Запомни!

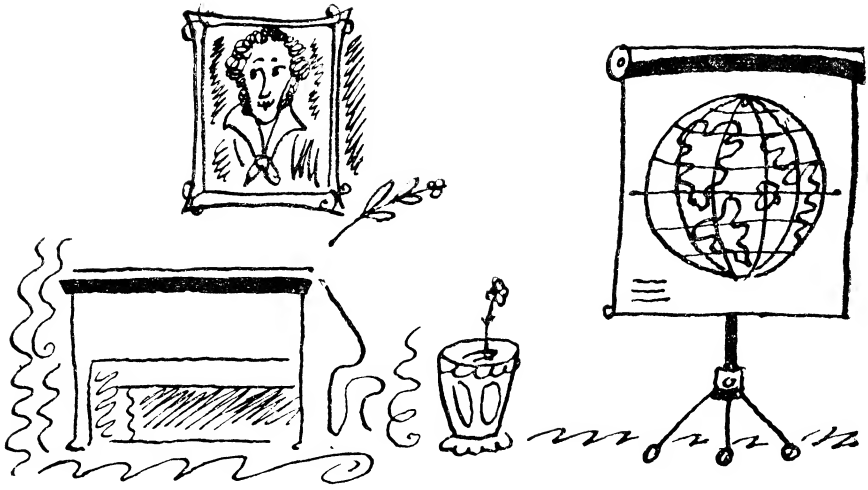
И Галя, не оборачиваясь, зашагала прочь.

Тихо было кругом. И белым-бело. И экскаватор, изрядно потрудившись за две недели, теперь помалкивал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Место в строю

Уже Щукин протрубил сбор, уже ребята выстроились на линейку, уже Фигурный пряник замахнулся палочкой на барабан, уже географ Борис Дмитриевич, по старой армейской привычке, вытянулся в стойку «смирно», уже Галя



Кудрявцева успела подумать, что все ее позавчерашние старания — напрасны, как вдруг дверь приотворилась и в класс просунулась голова Пенкина.

— Почему опаздываете? — строго спросил Борис Дмитриевич.

— Был у врача! — не сморгнув глазом, отрапортовал за Пенкина дежурный Зайцев.

— Становитесь в строй! — скомандовал учитель географии.

Ничего еще не понимая, зажав под мышкой портфель, Пенкин принялся отыскивать свое место в строю. Корягин и Прудков раздвинулись, и Пенкин встал между ними.

После рапорта все разошлись по местам.

Пенкин ни за что бы не узнал своей парты, если бы там не сидела Кудрявцева. Пенкин ни за что не узнал бы и своего класса — стены его отливали цветами радуги, посередине тремя рядами зеленых яхт выстроились ученические столы, и все они плыли к большому зеленому острову, который был когда-то классной доской. На подоконниках зеленели тропические растения. И портреты знаменитых путешественников, выравнявшиеся в линейку, казалось, одобрительно кивали головами, переговариваясь друг с другом на иностранных языках.

На мгновение Пенкин подумал, что все это происходит в каком-то фантастическом фильме.

— Пенкин — пятерка,— донесся до него издалека голос Васко да Гамы.

— Что? — вздрогнул очнувшийся Пенкин.

— Пенкин — пятерка,— повторил Борис Дмитриевич,— за контурную карту. Передайте, ребята.— И к Пенкину по рукам поплыла разрисованная цветными карандашами отличная карта Европы.

Вслед за картой приплыл к Пенкину и дневник. В нем рядом со знакомой двойкой находились чьи-то незнакомые пятерки.

Фантастика на этом не кончилась. Фантастика продолжалась!

Пенкин готовился к тому, что его будут ругать, прорабатывать. Но никто его не ругал, не прорабатывал и даже (самое удивительное!) не удивлялся его появлению. Никто не удивлялся! Ни учителя, ни ребята. Все вели себя так, словно ничего особенного не случилось. Ну, проболел человек немного — две недели пропустил, и все!

Пенкин стремился узнать, что значит эта разрисованная Европа и пятерки в дневнике — но спрашивать было не у кого. Все занимались своими делами. Все смотрели на него равнодушно, не обращали никакого внимания. И Кудрявцева не обращала!

На переменке к Пенкину подошла Нина Григорьевна.

— Пришел! Отлично! — сказала она, здороваясь с Геной.— Теперь можно и собраться.

«Ну вот, наконец, начинается!» — подумал Пенкин. Но тут подоспели Корягин с Сорокиным.

— А надо ли торопиться? В субботу будет у нас пионерский сбор. Давайте на сборе и поговорим.

Сорокин покивал головой.

И Нина Григорьевна согласилась, что торопиться действительно некуда. Можно подождать до пионерского сбора.

Потом как ни в чем не бывало прозвенел звонок, и все спокойненько отправились на урок истории.

Александр Петрович всегда сердился, когда преподавал историю шестому «В». То ли на шестой «В», то ли на историю средних веков.

И в самом деле — что в ней хорошего?

Феодалы наживались, а народ нищал.

Народ нищал с каждым уроком все сильнее и этим пользовались, между прочим, не только феодалы, но и Ваня Андреев.

— А крестьянам становилось жить все хуже! — бойко отвечал он, о чем бы ни спросили. И почти всегда оказывался прав. И получал как минимум тройку.

На этот раз Александр Петрович принес на урок проекционный фонарь. Миронов поднял руку.

— Кино сегодня будет?

— Садись! — сердито сказал Александр Петрович и стал сердито отмечать в журнале — кто есть и кого нет. Потом перешел к опросу. Первым отвечал Ваня Андреев. Про крестьян. И получил свою тройку. Дальше шел Борис Ильин. Этот заработал пятерку. И тут ко всеобщему ужасу сердитый Александр Петрович вызвал к доске Пенкина. И те самые ребята, которые так хорошо с самого утра притворялись равнодушными — дрогнули. Они не отрываясь глядели на Пенкина, готовые в любую минуту (только как?) прийти ему на выручку. Но Пенкин вовсе не нуждался в помощи. Немного волнуясь, с непривычки, он начал рассказывать о Жанне д'Арк.

И Жанна д'Арк моментально вышла из учебника и зашагала босыми ногами по траве. Она совершенно живая шла по траве и щурилась от солнца. Ей было семнадцать — на пять лет больше Кудрявцевой и всего на четыре Миронова, которому папа подарил часы за четверку по географии. Жанна училась бы в девятом классе и в следующий год кончала школу. Но она не училась совсем, и наверно, поэтому епископам, судившим ее, удалось запугать и сбить с толку неграмотную Жанну. Но до суда было еще далеко — Пенкин рассказывал, как храбро сражалась она за любимый Орлеан, как гордо сидела на коне, крепко сжимая в руке знамя милой Франции...

Все прямо-таки заслушались. И Александр Петрович перестал сердиться и, совершенно не сердясь, поставил в журнал, а потом в дневник Пенкина аккуратненькую пятерку.

Весь шестой «В» торжествовал!

Все пришли в хорошее настроение. Даже Оля Замошина.

И ободренный Миронов снова поднял руку.

— А кино будет?

— Иди к доске, вот тебе и будет кино,— снова рассердился Александр Петрович.

И началось кино.

Миронов ничего не мог ответить ни про Генеральные

штаты, ни про мир с англичанами. И получил двойку. И сел на место.

И тогда погасили свет. И стали показывать Жанну д'Арк.

Но сначала никто не смотрел, а все в темноте набросились на Миронова — за эту его двойку, которая подвела всех, и тут же в темноте договорились, что Пенкин подтянет его по истории.

А уж дальше стали внимательно рассматривать Жанну д'Арк, которую так хорошо обрисовал Пенкин.

В общем, день сложился для Пенкина удачно.

А в конце дня Толя Зайцев спросил:

— Ты домой?

Пенкин подумал и сказал:

— Да.

— Если не возражаешь, я к тебе сегодня наведаюсь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Семья плюс школа

Пенкин вернулся домой из военно-спортивного похода в понедельник, двадцать третьего декабря ровно в пятнадцать ноль-ноль по московскому времени.

Мама, которая очень обрадовалась, отчего-то заплакала, а потом, осмотрев Пенкина, сказала, что он вырос и возмужал — вот что значит две недели провести на свежем воздухе.

Гена согласился с этим. Спорить не стал.

Наскоро пообедав, он сел за уроки. Это было очень здорово — после блуждания по городу, кинофильмов, винных бутылок, чужого дома — сесть за обыкновенные уроки в своей комнате.

Но уроков накопилось тьма. И завтра был трудный день. И сосредоточиться было очень трудно. Куда-то далеко, в средневековье, уходила прошлая неделя. Как будто и не было ее на самом деле, как будто бежал из дома, бродил по морозным улицам, грелся в подворотнях, знакомился с Мышканом не сам Пенкин, а кто-то другой, на него только похожий. На тех же местах на том же столе лежали любимые пенкинские книги, было тепло и даже солнечно, и рядом ходила в домашних туфлях мама.

Воспоминания задергивались туманом и сквозь этот туман прозвенел звонок. Это шел на выручку Толя Зайцев.

— Что же это у вас звонок такой хилый? — недовольно поморщился Толя.

И первым делом наладил звонок. Потом он осмотрел всю квартиру и остался недоволен ее устройством. Он предложил установить в комнате Пенкина небольшой пульт управления для включения и выключения газа на кухне, горячей воды в ванной комнате, телефона в коридоре и телевизора в столовой.

— Можно сделать разноцветные кнопки или клавиши. Как хочешь.

Но Пенкин резонно считал, что это — не такое уж срочное дело. И Зайцев, согласившись с ним, засел вместе с Пенкиным за уроки.

Зайцев знал все на свете. Особенно по арифметике, геометрии и физике. Он отвечал на все вопросы, какие бы ни задавал ему Гена.

Но как только Пенкин попытался выяснить, что произошло в классе за эти дни,— Зайцев становился рассеянным и переводил разговор обратно на физику.

Зайцев ушел в одиннадцать вечера, перед уходом устроив Пенкину жестокий опрос. Мама заглядывала несколько раз, но так и не решилась помешать им заниматься.

Пенкин боялся, что придется долго объяснять, почему его мама, погибшая при пожаре, ходит как ни в чем не бывало по квартире в домашних туфлях — но объяснять ничего не пришлось. Впрочем, в цепи удивительных событий дня это было явлением ничуть не более удивительным, чем пятерки в дневнике, контурная карта Европы или приход Зайцева.

На следующий день Пенкин получил по физике четверку. Никогда еще он так хорошо не отвечал физику — но странное дело! — Юлия Львовна не была поражена его ответом, наоборот, сказала, что ждала от него большего, рада, что он перестал хрипеть, а ребята на переменке чуть не избили за что-то Зайцева.

Каждый день к Пенкину кто-нибудь являлся.

— Шел мимо, дай, думаю, загляну,— сказал во вторник Прудков.

— А у нас погас свет. А у вас не погас? А можно, я у тебя уроки сделаю? — напросилась в среду Шамрочка.

В четверг, ни слова не говоря, заявился Корягин.

Все вели себя по-разному, готовили с Пенкиным разные уроки и только в одном обнаруживали сходство — как только Гена заводил разговор о статье — они замолкали.

Целых два раза за неделю удалось Пенкину побеседовать с папой. И обе беседы были на редкость содержательны!

Илья Иванович, узнав от сослуживцев об успехах сына, познакомился в библиотеке со статьей и в первую же встречу искренно поздравил Геннадия. Надо сказать, что мама, присутствовавшая при этом и ничего до того не знавшая о статье, была сильно смущена и даже перепугана.

Вторая беседа состоялась в тот самый день, когда у Гены находился Корягин.

Илья Иванович любил беседовать со школьниками!

— Мне совершенно чужд догматизм,— говаривал он у себя в институте.— Я не понимаю людей, которые за томами ученых трудов не видят жизни! Каждая беседа с живым школьником — для меня всегда источник новых впечатлений и свежих мыслей!

— Трудитесь? — поинтересовался Илья Иванович, заглянув в комнату сына.

Корягин встал и познакомился.

— Это хорошо,— продолжал Илья Иванович.— Хорошо, что вы трудитесь. Если понаблюдать — сколько времени молодежь расходует зря. Главное, не допускать самообмана. Бывает — особено часто по статистике встречается это у школьников пятых — седьмых классов,— учащийся решает отложить дело на завтра. Обман! Маленькая ложь! А маленькая влечет за собой большую. Человек должен быть честен! Кстати, теоретически вопрос этот недостаточно освещен! А между тем — это проблема! Посудите сами — некогда ложь скрашивала жизнь скучную, обывательскую. А ныне? Произошли огромные социальные сдвиги, и ложь исчезает из нашего обихода. Если понаблюдать за собой... Ну вот ты, Коля...

— Федя,— извинился Корягин.

— Ответь, Федя, много ли тебе в последнее время приходилось говорить неправду?

— Это... по обстоятельствам,— пробормотал растерявшийся Корягин.

Пенкин пытался замять этот разговор, но не тут-то было.

— Вот видишь,— обрадовался Илья Иванович.— Хорошо! Я сошлюсь на личный пример. Не потому, что он чем-нибудь замечателен и не из хвастовства, мне чуждого, а просто

потому, что я лучше его знаю и он, если угодно, мною лучше изучен. Геннадий с детских лет был правдив и честен. Он никогда не лжет. Отсюда — повышенная требовательность к себе. И — налицо результаты. Ты читал, Саша, в газете статью «Всем ребятам пример»?

— Просматривал,— ответил Федя.

— А почему это все могло произойти? Как думаешь? Правильная система воспитания,— сверкнул очками Пенкин-старший.— Семья плюс школа. Но Геннадий — не исключение. Поразительные бывают примеры...

И Илья Иванович привел пять-шесть примеров, живо проиллюстрировавших его мысль. Потом он сообщил ребятам, что, закончив труд о семье и школе, он намерен приняться за разработку проблем лжи и правды в школьной жизни.

— Теоретически этот вопрос разработан мало,— повторил Илья Иванович, еще раз посоветовал понаблюдать за собой и ушел ужинать.

А Корягин с красным, как помидор, Пенкиным продолжали корпеть над уроками.

За вторник — четверг Пенкин получил три четверки. Для самого Геннадия это было огромным достижением. Но ребята остались недовольны. И учителя считали, что успеваемость Пенкина, по сравнению с прошедшей неделей, заметно снизилась.

— Сполз на четверки!

— Головокружение от успехов!

— Успокоился на достигнутом!

— Почил на лаврах! — укоряли бедного Пенкина учителя.

Ребята выбивались из сил, Геннадий старался как никогда и, наконец, в пятницу честь Пенкина была восстановлелена — две пятерки появились, наконец, в классном журнале.

Пенкин тоже бы радовался, если бы с каждым часом не приближалась суббота.

Шестой «В» готовился к пионерскому сбору. Уже давно было запланировано на этот сбор пригласить героя войны. Пенкина обходили стороной. Ни о чем, кроме уроков, никто с ним не разговаривал. После занятий ребята оставались, писали кому-то письма, на переменках шептались друг с другом, а когда приближался Пенкин — сразу же замолкали.

И Пенкин понял, что в субботу будет плохо!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Без героя

Вторая четверть — самая короткая четверть на свете. Не успеет начаться — уже и кончается. Всего-навсего шесть с половиной недель.

Но сколько же иногда вмещает она событий! Самых разных, заранее непредусмотренных!

Люди быстро растут. Если в первой четверти девчонки озабочены тем, чтобы укоротить юбки, то к концу второй — юбки коротятся сами. Время идет быстро.

Заранее разве все предусмотришь! Разве же все распланируешь!

Вот по плану внеклассной работы на конец четверти был намечен пионерский сбор, посвященный итогам соревнования, и встреча на этом сборе с героем войны. Но разве мог кто-нибудь предположить, что сбор этот будет посвящен Пенкину и всему тому, что приключилось в последние три недели!

Героя пришлось потеснить на вторую полсвину сбора!

Сначала слово взял Зайцев и сказал фальшивым голосом, что, мол, за это время Пенкин исправился, все, мол, распрекрасно и что обсуждать здесь особенно нечего и следует перейти к подведению итогов.

Тогда Нина Григорьевна вышла на середину и спросила:

— Значит, нечего? И вы ничего не хотите мне рассказать?

Молчание длилось недолго, потому что встал Корягин и рассказал все как есть. А Галя Кудрявцева вышла в коридор и привела Мирона Сергеевича. Она, оказывается, пригласила его на сбор как свидетеля.

— Вы можете, Нина Григорьевна,— сказал Корягин,— применять самые строгие меры. И главное — по отношению ко мне. Я это все затеял. И значит — я виноват.

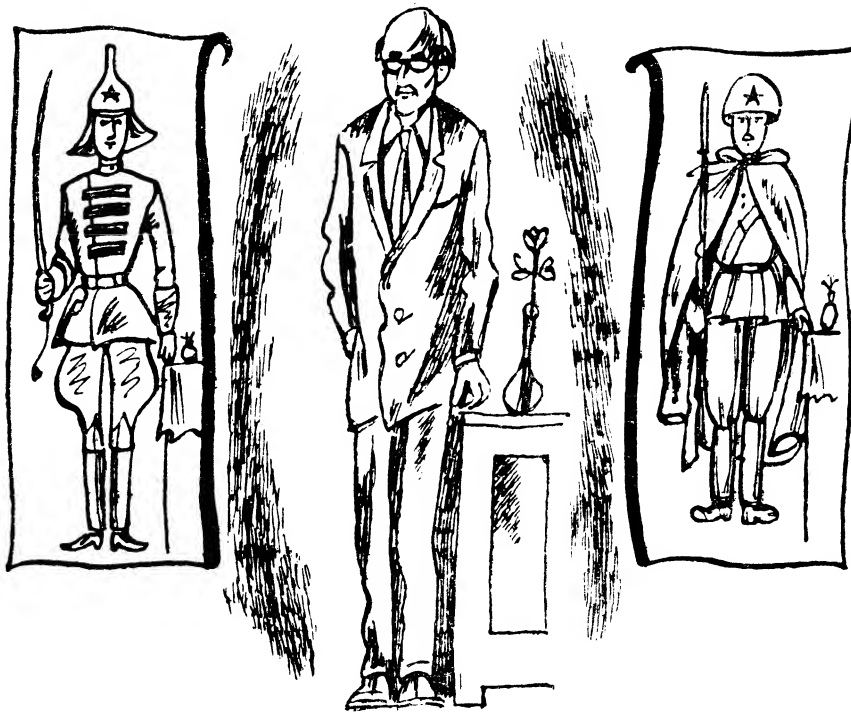
Многие тут же вызвались взять вину на себя, но Нина Григорьевна остановила шум.

— Виновата и я, ребята. Я все знала.

За окном дворник тупой деревянной лопатой сгребал снег.

— Откуда? — спросила звенящим шепотом Шамрочка.

— Во-первых, мне сказал один человек. Но это неважно. Я догадалась и без этого. И скрыла. И я буду нести за все ответственность перед руководством школы.



И тогда только все поняли, насколько это серьезно. И набросились на Пенкина.

Он стоял посреди класса бледный и молчал. Не врал, не хвастался, не усмехался. Он только долго молчал перед тем, как сказать очень тихо:

— Вы мне имеете право не верить. Вполне. Я знаю. Но я пересдам все, за что выставлены отметки. И я пойду к директору и все объясню. Потому что виноват я один. Только я. И никто больше.

А героя не оказалось. То ли Андреев, которому он был поручен, неточно с ним договорился, то ли герой пообещал, а его куда-то вызвали в другое место. Герои — народ занятой.

В общем, героя не оказалось.

И Замошина навалилась на Андреева.

— Неужели нельзя было держать в резерве хоть какого-нибудь участника войны? Хотя бы из числа родителей!

Оля была несправедлива. Таких старых родителей, кото-

рые воевали, у шестого «В» не было, а дедушки жили далеко не у всех. Воевала щукинская бабушка, но она, как назло, гостила у подруги в Курске.

— Я не знаю, смогу ли вам пригодиться,— сказал тогда Мирон Сергеевич,— но мне приходилось бывать на войне.

Все очень обрадовались, что Мирон Сергеевич бывал на войне, и вывели его на середину.

— Только я никакой не герой, заранее предупреждаю, чтобы не было потом недоразумений.

И Мирон Сергеевич рассказал примерно следующее:

— Когда я был комсомольцем, а это было страшно давно, в городе Екатеринославе, теперь Днепропетровске, шла гражданская война, и мы с друзьями оказались в подполье. Мне поручили печатать боевые листовки и издавать комсомольский журнал. Журнал назывался «Навстречу заре». Так я и пристрастился к печатному слову. У меня был закадычный друг. Мы вместе с ним писали стихи и помещали их в комсомольском журнале.

А когда война кончилась, мы отправились сперва в Харьков, а потом в Москву — становиться поэтами. Тогда республика нуждалась в поэтах. Но поэта из меня не получилось. Чтобы стать поэтом, нужно иметь свой голос. А у меня голоса не было. А отстать от печатного слова я уже не смог. Тогда я выбрал себе другую специальность, которая тоже нужна была республике. Я стал продавцом новостей. Я продавал газеты, журналы, книги. Я предлагал людям печатное слово. И я полюбил свою работу. Но война, новая война, заставила меня ее оставить. Я ушел на фронт. Я воевал и был ранен. Нет, никакого особенного подвига я не совершил. Но воевал добросовестно. Вернулся домой. Это было в первый год войны. Время — трудное. Люди нуждались в тепле, в хлебе и в добрых вестях с фронта. И я снова стал предлагать им печатное слово. Трудно было сделать так, чтобы каждый день в девять утра у меня в киоске лежали свежие газеты. Но они лежали всегда, каждый день, все эти военные годы.

Я вам так скажу — я был счастлив в своей жизни. Хотя никакого подвига не совершил. Но у меня было дело, которое я любил. А это, наверно, самое главное. Честно служить. И любить то, что делаешь.

Мой друг стал известным поэтом. Такова была его судьба. А я стал газетчиком. Это — моя судьба. Но вы думаете, что она несчастливая? Я с вами не соглашусь!

Да, поэт — это редкая специальность. Но и моя профессия — редкая. Может быть, еще более редкая, чем поэт! Я нигде не встречал объявления: «Требуются поэты». Потому что они, слава богу, есть. Но посмотрите— по всему городу расклеены листовки — «требуются киоскеры», потому что их, к несчастью, нет. И если бы вы когда-нибудь, полюбив печатное слово, принялись раздавать людям счастливые новости — это было бы не так плохо и для вас и для людей. Поверьте мне.

Я знаю — вы хотите все стать космонавтами. Все себе попридумываете, сочиняете что-то необыкновенное! Вы хотите, чтобы лучше о вас писали в газетах, чем читать о других! Но кто будет продавать эти газеты с вашими портретами — вы подумали? Республике нужны люди негромких профессий. А чтобы эти профессии стали необыкновенными, а вам ведь подавай только необыкновенное,— нужно любить свое дело, и тогда оно засверкает! Поверьте вы мне.

А ведь можно подняться в космос и ничего там не увидеть, кроме самого себя. Так тоже может случиться!

Вот что примерно говорил Мирон Сергеевич.

Мирон Сергеевич говорил, а ребята слушали и удивлялись... Все становилось ясно. Кроме одного. Кто открыл секрет Нине Григорьевне.

Оля Замошина? Нет, она бы не сделала такого тайно.

Вернее всего, это сделала Шамрочка, хитренькая девочка с двумя голосками!

На следующий день Нина Григорьевна не пустила Пенкина к директору, а пошла сама. Но весь шестой «В» гурьбой ввалился в приемную и стал у дверей директорского кабинета. Не было только Бори Ильина — он заболел. Заболел первый раз за шесть лет.

В углу тоненько попискивала Маша Шамрочка. Она клялась, что это не она выдала секрет класса. «Ну ладно, пусть я подхалимочка, пусть,— уверяла всех Маша,— но я же не предательница!» — Она клялась и плакала, но никто ей не верил.

Нина Григорьевна вышла из кабинета бледная.

Пенкин пошел к Ивану Петровичу, а за ним все.

Иван Петрович только одно сказал Пенкину, а потом всем:

— Будете решать сами. Вы — хозяева школы. Вы уже взрослые, и вам самим следует оценивать свои поступки. Пусть решает совет дружины!

* ЛЕНКИН *

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Средневековая страничка

«Совет дружины собрался в самом конце года, когда уже был ясен исход состязаний между отрядами.

Какой из отрядов достоин названия лучшего?— вот какой вопрос решали мудрейшины совета дружины.

По всем показателям лучшим мог стать отряд Сороки, тот самый, в котором сражался наш Генрих. Он был лучшим по санитарному состоянию (последние два слова перечеркнуты), красоте, по дружбе и успехам в учениях.

Но некто иной, как Генрих опозорил боевое знамя своего отряда. Славный и дружный отряд, вступившись за честь Генриха, принужден был обманывать и лгать, и за это предстояла ему тяжелая кара.

Как быть? — ломали головы члены совета дружины.

И не знали мудрейшины, какое принять решение...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Конец без конца

Выручил Алик Лоповов из седьмого «Б» класса. Тот самый важный Алик, который обычно лежал на своем пальто и молчал.

— Очень просто,— произнес он, и все обернулись: чего это он вдруг, не заболел ли?

Но Алик не заболел. Он четко и ясно повторил:

— За успехи в соревновании переходящий вымпел следует вручить шестому «В».

Все завозмущались, закричали и замахали руками.

Алик переждал, пока кончится шум, и спокойно продолжал:

— А за вранье следует переходящий вымпел у них отнять.

Нет, все-таки не зря Алика Лоповова ввели в совет дружины. Не зря он пролежал на своем пальто!

Когда голосовали Аликино предложение, кто-то вспомнил, что отряду шестого «В» класса до сих пор не присвоено никакого имени. Кто-то сострил и предложил в срочном порядке назвать отряд именем барона Мюнхаузена. Но стар-

шая вожатая Таня оборвала остряка, потому что было не до шуток.

Оля Замошина попросила вывести ее из совета дружины, как не справившуюся со вранье́м. Ее просьбу удовлетворили.

А на следующий день между первой и второй сменой была объявлена общешкольная линейка. Никто, кроме шестого «В», не понимал почему.

— Что случилось? — спрашивали одни.— Новый спутник запустили?

— Нет,— предполагали другие,— появилось новое независимое государство на Африканском континенте.

Только отряд без имени, отряд шестого «В» класса твердо знал, что не был в тот день запущен спутник и не образовано было независимое государство на Африканском континенте.

Перед сбором дружины выступил Корягин и рассказал слово в слово всю двухнедельную историю шестого «В», ту историю, которую не стоит повторять, если вы ее уже прочли. И еще добавил, что на классном собрании ученики шестого «В» решили сами выставить себе оценки за поведение в четверти. Принято решение снизить оценки на один балл, и все, кроме, Бориса Ильина, получили четверку в четверти. Борис Ильин объяснил, что рассказал всю правду классному руководителю, и поэтому один имел право получить за поведение пятерку. И таким образом единственный в классе оказался круглым отличником.

И вся школьная линейка дружно захлопала Боре Ильину, который всегда говорил правду и никогда за все шесть лет не получил ни одной четверки в четверти.

Потом пионеры приняли обращение в газету, где все рассказывалось, как есть — о бедах и достижениях шестого «В» и о бедах и успехах Пенкина, который, кстати, сумел пересдать свои пятерки на пятерки и с честью закончить четверть.

После линейки весь шестой «В» отправился к своему дубу вместе с Ниной Григорьевной. Все рассказывали ей наперебой про дуб, про старое сочинение и про фигурный пряник. И Нина Григорьевна много смеялась вместе со всеми, а потом вдруг вспомнила, что ее ждут дома, и все отправились ее провожать. Только за Ильиным подъехала машина, и папа увез его домой.

Ничего еще не было точно решено ни с Ниной Григорьевной, ни с классом. Впереди был педагогический совет. Школьная линейка одно, педагогический совет — другое.

Поговаривали, что всем ученикам, кроме Ильина, запишут выговор в личное дело, а Нину Григорьевну могут снять с работы.

Поэтому шестой «В» так бережно вел Нину Григорьевну под руки до самого дома. А Шамрочка даже поцеловала ее на прощание. Девчонки плакали, а мальчишки натужно смеялись.

Потом шестой «В» взялся за руки и, перегородив всю улицу, отправился в путь. Они шли и шли к своему району, к своей школе, к своим домам. Они говорили об имени, которого нет еще у отряда, о Новом годе, который скоро наступит, о страшном педагогическом совете, о Нине Григорьевне, о той четверти, которая прошла, о каникулах и будущей школьной жизни.

Потом все распрощались и разошлись по домам.

А четверо отправились обратно, к старому дубу.

Корягин, Замошина, Пенкин и Кудрявцева. Эта четверка немалому научилась в этой четверти. Они стояли у дуба и спорили.

— Если хотите знать,— говорила Оля,— как раз Ильин и поступил правильно. А я поддалась и отступила от правил. Простить себе этого не могу.

— Пусть он поступил правильно,— пробасил Корягин,— но я бы никогда так не сделал! Никогда!

— Ну и что хорошего? — дразнила его отчего-то сиявшая Кудрявцева.— Сняли тебя со старосты.

— Ну и пусть. И пусть!

— А вы знаете, чьим именем я бы назвал отряд? — спросил вдруг Пенкин.— Именем газетчика Мирона Сергеевича.

— Уж ты выдумаешь! — возразила Замошина.

И спор разгорелся с новой силой. Очень уж много накопилось нерешенных вопросов. И не решен еще был самый главный из них — как жить дальше.

Они долго спорили об этом и, наверно бы, решили, если бы не заверещал экскаватор. Он работал сегодня во вторую смену и загрохотал отчаянно и яростно.

И автор, который стоял неподалеку и хотел записать конец этой повести, снова ничего не услышал.

Он только увидел, как Кудрявцева подошла к Оле Замошиной и протянула ей руку.

Он только увидел, как Пенкину стало стыдно, как он вынул из портфеля свою заветную коричневую тетрадь и передал ее Кудрявцевой; как та долго отказывалась и по-

правляла свой пушистый шарф, а потом взяла и даже, кажется, покраснела.

И вдруг, перекрывая шум экскаватора, зазвучала живая и громкая песня.

Она прорвалась сквозь металлический скрежет и унеслась куда-то далеко, к морозному небу, к дальним огням, к звонкому и загадочному Завтра.

Это пела временно освобожденная об общественных нагрузок Оля Замошина.

У нее действительно оказался отличный голос! Свой. Собственный.

И хотя это никакой не конец, а, может быть, только еще начало, в надежде, что все должно кончиться хорошо, автор уверенной рукой выводит на этой, последней страничке —

Конец повести.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Глава первая
Пенкин против шестого «В» 5

Глава вторая
Погибшая мама 12

Глава третья
В это самое время 16

Глава четвертая
Редакционная тайна 22

Глава пятая
Неприятность в конце недели 28

Глава шестая
Диалоги на бульваре 35

Глава седьмая
Средневековая история 43

Глава восьмая
Зловредное воскресенье 44

Глава девятая
Побег 50

Глава десятая
У старого дуба 54

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Глава первая
Понедельник начинается 61

Глава вторая
Физика вслепую 65

Глава третья
Люди после шести вечера 71

Глава четвертая
Большая перемена 73

Глава пятая
Мышкан и другие 84

Глава шестая
Нина Григорьевна дома 90

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Глава первая
Обратный адрес 101

Глава вторая
Примерно лет восемьсот назад 109

Глава третья
Чужой дневник 113

Глава четвертая
Галина и Галка 117

Глава пятая
Скучный разговор 122

Глава шестая
Место в строю 124

Глава седьмая
Семья плюс школа 129

Глава восьмая
Без героя 133

Глава девятая
Средневековая страничка 138

Глава десятая
Конец без конца 138

47 коп.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

ozon.ru
1246867518